

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ,
ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ
АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В 2019 ГОДУ**

Минск
Академия МВД
2019

УДК 34
ББК 67
С23

Сборник статей победителей конкурса научных работ, выполненных обучающимися Академии МВД Республики Беларусь в 2019 году / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2019. – 235, [1] с.
ISBN 978-985-576-214-1.

Включает статьи лауреатов конкурса научных работ обучающихся Академии МВД Республики Беларусь и авторов работ первой, второй и третьей категории. Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования Министерства внутренних дел и Министерства образования Республики Беларусь.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-985-576-214-1 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019

УДК 343.985

И.И. Андреева, курсант следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Толочко*

РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ЗНАНИЙ

Из всех юридических наук криминального цикла теория оперативно-розыскной деятельности и криминалистика, пожалуй, самые близкие по теоретическому и практическому содержанию научные дисциплины. Много общего в их природе, сущности, методологии, стоящих перед ними задачах, понятийно-категориальном аппарате, а самое главное, в предлагаемом практическим работникам арсенале средств и методов раскрытия и расследования преступлений, тактике и методике проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Это неслучайно, ибо на первоначальном этапе формирования теории оперативно-розыскной деятельности она, как сравнительно новое по историческим меркам научное направление, развивалась преимущественно в рамках криминалистической науки, поскольку из всех юридических наук именно криминалистика в силу своей специфики оказалась наиболее близкой оперативно-розыскной проблематике.

Длительное время теория оперативно-розыскной деятельности рассматривалась как составная часть криминалистики, один из ее разделов. Сама криминалистика появилась в недрах уголовно-процессуального производства в середине XIX в. Основной задачей криминалистики того времени было обеспечение уголовного процесса данными, на основе которых можно было бы объективно судить об обстоятельствах расследуемого события. Это позволяло в дальнейшем правильно квалифицировать расследованное событие в соответствии с существующими нормами уголовного права.

Зарождение теории оперативно-розыскной деятельности в недрах криминалистики подтверждается в частности тем, что даже основатель криминалистической науки, уделавший значительное внимание рассмотрению вопросов оперативно-розыскного характера – о различных криминальных приемах преступников и способах (в том числе и негласных) их распознавания, воровском языке, чтении зашифрованных писем, типовых способах совершения краж и мошенничества [1, с. 114].

Р.С. Белкин и А.С. Соколов считали оправданным в рамках курса криминалистики в учебных заведениях МВД предусмотреть изучение организации и тактики проведения личного сыска, наружного наблюдения, оперативной проверки и других действий, которые они уже тогда называли оперативно-розыскными мероприятиями. С развитием криминалистики в работах отдельных авторов настойчиво проводилась мысль о том, что существует специальная научная дисциплина, отличная от криминалистики, которая специально разрабатывает вопросы оперативной работы учреждений внутренних дел.

Впервые о существовании такой научной дисциплины упомянул А.И. Винберг в 1959 г. Руководствовались ученые тем, что в социальной практике борьбы с преступностью все большее внимание начинали обращать на себя некоторые специфические потребности, которые криминалистика не могла уже удовлетворить, не изменив своему предмету. Исследование процесса зарождения и формирования теории оперативно-розыскной деятельности показывает, что для него характерна общая закономерность истории науки, заключающаяся в том, что ни одна по-настоящему новая область исследования не может избежать «накопительного этапа», когда будущий предмет научного исследования четко еще не определен. Определение предмета науки – необходимое условие и исходная предпосылка правильной организации и эффективного развития познания, важный фактор упорядочения накопленных знаний [2, с. 115]. О так называемом «накопительном этапе» и становлении теории оперативно-розыскной деятельности как самостоятельной отрасли научного знания А.Н. Васильев пишет: «Существовавшая ранее точка зрения о том, что оперативно-розыскные действия, используемые в расследовании, охватываются криминалистикой, объясняется главным образом тем, что особая дисциплина, объединяющая все виды оперативно-розыскных действий, находилась в процессе становления. По мере того, как эта дисциплина заняла свое место в системе наук, вышеуказанная точка зрения изменилась» [1, с. 116].

Итак, начиная с 1960-х гг. усилия ученых были направлены на разработку общей теории оперативно-розыскной деятельности, определение ее предмета и методологических основ. Серьезное влияние на решение проблемы становления теории оперативно-розыскной деятельности оказали научные поиски С.П. Митричева, А.К. Стальгевича, И.М. Лузгина, В.К. Звирбуля, С.С. Степичева и других исследователей, которые пытались ответить на вопрос о природе, характере и области применения информации, полученной в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий. В зависимости от своих взглядов на характер и происхо-

ждение данной информации криминалисты, процессуалисты, теоретики в области оперативно-розыскной деятельности и другие специалисты определяли, какие приемы и методы оперативных сотрудников «правовые», а какие «неправовые», относится оперативно-розыскная деятельность к юридическим наукам или нет, является самостоятельной или вспомогательной наукой.

Предметом познания теории оперативно-розыскной деятельности как любой другой науки, считает И.А. Климов, являются закономерности, отношения, связи и другие объективные стороны, характерные для объекта ее исследования. Примерно в том же ключе рассуждает Г.В. Плеханов: «Одной из основных задач любой науки является познание связей, сторон и свойств, присущих явлениям, процессам и событиям соответствующей области реальной действительности» [3, с. 43]. Аналогично мыслит В.Г. Горбачев, который указывает, что предметом науки являются наиболее важные и существенные стороны объекта, его признаки и свойства, которые вызывают интерес для данной отрасли научного знания и практической деятельности человека [4, с. 208]. В 1995 г. в своей докторской диссертации И.А. Климов отметил, что закономерности являются главным, но не единственным элементом структуры предмета теории оперативно-розыскной деятельности. По его мнению, данная структура также включает в себя оперативно-розыскные отношения – общественные отношения, возникающие и существующие в практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Методы выявления, предупреждения и раскрытия преступлений разрабатываются не только теорией оперативно-розыскной деятельности, но и уголовным процессом, криминалистикой, криминологией и некоторыми другими научными дисциплинами. Применительно к предмету криминалистики Е.В. Смахтин на этот счет пишет: «В ходе научного исследования объектов познания юридических наук уголовно-правового цикла неточности в формулировании предмета криминалистического научного исследования являются методологическими ошибками и в последующем приводят к поверхностному изложению криминалистически значимых признаков преступной деятельности. В свою очередь такие результаты остаются не востребованы практикой, так как ведут к аналогичным результатам, например, при описании алгоритма деятельности следователя на уровне частной криминалистической методики» [5, с. 12].

В оперативно-розыскной практике нашли применение такие разделы криминалистики, как судебная фотография, учение об отождествлении человека по признакам внешности, дактилоскопия, тактические примеры осмотра, обыска, допроса и др. Рассматривая технические средства,

используемые в оперативно-розыскной деятельности, следует учитывать, что изначально они происходят из криминалистической техники. Сегодня теория оперативно-розыскной деятельности и криминалистика имеют одни объекты изучения – преступную деятельность различных видов и деятельность по ее раскрытию и расследованию. Основное различие между предметами криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности в том, что последняя по своему основному назначению призвана изучать прежде всего тайные действия преступников, типичные признаки латентных преступлений и преимущественно негласные силы, средства и методы, применяемые оперативными подразделениями для своевременного выявления преступлений, их предупреждения и раскрытия, обеспечения неотвратимости ответственности виновных в их совершении.

Р.С. Белкин определяет криминалистическую тактику как систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступлений [6, с. 313–314]. Как видно, связь между рассматриваемыми видами тактики очень велика. Подтверждением этому является и анализ практики. Многие тактические особенности проведения большинства следственных (допроса, очной ставки, обыска, проверки показаний на месте, предъявления для опознания, следственного эксперимента), а также некоторых иных процессуальных (задержания) действий связаны с тем обстоятельством, что в ходе их осуществления используется информация, полученная оперативным путем [7, с. 242].

Что касается способа совершения преступления, то, как известно, в криминалистике в рамках этого понимаемого в широком смысле понятия выделяют: способ подготовки к совершению преступления, способ непосредственного совершения преступления и способ сокрытия преступления. Вполне очевидно, что, располагая этими сведениями, можно судить об умениях, знаниях и профессиональных навыках разыскиваемого; его интеллектуальном уровне; характерологическом облике, складывающемся из черт характера и психической направленности личности; ценностях и ценностных ориентациях; преступном опыте; физической силе; умении владеть теми или иными орудиями или средствами, вооруженности, что также важно учитывать при осуществлении розыска [8, с. 123]. В розыскной работе, как, впрочем, и в остальных направле-

ниях оперативно-розыскной деятельности, активно используются криминалистические учеты и криминалистические методы идентификации личности. Например, в отдельных случаях не представляется возможным идентифицировать личность искомого преступника по мысленному образу и возникает необходимость отождествления данного человека экспертным путем, в связи с чем назначаются и проводятся различные идентификационно-личностные экспертизы (генотипоскопическая, почерковедческая, дактилоскопическая, стоматологическая, одорологическая и т. п.) [9, л. 370]. От рекомендаций криминалистической тактики в известной степени зависит успешность таких ОРМ (вне зависимости от обстоятельств и условий, в которых они проводятся), как оперативный опрос, сбор образцов, исследование предметов и документов, оперативное отождествление, оперативный осмотр.

Если обобщить приведенные точки зрения и провести детальный сравнительный теоретико-прикладной анализ элементов, образующих, соответственно, каждый из рассматриваемых видов тактики (ситуация, версия, тактический прием, тактическое решение, комбинация, операция и др.), то можно прийти к выводу о том, что основное различие между оперативно-розыскной и криминалистической тактикой состоит в субъектах, которые ее применяют (в первом случае это оперативные сотрудники, а во втором, как правило, следователи), и в реализуемых этими субъектами действиях, на которые эта тактика направлена, чтобы повысить их эффективность (в первом случае это ОРМ, в том числе осуществляемые негласно, ограничивающие конституционные права граждан, а во втором – следственные действия).

Таким образом, из всех юридических наук криминального цикла теория оперативно-розыскной деятельности и криминалистика, пожалуй, самые близкие по теоретическому и практическому содержанию научные дисциплины. Их сближает много общего в их природе, сущности, методологии, стоящих перед ними задачах, понятийно-категориальном аппарате, а самое главное, в предлагаемом практическим сотрудникам арсенале средств и методов раскрытия и расследования преступлений, тактике и методике проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Соответственно, многие положения и рекомендации криминалистики легли в основу оперативно-розыскной теории. Теория оперативно-розыскной деятельности и криминалистика имеют одни объекты изучения – преступную деятельность различных видов и деятельность по ее раскрытию. Предмет теории оперативно-розыскной деятельности и предмет криминалистики также во многом схожи и име-

ют такие общие элементы, как закономерности механизма совершения преступления; закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках; закономерности собирания, оценки и использования фактических данных о них либо доказательств. Основное различие между предметами данных наук состоит в том, что предмет теории оперативно-розыскной деятельности составляют, главным образом, закономерности, связанные с тайными, глубоко замаскированными действиями преступного элемента и, как следствие, основанные на познаниях этих закономерностей, преимущественно негласные оперативно-розыскные средства и методы противодействия. Отграничение теории оперативно-розыскной деятельности от наук уголовного процесса и криминалистики во многом определяется и тем, что теория оперативно-розыскной деятельности изучает особенности негласной, непроцессуальной деятельности правоохранительных органов и не только в связи с совершением конкретных преступлений, но и в порядке разведывательной, поисковой работы, направленной на выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес. Основное различие между оперативно-розыскной и криминалистической тактикой состоит в субъектах, которые ее применяют (оперативные сотрудники и следователи), и в реализуемых этими субъектами деяниях (ОРМ и следственные действия), а также следует учитывать, что применение оперативно-розыскной тактики сопряжено с возможностью возникновения проблем, относящихся к нравственно-психологической и морально-этической сферам.

1. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Ю.С. Блинов [и др.] ; под. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 831 с.

2. Шматов, М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук : монография / М.А. Шматов. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 228 с.

3. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г.В. Плеханов. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 3 : Критика идеализма и в защиту марксизма. – 789 с.

4. Горбачев, В.Г. Основы философии : курс лекций / В.Г. Горбачев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Брянск : Курсив, 2000. – 334 с.

5. Смахтин, Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е.В. Смахтин ; Тюм. гос. ун-т. – Тюмень, 2010. – 45 с.

6. Криминалистика : учебник / В.В. Агафонов [и др.] ; под ред. А.Г. Филиппова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2010. – 835 с.

7. Криминалистика : учебник / И.А. Анищенко [и др.] ; под ред. Г.Н. Мухина ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2006. – 863 с.

8. Толочко, А.Н. Комплексный анализ совершенного преступления как необходимое условие для успешного розыска скрывшегося обвиняемого / А.Н. Толочко // Право.by. – 2011. – № 1. – С. 122–125.

9. Дубягин, Ю.П. Криминалистическое отождествление человека в обычных условиях расследования и чрезвычайных ситуациях : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ю.П. Дубягин. – М., 2002. – 554 л.

УДК 342.9

А.Ю. Богданкевич, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
О.В. Гиммельрейх

ПОЛНОМОЧИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ КАК СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Залогом эффективности управленческой деятельности выступает качественное правовое закрепление задач, функций и полномочий ее субъектов. Понятием «полномочия» в общей теории права обозначается совокупность служебных прав, связанных с выполнением должностных обязанностей [1, с. 190]. В таком контексте данное понятие нередко интерпретируется в административном праве [2, с. 477], что согласуется с собственным (лексическим) значением указанного специального термина, толкование которого сводится к официально предоставленному кому-либо праву какой-либо деятельности [3, с. 479].

Интересной в заявленном аспекте представляется позиция П.Е. Федорова, который рассматривает понятие полномочий должностных лиц посредством выделения их признаков (особенностей): 1) полномочия являются основным элементом правового статуса должностного лица; 2) с помощью полномочий обеспечивается персонализация административных функций, прав и обязанностей; 3) все обязанности, возложенные на должностное лицо, необходимо обеспечить соответствующими правами; 4) полномочия должностных лиц устанавливаются законами, подзаконными актами, должностными инструкциями; 5) они ограничиваются рамками компетенции представляемого им органа; 6) направлены на реализацию функций представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций [4, с. 24].

Возможность практической реализации возложенных на должностное лицо функций проявляется в его правах и обязанностях. Иными словами, функции, не подкрепленные соответствующими правами, не могут быть реализованы и лишаются практического смысла. Но опас-

ной является и обратная сторона, т. е. переко́с в сторону преувеличенного значения прав и обязанностей. Предоставление должностному лицу прав и обязанностей, не обусловленных реализацией его функций, способствует злоупотреблению полномочиями.

Исходя из этого можно проследить взаимосвязь функций и государственно-властных полномочий (прав и обязанностей), выраженных в компетенции субъектов управления. В литературе высказываются различные подходы на соотношение прав, обязанностей, функций и компетенции. Наиболее распространенной точкой зрения является оценка компетенции как совокупности властных полномочий, включающих в себя права и обязанности властвующих субъектов [5, с. 49]. Некоторые ученые расширяют понятие компетенции, включая в него, помимо властных полномочий, права и обязанности органа осуществлять определенные функции управления [6, с. 97]. Таким образом, все авторы едины в том, что основным элементом компетенции субъекта являются его права и обязанности. К остальным элементам, как правило, относят: круг подведомственных государственному органу вопросов; поставленные перед ним задачи; возложенные на государственный орган функции; территория деятельности государственного органа; ответственность государственного органа.

На наш взгляд, функции самостоятельно не входят в компетенцию должностных лиц, а лишь отражаются в ней посредством закрепления в правовых актах прав и обязанностей.

Нам представляется более предпочтительной позиция, которая отражена, в частности, Б.М. Лазаревым. По его мнению, «функции управления сами по себе явления, конечно, не юридические, и поэтому они не могут быть элементами компетенции. Но законодательство возлагает на соответствующие органы выполнение тех или иных управленческих функций, причем в различных комбинациях и применительно к различным управляемым объектам. В результате у органа возникают право и обязанность осуществлять определенные управленческие функции в определенной сфере. Всякое субъективное право или обязанность есть вид и мера соответственно юридически возможного или юридически необходимого поведения (деятельности)» [6, с. 40–41]. Это утверждение в целом согласуется с нашей точкой зрения.

Поскольку права и обязанности отражают функции, то необходимость их указания в определении должностного лица отсутствует. Однако из этого нельзя делать вывод о том, что функции должностных лиц не следует закреплять в их должностных инструкциях и иных правовых актах. Они, хотя и не выступают элементом компетенции должностных

лиц, но, как отмечалось выше, являются самостоятельным элементом их административно-правового статуса.

Рассматривая правовой статус должностных лиц, нельзя не обращать внимания на общетеоретическое понятие «правовой статус субъекта права». Раскрывая сущность этого понятия применительно к личности, теоретики права подчеркивают, что его основой являются общие (т. е. конституционные) права и обязанности. При этом специалисты (например, Н.В. Витрук [7, с. 190–191], Л.Д. Воеводин [8, с. 176], В.И. Новоселов [9, с. 38]) выделяют различные элементы правового статуса личности. Так, общий правовой статус включает в себя общие права и обязанности, которые принадлежат всем гражданам. Специальные правовые статусы предполагают возложение на субъекта прав, конкретизирующих и дополняющих общие права и обязанности, выделяемых с учетом социального, служебного и иного положения личности [10, с. 20].

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что одно и то же лицо, обладая общим правовым статусом, одновременно может быть носителем различных специальных правовых статусов – в зависимости от выполняемых им социальных ролей. Таким образом, на наш взгляд, для должностных лиц следует выделять общий статус личности, статус должностного лица как государственного служащего, его специальный правовой статус, конкретный правовой статус.

Гораздо более важным с теоретической точки зрения является выявление прав и обязанностей, которыми обладают все без исключения должностные лица, т. е. определение специального статуса должностного лица. Этот вопрос недостаточно изучен в юридической литературе. Если определению понятия должностного лица многие ученые уделяли довольно пристальное внимание, то об установлении его прав и обязанностей написано незначительное число работ.

К общим полномочиям должностных лиц, по нашему мнению, необходимо относить следующие: 1) издание приказов и распоряжений; 2) подписание документов, порождающих соответствующие юридические последствия; 3) осуществление контроля в порядке служебной подчиненности; 4) наложение дисциплинарных взысканий в порядке служебной подчиненности; 5) применение мер административной ответственности в отношении правонарушителей; 6) внесение предложений об организации деятельности органа государственного управления вышестоящему субъекту управления.

Классификацию прав и обязанностей должностных лиц можно рассматривать на основе классификации прав и обязанностей государственных служащих. Нам представляется обоснованной классификация прав

и обязанностей должностных лиц на материальные (которые опосредуют статику управленческой деятельности) и процессуальные (регламентация госуправления в динамике).

С учетом этого, на наш взгляд, полномочия должностных лиц, помимо прочего, можно разделить *в зависимости от направленности* в деятельности должностного лица на *организационные, распорядительные, исполнительские и контрольные*. Исходя из степени индивидуализации, полномочия должностных лиц делятся: а) на исключительные (те, которые должностное лицо реализует самостоятельно); б) полномочия, исполнение которых может быть поручено кому-либо из подчиненных; в) полномочия, реализуемые совместно. Критерием для определения возможности передать свои полномочия другому лицу служит фиксация в положении о конкретном органе точного адресата этих полномочий.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что именно характер полномочий является наиболее важным признаком должностного лица. В связи с этим во всех нормативных актах, закрепляющих правовой статус должностных лиц, необходимо указывать их права и обязанности, посредством закрепления которых происходит и отображение выполняемых такими лицами функций.

В научной литературе не раз подчеркивалось, что место должностного лица в системе государственной службы следует рассматривать прежде всего с системных позиций. В этом смысле должностное лицо выступает одним из элементов системы государственной службы, являясь его простейшей, или первичной структурной единицей [11, с. 199]. Как известно, любую систему отличают целостные характеристики, которые возникают и существуют благодаря наличию структурно-функциональных связей как внутриорганизационного, так и внешневластного характера и взаимодействию всех элементов системы. Основное предназначение этих связей проявляется в том, что ими закладывается основа целостных, системных свойств, качеств аппарата управления, которые в каждой системе возникают и существуют лишь как результат совокупной взаимозависимости составных частей.

Подробно изучал рассматриваемые связи в системе государственного управления Г.В. Атаманчук. Кроме вертикальных и горизонтальных связей он выделял прямые и обратные связи в организации. Обратные связи он подразделяет на *объектные*, которые отражают уровень, глубину, адекватность восприятия управляемыми объектами управляющих воздействий компонентов субъекта государственного управления и *субъектные*, характеризующие целесообразность и рациональность собственной, внутренней организации и деятельности субъекта госу-

дарственного управления в целом, его подсистем, звеньев и отдельных компонентов [12, с. 98–99].

На наш взгляд, более полезной является классификация Б.П. Курашвили, который выделяет три вида связей: субординационные, реординационные и координационные. Следует согласиться, что термин «координационные связи» более удачный, чем термин «горизонтальные связи», поскольку более точно указывает их направленность на согласование управленческих воздействий между элементами управленческой системы. Под субординационными связями автор понимает разновидность вертикальных структурных связей, направляемых от верхнего уровня к нижнему. Некоторыми авторами они иногда называются вертикальной координации. Реординационные связи носят обратный характер, так как их инициаторами выступают объекты управления [11, с. 81].

Особой разновидностью внешневластных структурно-функциональных связей являются связи между должностными лицами и гражданами, в которых особое значение приобретают функции должностных лиц по реализации управляющего воздействия. В них выражается властно-организующая сущность управленческой деятельности и таким образом реализуется односторонняя вертикальная субординационная связь от должностного лица к гражданину, которая отнюдь не является односторонней. Причиной формирования органов управления и управленческой системы и возникновения их функций, по нашему мнению, являются жизненно важные потребности управляемого объекта, а в частности – законные интересы граждан. Таким образом, видна зависимость функций должностных лиц от интересов граждан, в результате чего связь между должностными лицами и гражданами получает направление не только сверху вниз, но и снизу вверх.

Между функциями и интересами граждан возникает особый вид связи, которую можно именовать структурно-функциональной связью по типу «интерес-функция». Это, с одной стороны, функциональные связи, поскольку одной из их сторон являются должностные лица как субъекты, реализующие функции. С другой стороны, это структурные связи, поскольку они направлены на реализацию структуры государства. Они являются вертикальными и двухсторонними, поскольку воздействие в них идет в обе стороны. Наиболее остро взаимосвязь функций управления и социальных интересов проявляется при дифференциации функций конкретных органов управления, их подразделений и должностных лиц. Поскольку связи по типу «интерес-функция» являются базовыми при определении функций системы управления, то очевидно, что они же будут являться и основополагающим фактором для определения струк-

туры органов управления, в том числе выступать важным источником формирования управляющей системы, в целом и определения места в ней должностных лиц в частности.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Под полномочием должностного лица следует понимать определенные властвующие возможности и обязанности должностного лица в отношении сфер общественной жизни и государственного устройства, составляющих его функции и задачи. Полномочия должностного лица определяют границы (объем) осуществления его функций.

2. Представляется необходимым выделить следующие общие полномочия должностных лиц: 1) подписание документов, создающих определенные юридические последствия; 2) издание приказов и распоряжений; 3) осуществление контроля в порядке служебной подчиненности; 4) наложение дисциплинарных взысканий в порядке служебной подчиненности; 5) применение мер административной ответственности в отношении правонарушителей.

3. Важным элементом правового статуса должностных лиц государственной службы являются структурно-функциональные связи. Благодаря им непосредственно реализуются полномочия должностных лиц, поскольку именно они отвечают за все взаимодействия должностных лиц. В связи с этим необходима подробная правовая регламентация структурно-функциональных связей каждого конкретного должностного лица в его должностных инструкциях.

4. В отличие от должностных лиц негосударственных организаций для должностных лиц публичной службы структурно-функциональные связи предопределяются интересами управляемых субъектов, так как их деятельность направлена на достижение общепользовательных целей, «общественного блага». Это способствует выделению особого вида структурно-функциональных связей должностных лиц публичной службы: связей типа «интерес-функция», для которых характерна прежде всего внешневластная направленность.

1. Марченко, М.Н. Правоведение : учебник / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. – М. : Проспект : Велби, 2003. – 416 с.

2. Бахрах, Д.Н. Административное право : учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма, 2008. – 816 с.

3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.

4. Федоров, П.Е. Содержание понятия должностных полномочий воинского должностного лица как критерий отграничения злоупотребления должностны-

ми полномочиями от их превышения / П.Е. Федоров // Право в Вооруж. Силах. – 2009. – № 5. – С. 23–27.

5. Канисев, П.В. Компетенция государственного органа: соотношение понятий / П.В. Канисев // Вестн. С.-Петерб. ун-та Гос. противопожар. службы МЧС России. – 2010. – № 2. – С. 49–52.

6. Лазарев, Б.М. Компетенция органов управления / Б.М. Лазарев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 280 с.

7. Витрук, Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н.В. Витрук. – М. : Наука, 1979. – 229 с.

8. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России : учебник / Л.Д. Воеводин. – М. : Изд-во МГУ : Инфра-М, НОРМА, 1997. – 299 с.

9. Новоселов, В.И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении / В.И. Новоселов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976. – 217 с.

10. Бахрах, Д.Н. Индивидуальные субъекты административного права / Д.Н. Бахрах // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 16–24.

11. Курашвили, Б.П. Очерк теории государственного управления / Б.П. Курашвили. – М. : Наука, 1987. – 294 с.

12. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления : курс лекций / Г.В. Атаманчук. – М. : Юрид. лит., 1997. – 400 с.

УДК 351.74

А.С. Бурак, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.И. Бородич*

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сегодня одной из приоритетных задач любого государства является создание устойчивой, стабильной и способной к саморазвитию экономики, которая будет обеспечивать безопасность личности, общества и государства на внутреннем и внешнем уровнях.

Развитие экономики государства, ее эффективность и конкурентоспособность на мировом рынке тесно связаны с экономической безопасностью. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь «экономическая безопасность – состояние экономики, при котором гарантировано обеспечение защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [1].

Непосредственную опасность экономической безопасности создают угрозы, которые препятствуют нормальному развитию экономики.

В научной литературе выделяют достаточно широкую классификацию угроз. Например, по источникам угрозы могут быть внутренние и внешние. По величине нанесенного ущерба: незначительные, существенные и катастрофические. По отношению к человеческой деятельности: объективные и субъективные. По масштабам действия: действующие в рамках одной административно-территориальной единицы, между несколькими административно-территориальными единицами, в рамках республики. По возможности прогнозирования: прогнозируемые и непрогнозируемые. По вероятности возникновения: потенциальные и реальные. По природе возникновения: антропогенные и природные. По степени направленности: направленные на личность, общество, государство [2].

Преступность выступает центральной угрозой экономической безопасности и национальной безопасности в целом. Ее способность проникать во все сферы человеческой деятельности и влиять на личность, общество и государство требует пристального внимания со стороны субъектов обеспечения национальной безопасности.

По мнению автора, экономической преступности следует уделить особое внимание. Это обусловлено тем, что данный вид преступности, обладает высокой приспособляемостью к происходящим экономическим, политическим, социальным процессам. Высокая адаптивность, хорошая техническая оснащенность, изощренность преступных механизмов, грамотная подготовка преступников сводит экономическую преступность к переводению криминального капитала в теневой сектор экономики. Таким образом, обеспечение экономической безопасности в сфере декриминализации экономики государства возложена на различные правоохранительные органы. Отметим, что центральное место среди них занимают органы внутренних дел (ОВД).

По данным Министерства внутренних дел, в 2018 г. в республике зарегистрировано 83,8 тыс. преступлений, или 97,1 % к уровню 2017 г. В 2018 г. зарегистрировано 11 245 особо тяжких и тяжких преступлений, что составило 13,4 % в общем числе зарегистрированных преступлений (в 2017 г. – 11 733 преступлений, или 13,6 %) [3].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З (с изменениями и дополнениями от 9 января 2019 г. № 169-З) «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» органы внутренних дел – государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них законом и иными законодательными актами Респуб-

лики Беларусь. ОВД являются составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь [4].

Особое место ОВД в системе обеспечения экономической безопасности обуславливают следующие причины: широкий перечень правоохранительных и иных функций; осуществление правоохранительной деятельности, как особого вида деятельности государства; основательный анализ, изучение, оценка явлений, формирующих уголовную преступность; широкие кадровые, организационно-управленческие возможности; наличие вооружения, специальных средств и техники, а также иных средств для выполнения возложенных задач; значительный объем специфических полномочий сотрудников (в том числе применение оружия, специальных средств, физической силы); особый порядок прохождения службы.

Специфика деятельности ОВД определяет основные цели ОВД в сфере обеспечения экономической безопасности. К ним относятся: защита экономических интересов личности, общества, государства; противодействие угрозам экономической безопасности; декриминализация экономики; укрепление здорового общества и повышение его правовой культуры.

В деятельности по обеспечению экономической безопасности задействована вся система ОВД, все подразделения и службы различного уровня. Это проявляется в организационном построении системы ОВД. На уровне городов, районов функционируют ГО-РО-РУВД, на областных – УВД и ГУВД г. Минска, на республиканском – центральный аппарат МВД. Такое построение системы ОВД свидетельствует о том, что МВД Республики Беларусь – многочисленный и эффективный субъект обеспечения экономической и национальной безопасности в целом. Деятельность ОВД позволяет обеспечить охрану законных прав и свобод личности, общества, государства и защищать их экономические интересы.

По мнению автора, с учетом особенностей, приведенных выше, формируется специфический круг задач в сфере обеспечения экономической безопасности, которые направлены на реализацию поставленных перед ОВД целей. Суть этих задач сводится к декриминализации экономической сферы и противодействию другим угрозам экономической безопасности. Задачами ОВД являются: борьба с экономической преступностью (коррупция, налоговые преступления, преступления в бюджетной сфере, преступления в отраслях промышленности и т. д.); борьба с административными правонарушениями; противодействие антиобщественным явлениям, которые способствуют деградации общества (алкоголизм, наркомания, детская преступность); проведение мероприя-

тий по профилактике совершения преступлений и административных правонарушений; профилактическая работа с населением (воспитание правовой культуры личности и общества).

Для реализации возложенных задач ОВД выполняют следующие функции: обеспечение общественной безопасности граждан и юридических лиц; обеспечение безопасности при проведении массовых мероприятий; обеспечение безопасности при чрезвычайных ситуациях; охрана имущества физических и юридических лиц; организация и осуществление оперативно-розыскной деятельности; предупреждение, пресечение, раскрытие преступлений и административных правонарушений; нормативно-правовое регулирование вопросов обеспечения экономической безопасности; международное сотрудничество по вопросам обеспечения экономической безопасности; научная деятельность в сфере обеспечения экономической безопасности.

Реализуя свои функции, ОВД влияет как непосредственно, так и опосредованно на обеспечение экономической безопасности. Непосредственное влияние проявляется в деятельности подразделений ОВД: по борьбе с экономическими преступлениями и преступностью в целом (профилактика, предупреждение, пресечение); охране основных экономических прав личности, общества, государства; защите личности и ее интересов, как основного элемента экономической деятельности.

К подразделениям, оказывающим непосредственное влияние на обеспечение экономической безопасности, относятся: подразделения по борьбе с экономическими преступлениями; подразделения по борьбе с организованной преступностью и коррупцией; подразделения уголовного розыска; подразделения по наркоконтролю и противодействию торговле людьми; подразделения по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий.

Перечень функций этих подразделений достаточно широкий и разнообразный, но основными из них являются выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие преступлений, оценка нанесенного ущерба, восстановление нарушенных прав и интересов.

Опосредованное влияние проявляется в двух направлениях. Первое направление отвечает за обеспечение общественной безопасности и правопорядка, противодействие административным правонарушениям, организацию и проведение профилактической работы. Второе – за международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью, взаимодействие с физическими и юридическими лицами и государственными органами. Такое деление обусловлено тем, что суть первого направления заключается в противодействии угрозам экономической деятель-

ности по средствам осуществления правоохранительной деятельности, а второе направление осуществляется за рамками правоохранительной деятельности и способствует созданию условий для мониторинга, анализа и оценки новых угроз, аккумулированию опыта в сфере обеспечения экономической безопасности. К подразделениям, оказывающим опосредованное влияние в рамках первого направления, относятся: подразделения охраны; подразделения системы исполнения наказаний; подразделения охраны общественного правопорядка и профилактики; внутренние войска.

Функции этих подразделений направлены на охрану общественного порядка, противодействие административным правонарушениям, проведение мероприятий профилактического характера, охрану физических и юридических лиц и их имущества, осуществление контроля и надзора за лицами, отбывающими наказание.

К подразделениям, оказывающим опосредованное влияние в рамках второго направления, относятся: подразделения международного сотрудничества; подразделения информации и общественных связей. Эти подразделения в своей деятельности анализируют опыт зарубежных стран в сфере обеспечения экономической безопасности, разрабатывают мероприятия, направленные на улучшение противодействия угрозам экономической безопасности, осуществляют взаимодействие с гражданами в сфере обеспечения экономической безопасности.

Следует отметить, что все подразделения ОВД, выполняя те или иные задачи, противодействуют угрозам других элементов национальной безопасности. Например, противодействуя неправомерному доступу к компьютерной информации, ОВД противодействуют угрозам информационной безопасности. Осуществляя борьбу с преступлениями против личности, ОВД противодействуют угрозам социальной безопасности.

Отметим, что важным в деятельности всех подразделений ОВД является противодействие угрозам других элементов национальной безопасности. Это обусловлено тем, что те или иные угрозы могут вызывать за собой угрозы других элементов национальной безопасности.

Таким образом, рассмотренная деятельность подразделений ОВД в сфере обеспечения экономической безопасности позволяет утверждать, что ОВД – ключевые органы в данной сфере, в своей деятельности непосредственно и опосредованно способствуют обеспечению экономической безопасности.

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 нояб. 2010 г. : в ред. 24.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Бурак, А.С. О влиянии угроз экономической безопасности на обеспечение социально-экономических прав граждан / А.С. Бурак // 25 лет Конституции Республики Беларусь : респ. науч.-метод. конф., Минск, 15 марта 2019 г. : тез. докл. – Минск : Академия МВД, 2019. – С. 12–14.

3. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/stats/>. – Дата доступа: 28.04.2019.

4. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : текст по состоянию на 01.12.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.985

Н.И. Бычковская, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Толочко*

О СВЯЗИ НАУК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КРИМИНОЛОГИЯ

В соответствии с классификацией юридических наук, избранной Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь, теория оперативно-розыскной деятельности и криминология относятся к разным специальностям, которые являются смежными по отношению друг к другу.

Несмотря на разграничения научных специальностей и отличия в предметах исследований, теория оперативно-розыскной деятельности и криминология органически связаны друг с другом.

Криминология в отдельных литературных источниках определяется как наука, которая изучает систему мер предупреждения, противодействия и нейтрализации преступности [1, с. 26].

Несколько чаще ее характеризуют как социально-правовую науку, которая изучает преступность, личность преступника, причины и условия преступности, пути и средства ее предупреждения [2, с. 1].

В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов к этому определению добавляют то, что это наука общетеоретическая и изучает, наряду с вышеизложенным, методы контроля за преступностью [3, с. 16].

По мнению отдельных ученых, криминология является общетеоретической наукой для наук криминального цикла (уголовного, уголовно-исполнительного права, уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной психологии и др.). Ее соотноше-

ние с данными науками авторы сравнивают с тем, как соотносится теория государства и права с другими юридическими дисциплинами [4, с. 21–31].

Методологическое значение криминологических исследований для юридических наук криминального цикла заключается в том, что на базе рекомендаций, полученных в результате таких исследований, разрабатываются и принимаются государственные программы борьбы с преступностью; вносятся изменения в законодательство; совершенствуется практика борьбы с преступностью.

Категории криминологии, отражая углубленные знания многочисленных явлений, порождаемых преступностью, оказывают непосредственное влияние на организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности.

Важнейший элемент организации оперативно-розыскной деятельности – оценка оперативной обстановки на всех уровнях функционирования субъектов оперативно-розыскной деятельности.

При оценке оперативной обстановки учитываются криминологический анализ преступности, ее состояние, структура и динамика, а также местные или региональные, географические, демографические, экономические и социально-психологические факторы, причинно связанные с преступностью. На основе криминологического анализа определяются тенденции преступности, делаются прогностические выводы о количестве, структуре и наиболее вероятных местах преступных проявлений. Эти выводы необходимы для выбора вариантов расстановки оперативных сил в организации оперативного прикрытия территории и объектов [5, с. 120–121].

В системе криминологических институтов, оказывающих влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности, особое место следует отвести криминологической характеристике преступлений.

Как отмечает Р.С. Белкин, «...всякая характеристика преступления – это научная абстракция, поскольку отражает только типичное и устойчивое в преступлении...» [6, с. 223–224].

Оперативно-розыскная характеристика – это информационная модель криминальных событий. Основное ее практическое назначение заключается в том, что на основе знания содержащейся в ней информации о преступлениях отдельного вида (группы) оперативный сотрудник в процессе собирания информации по конкретному преступлению выдвигает версии о принадлежности данного преступления к известному виду (группе) деяний. Далее, располагая сведениями об одном из элементов оперативно-розыскной характеристики раскрываемого преступления, он

мысленно строит цепочку связей с другими ее элементами. Конечным элементом и главной целью указанной мыслительной деятельности оперативника является личность неустановленного преступника [7, с. 467].

По мнению Д.В. Гребельского, в зависимости от характера преступлений оперативно-розыскная характеристика носит динамичный характер, и поэтому может дополняться или обходиться без некоторых элементов.

Основные элементы оперативно-розыскной характеристики – сведения о типичных (характерных) качествах личности лиц, совершающих преступления данного вида (группы); типичных способах совершения преступлений данного вида (группы); типичных мотивах, типичных качествах личности потерпевших.

Отдельные авторы сюда добавляют обстановку совершения преступления, непосредственный предмет преступного посягательства, поведение преступников после совершения преступления.

Достаточно оригинальной представляется позиция И.И. Басецкого и В.Ч. Родевича, которые в разрезе исследования особенностей раскрытия квартирных краж отмечают следующие элементы оперативно-розыскной характеристики:

уголовно-правовой анализ (состава преступления, обстоятельств совершения, общественно опасных последствий и т. п.); криминологический анализ (статистических данных преступления, лиц, его совершивших);

криминалистический анализ (способов совершения квартирных краж, следов преступлений и способов их сокрытия; криминологической структуры квартирных краж); оперативно-тактический анализ (обстоятельств, связанных с совершением квартирных краж) [8, с. 75].

Что касается криминологической характеристики, то под ней, в частности, В.Е. Эминов понимает исходный этап для оптимизации процесса разработки и реализации мер предупреждения преступлений.

Автор пишет, что если рассматривать предупреждение преступлений как целостную систему, то одной ее составной частью является криминологическая характеристика, а другой – разработка и реализация профилактических мероприятий [3, с. 292].

Элементы криминологической характеристики подразделяются:

на субъективные (свойства личности преступника; мотив и цель преступления; свойства личности потерпевшего);

объективные (статистика преступлений; социальные условия преступлений (социально-политическая, социально-экономическая, геополитическая обстановка; время; география и т. п.);

комплексные (причины преступлений; последствия преступлений; механизм преступления; обстоятельства (условия), способствующие преступлениям) [3, с. 293].

В теории и практике оперативно-розыскной деятельности (как и в криминологии) на основании достаточно жесткой привязки к нормам уголовного закона идет речь о характеристике конкретного вида (группы) преступлений (убийств, изнасилований, краж, мошенничества, вымогательства, хулиганства и др.). Иногда может рассматриваться оперативно-розыскная характеристика одновременно двух составов, скажем, грабежей и разбоев. Такой подход допустим, поскольку, несмотря на различия в уголовно-правовой квалификации, они имеют ряд существенных черт, определяющих их однородность и сходство методик раскрытия и расследования.

Что касается криминологической информационной модели, то здесь дело обстоит несколько иначе. В криминологии до настоящего времени не разработано какой-либо единой классификационной модели видов преступлений. Криминология охватывает всю «картину» преступности в стране (регионе, мире).

Для нее важно в первую очередь общее представление: а) о преобладающих видах и формах преступности и тенденциях в этой области; б) о контингенте лиц, совершающих преступления, и его изменениях во времени и пространстве; в) о преобладающей в данное время мотивации преступных действий; г) о причинах и условиях преступности, наиболее ярко выраженных в данной стране (регионе); д) о применяемых способах предупреждения преступности. С учетом этого систематизация преступлений наиболее часто предусматривает их группировку в рамках крупных блоков: по признакам, выступающим в качестве оснований для классификации, либо, при их совпадении, по приоритетному значению [3, с. 294–296].

Одним из основных элементов как оперативно-розыскной, так и криминологической характеристики являются сведения о личности преступника.

В криминологии личность преступника – широкое и емкое понятие, выражающее социальную сущность преступников разных типов, сложный комплекс характеризующих их признаков, свойств, связей, отношений, их нравственный и духовный мир, взятые в развитии, во взаимодействии с социальными и индивидуальными жизненными условиями и в той или иной мере определяющие совершение преступлений [5, с. 121–122].

Для оперативно-розыскной деятельности важны именно обобщенные, типологические данные о личности преступников, процессе формирования тех свойств, которыми они характеризуются. Важную роль играют условия нравственного формирования преступников, особенно среди ближайшего бытового окружения, связей, знакомств. Для раскры-

тия конкретного преступления бывает исключительно важно выявление криминогенных обстоятельств конкретной жизненной ситуации, повлиявшей с учетом особенностей личности на совершение этого преступления. Однако решающим для оперативно-розыскной деятельности является знание социальных, психологических и нравственных свойств личности преступников (взгляды, навыки, привычки, содержание и уровень интересов и потребностей, особенности характера и др.).

Любое оперативно-тактическое решение обращено в будущее и отвечает на вопрос, как предстоит действовать, поэтому в структуре оперативно-розыскной тактики обязательно должны присутствовать элементы прогнозирования, которые и теория оперативно-розыскной деятельности, и криминология достаточно подробно изучают. В.С. Овчинский и С.С. Овчинский пишут, что данные криминологии «...помогают «думать» за преступника, что является важнейшим интеллектуальным началом оперативно-розыскной тактики» [9, с. 84; 2, с. 123].

Оперативно-розыскное прогнозирование – результат поиска оперативником ответов на вопросы о том, как может измениться оперативно-розыскная ситуация, как поведет себя противоборствующий субъект (подозреваемое лицо, проверяемое, профилактируемое, разыскиваемое и др.).

Логической основой оперативно-розыскного прогнозирования чаще всего является метод предвидения по аналогии (умозаключение по аналогии), который предполагает перенесение знаний об изученных объектах и явлениях на вновь обнаруживаемые объекты и явления, сходные по существенным качествам и свойствам. Сходной по смыслу является категория «экстраполяция», т. е. распространение установленных в прошлом тенденций на будущий (предстоящий) период [9, с. 83; 5, с. 734].

В то же время практика показывает, что аналогия не всегда обеспечивает верный прогноз. Объясняется это индивидуальными особенностями людей, которые даже в сходных условиях ведут себя по-разному, поэтому очень часто тактические прогнозы строятся на оценке специфических свойств личности, психологического облика и т. д. [9, с. 83; 5, с. 738].

Сочетание двух подходов, предвидения по аналогии и предвидения на основе специфики объекта, углубляет и конкретизирует прогноз, повышает его тактическую ценность.

Многое из вышеизложенного в полной мере распространяется и на криминологическое прогнозирование. Некоторые положения даже были из него позаимствованы. Правда, если оперативно-розыскное прогнозирование нацелено главным образом на предугадывание действий и поступков конкретного индивидуума или изменения конкретной оперативно-тактической ситуации, то основной задачей криминологи-

ческого прогнозирования чаще всего является предвидение тенденций преступности в целом, а также влияющих на нее факторов.

Так, А.П. Зрелов пишет: «Криминологическое прогнозирование – это процесс сбора информации о будущем состоянии преступности, ее структуре, динамике, уровнях, а также о возможных событиях, явлениях, процессах, могущих оказать влияние на преступность и на характеристики борьбы общества с этим социально опасным явлением» [1, с. 145].

Общим и для оперативно-розыскного, и для криминологического прогнозирования является то, что «...будущее предстает не как ожидание наступления события (имеется в виду преступление), а как практическое изменение настоящего путем активного вмешательства в происходящие негативные процессы, в замысел преступников...» [5, с. 124].

Многие из криминологических рекомендаций, касающихся способов устранения причин и условий преступлений и их предупреждения на самых разных уровнях государственной, общественной и правоохранительной деятельности, трансформируются в методы оперативно-розыскной профилактики. Особенностью последней является то, что оперативные подразделения, воздействуя на профилактируемых лиц в целях недопущения преступлений, часто работают негласно. В поле зрения оперативников часто находятся лица, тайно готовящие совершение конкретных преступлений. Оперативно-розыскная профилактика сопровождается специфическим информационным обеспечением оперативно-профилактических мер, которые осуществляются в отношении лиц, состоящих на оперативных учетах [5, с. 124–126].

Не претендуя на бесспорность предложенных подходов к изучению взаимосвязи и соотношения теории оперативно-розыскной деятельности с криминологией, сформулируем некоторые выводы:

1. Соотношение криминологии с другими науками криминального цикла отдельные авторы сравнивают с тем, как соотносится теория государства и права с другими юридическими дисциплинами.

В отличие от теории оперативно-розыскной деятельности и криминалистики криминология направлена прежде всего не на раскрытие, а на профилактику преступлений.

2. Категории криминологии оказывают непосредственное влияние на организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности.

3. В системе криминологических институтов, оказывающих влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности, особое место следует отвести криминологической характеристике преступлений.

4. Одним из основных элементов как оперативно-розыскной, так и криминологической характеристики являются сведения о личности преступника.

5. Криминологическое прогнозирование, главная задача которого – определение устойчивых тенденций преступности и влияющих на нее факторов, является необходимой предпосылкой оперативно-розыскного прогнозирования и планирования мероприятий по борьбе с наиболее опасными и распространенными формами преступных проявлений.

6. Многие из криминологических рекомендаций, касающихся способов устранения причин и условий преступлений и их предупреждения, трансформируются в методы оперативно-розыскной профилактики.

1. Криминология : учебник / Ю.Ф. Кваша [и др.] ; под ред. Ю.Ф. Кваши. – Ростов н/Д : Феникс, 2002. – 704 с.

2. Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 640 с.

3. Криминология : учебник / Ю.М. Антонян [и др.] ; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2006. – 734 с.

4. Криминология : учеб. для вузов / А.И. Алексеев [и др.] ; под ред. А.И. Долговой. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1999. – 780 с.

5. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Ю.С. Блинов [и др.] ; под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 831 с.

6. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : Норма, 2001. – 240 с.

7. Криминалистика : учебник / И.А. Анищенко [и др.] ; под ред. Г.Н. Мухина ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2006. – 863 с.

8. Басецкий, И.И. Квартирные кражи: теория и практика борьбы : монография / И.И. Басецкий, В.Ч. Родевич ; под ред. И.И. Басецкого. – Минск : Акад. МВД, 1999. – 298 с.

9. Родевич, В.Ч. Розыск обвиняемых, скрывающихся от предварительного следствия / В.Ч. Родевич, А.Н. Толочко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 122 с.

УДК 340.130

С.О. Ваишумирский, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Д.А. Воронаев

«МЯГКОЕ ПРАВО» В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Отношения между государствами в настоящее время имеют сложный характер и регулируются преимущественно посредством юридических норм различной правовой природы. Традиционно международные

отношения упорядочиваются посредством положений, вытекающих из международных договоров и международно-правовых обычаев. Однако уже в первой половине XX в. в юридической науке было высказано мнение о том, что пристальное внимание в практике регулирования отношений между государствами следует уделять документам особого рода, которые по своей правовой природе не создают обязательств. На сегодня использование таких актов получило широкое распространение. В практике государств и в юридической науке применительно к этой категории документов используется термин «мягкое право».

В данной статье речь пойдет о соотношении «мягкого права» как правовой категории с той частью международного права в его современном понимании, которое оказывает непосредственное и значительное влияние на правовую систему Республики Беларусь, – договором с нормативным содержанием.

Вопрос о юридической природе норм «мягкого права» остается весьма дискуссионным и актуальным. В этой связи практический интерес представляет ответ на вопрос о том, является ли «мягкое право» источником права как таковым и входит ли оно в систему источников права Республики Беларусь.

В юриспруденции под источником права понимается форма выражения общеобязательных правил поведения. С.С. Алексеев отмечает, что источник права – это исходящие от государства или признаваемые им официально документальные способы выражения и закрепления норм права, придания им юридического, общеобязательного значения [1, с. 5].

Положения «мягко-правовых» норм оказывают значительное влияние на практику регулирования отношений между государствами и на национальные правовые системы в целом, но мы полагаем, что источником права рассматриваемое явление считать нельзя.

Национальная правовая система Республики Беларусь относится к романо-германской правовой семье (по классификации Р. Давида), где основополагающими источниками права являются нормативный правовой акт, правовой обычай и нормативный договор, поэтому, несмотря на существование множества концепций правопонимания, рассматривать право мы будем с точки зрения нормативизма.

Право в рамках этого подхода понимается как система общеобязательных правил поведения (норм), устанавливаемых либо санкционируемых компетентными государственными органами, а также принимаемых путем референдума в целях регулирования общественных отношений, выражающих первоначально волю определенных классов, слоев

населения, а по мере стирания социальных различий и демократизации общества – большинства народа с учетом интересов меньшинства, реализация которых обеспечивается государством [2, с. 142].

Право характеризуется следующими основными признаками: 1) устанавливается либо санкционируется государством; 2) является систематизированной совокупностью правовых норм; 3) выражает волю законодателя; 4) имеет нормативный характер; 5) выступает в официально выраженной письменной форме; 6) реализация норм права обеспечивается государством.

По нашему мнению, наиболее важным и характерным для права признаком, позволяющим оказывать регулятивное воздействие на общественные отношения, является нормативность. Нормативность права выражается в том, что правовые нормы имеют общеобязательный характер, т. е. подлежат выполнению всеми субъектами права, обладающими определенными правовыми признаками, рассчитаны на индивидуально неопределенный круг лиц и неоднократность применения.

Договор с нормативным содержанием как один из источников права представляет собой весьма значимую разновидность договорных актов, существующих в рамках международного и национального права. Основное отличие договора нормативного содержания от всех остальных договоров состоит в том, что он содержит в себе норму права – правило общего характера, обязательную для исполнения неопределенным кругом лиц.

Нормативный договор – это двустороннее или многостороннее соглашение между различными субъектами права, в котором содержатся нормы права [2, с. 254].

Исходя из понятия договора с нормативным содержанием, мы можем констатировать, что наличие нормы права, т. е. общеобязательного правила поведения, рассчитанного на индивидуально неопределенный круг лиц, позволяет нам сделать вывод о нормативном характере договора с нормативным содержанием, что является ключевой особенностью данного вида договора.

Для того чтобы понять сущность «мягкого права» и его юридическую природу, а также дать ответ на обозначенный ранее вопрос, касающийся отнесения положений «мягкого права» к источникам права, необходимо сопоставить вышеперечисленные признаки права с основными признаками, которые присущи «мягкому праву».

Итак, «мягко-правовым» нормам присущи следующие признаки:

1) содержательная неопределенность. Нормы «мягкого права» не порождают конкретных прав и обязанностей и так называемых границ правомерности;

2) волевой характер. Для того чтобы нормы «мягкого права» были созданы, необходимо согласование воли государств по выработке таких правил поведения;

3) необязательность исполнения в отличие от норм «жесткого права», которые, как известно, имеют такой характерный признак, как общеобязательность;

4) отсутствие гарантий реализации. Для того чтобы нормы международного договора имели гарантии реализации, государствам необходимо этот договор подписать и ратифицировать;

5) диспозитивность и влияние. Несмотря на то что «мягко-правовые» нормы не обладают обязательной юридической силой, их положения часто оказывают не меньшее влияние по сравнению с международными договорами и обычаями на развитие и сближение законодательства государств;

6) оперативный характер принятия.

Таким образом, мы видим, что наиболее важным и характерным для права признаком, позволяющим оказывать регулятивное воздействие на участников общественных отношений, отсутствует среди признаков «мягкого права». В частности, речь идет о нормативности права. Какое воздействие (прямое или косвенное) не оказывало бы «мягкое право» на практику регулирования отношений между государствами, говорить об обязательной юридической силе норм не приходится.

В этой связи мы можем сделать вывод о наличии тонкой грани между договором с нормативным содержанием и актами «мягкого права», так как и нормативный договор, и «мягкое право» непосредственно связаны с международным правом, общепризнанным принципам которого следует Республика Беларусь в соответствии со ст. 8 Конституции Республики Беларусь [3].

Основным отличием нормативного договора от актов «мягкого права» следует считать наличие в содержании нормативного договора нормы права – правила общеобязательного характера, которое позволяет придать договору с нормативным содержанием нормативный характер.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что «мягкое право» в систему источников права нашего государства на современном этапе не входит.

Несмотря на это, имеются определенные тенденции и перспективы вхождения «мягкого права» в систему источников национального права, что вызвано процессами политического, социального и экономического характера, которые возникают между государствами. Однако, прежде

чем мы перейдем к рассмотрению данных тенденций, необходимо более подробно разъяснить тот факт, почему рекомендательные положения «мягкого права» все же оказывают регулирующее воздействие на общественные отношения.

Следует отметить, что условием успешного функционирования «мягкого права» является достаточно высокий уровень правовой культуры общества. Так, правовую культуру можно определить как качественное состояние правовой организации общества, реального функционирования его правовой системы, отражающее достигнутый уровень развития в сфере правового регулирования социальных отношений. К наиболее важным показателям, характеризующим правовую культуру, можно отнести: 1) уровень правосознания, позитивное отношение общества, государства, индивидов к праву; 2) состояние реализации права, уровень работы правоохранительной системы. Данные показатели правовой культуры дают возможность определить, насколько высоко оценивается в государстве, обществе право как регулятивная социальная система, функционирующая на основе принципа справедливости.

С нашей точки зрения, правовая культура оказывает влияние на механизм реализации «мягко-правовых» положений. Международные органы и организации, а также государства, создавая такого рода нормы, прежде всего руководствуются общими установками, программными позициями, которые в дальнейшем по мере экономического, политического развития, а также установления путей и способов разрешения определенной ситуации, смогут быть реализованы. Очень часто механизм исполнения «мягко-правовых» положений не эффективен, считается декларативным, а государства игнорируют исполнение установленных ими норм.

Наш подход основан на том, что зависимость каждого конкретного государства от надлежащего исполнения норм «мягкого права» заключается не только во внутригосударственном развитии, достижении путей и способов преодоления определенных задач, но и в степени позитивного отношения к праву и правильного понимания права. Иначе говоря, высокий уровень правовой культуры порождает у государства устойчивую направленность исполнять рекомендательные нормы, принимая во внимание общественную и мировую значимость.

Немаловажным фактором, определяющим поведение государства при исполнении норм, принятых совместно с другими государствами, является добровольность и инициативность. Рассматривая эффективность механизма реализации норм «мягкого права», следует также обратить внимание на то, что в один из элементов этого механизма входит имен-

но добровольное, активное исполнение совместно принятых положений. Социально-психологическая характеристика добровольного поведения заключается в том, что добровольность исполнения является более эффективным средством для достижения цели в отличие от принуждения.

На современном этапе развития «мягкого права» в Республике Беларусь говорить о том, что его положения в ближайшее время станут источником права, не следует. Однако перспективы имеются, это подтверждается тем обстоятельством, что Республика Беларусь является членом целого ряда международных и межгосударственных ассоциаций самых различных уровней: Организации Объединенных Наций, Содружества Независимых Государств, Союзного государства, Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности и др. Беларусь выступает за поддержание и расширение конструктивного сотрудничества с Организацией Североатлантического договора, Европейским союзом. Наше государство было участником многих Конференций ООН, на которых рассматривались вопросы глобального характера и принимались нормы «мягко-правового» характера. Например, в Республике Беларусь указами Президента Республики Беларусь были утверждены акты, содержащие нормы «мягкого права», – Конвенция о сохранении агробиоразнообразия [4], Конвенция об охране нематериального культурного наследия [5], Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [6].

Являясь членом различных международных организаций, Республика Беларусь следует тенденциям, формируемым мировым сообществом, которые прежде всего соответствуют национальным интересам. Наше геополитическое положение уникально в том плане, что Беларусь географически, исторически и культурно является неотъемлемой частью Европы, находится на пересечении значимых транспортных и торговых путей между различными регионами европейского континента и вносит ощутимый вклад в укрепление общеевропейской безопасности, обеспечивая барьер на пути наркотрафика, незаконной торговли оружием, нелегальной миграции и торговли людьми.

Без оперативного вмешательства в урегулирование вопросов, возникающих между Республикой Беларусь и другими государствами по поводу политического и экономического развития путем принятия «мягко-правовых» актов, которые в перспективе будут закреплены во внутригосударственном законодательстве посредством определенного механизма, достичь поставленных целей будет трудно.

Таким образом, проанализировав совокупность признаков права, признать содержательную сущность актов рекомендательного характера правовой невозможно. Нормативность как основной признак, присущий праву, который заключается в общеобязательности исполнения установленных правил, неоднократности применения и неопределенного круга лиц, на которых распространяются правовые положения, в нормах «мягкого права» отсутствует.

В этой связи признать «мягкое право» источником права как таковым, а тем более источником права в Республике Беларусь, нельзя. Однако вопрос о включении «мягкого права» в систему общепризнанных источников права, а также в систему источников права Республики Беларусь не является столь категоричным и в перспективе станет весьма актуальным. За последнее десятилетие Беларусь активно развивала международно-правовые связи, позволяющие нашему государству быть участником международных организаций, устанавливающие нормы «мягко-правового» характера. Полагаем, что, принимая во внимание темпы современного глобального развития, оперативный характер урегулирования возникающих вопросов и проблем между государствами «мягко-правовым» механизмом, рассматриваемый феномен станет действенным средством для достижения поставленных целей.

1. Василевич, Г.А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г.А. Василевич. – Минск : Тесей, 2005. – 136 с.

2. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь». – 3-е изд., пересмотр. – Минск : Академия МВД, 2019. – 478 с.

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.

4. Конвенция о сохранении агробиоразнообразия [Электронный ресурс] : [заключена в г. Бишкеке 07.06.2016 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

5. Конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] : [заключена в г. Париже 17.10.2003 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

6. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Электронный ресурс] : [заключена в г. Орхусе 25.06.1998 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

УДК 343.8

Н.А. Волчкова, выпускник уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *С.Л. Гайкович*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В общефилософском смысле понятие «средства» включает все то, что ведет к решению определенной задачи. Таким образом, достижение целей уголовной ответственности возможно лишь при комплексном их использовании.

Средства исправления осужденных регулируются нормами права, имеющими различную юридическую силу. Наиболее детальной регламентации подвергается установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иные меры уголовной ответственности. Однако условиям организации труда, проведению воспитательной работы и получению осужденными образования, а также взаимодействию с общественными и религиозными организациями уделяется существенное внимание.

В научной литературе исследование института основных средств исправления осужденных к лишению свободы имеет широкое освещение.

Актуальность статьи обусловлена тем, что в процессе отбывания лишения свободы нерешенным остается вопрос соотношения карательной и исправительной составляющих. Это требует проведения оптимизации процесса исполнения обозначенного вида наказания посредством усиления роли мотивации правомерного поведения осужденных и их личной заинтересованности в достижении определенной степени исправления. Достижение указанного положения возможно лишь при комплексном и последовательном изучении основных средств исправления осужденных к лишению свободы.

Современная уголовно-исполнительная политика ориентирована на исправление и воспитание осужденных, гуманизацию наказания, повышение эффективности работы структур и подразделений уголовно-исполнительной системы.

Исследуя данный вопрос, полагаем целесообразным раскрыть понятие «исправление осужденных». В соответствии со ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений осужденными.

ми и другими лицами. Исправление осужденных – формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни [1].

Исправление следует рассматривать как процесс изменения личности осужденного, который происходит под воздействием внешних (объективных) и внутренних (субъективных) факторов. Внешнее влияние происходит под воздействием сотрудников органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовной ответственности, представителей государственных и общественных структур, родственников и близких лиц, отбывающих лишение свободы, а также других осужденных. Все они участвуют в процессе нравственного, трудового, правового, духовного, физического, санитарно-гигиенического и эстетического развития личности, которое направлено на формирование определенных качеств, способствующих успешной реализации всех средств исправления [2].

Внутренние (субъективные) факторы исправления личности осужденного рационально рассматривать в качестве второстепенных. К ним относятся: самообразование, самовоспитание, самодисциплина, восприимчивость осужденного к требованиям сотрудников уголовно-исполнительной системы, способность и стремление самого осужденного к условно-досрочному освобождению.

Основные средства достижения целей уголовной ответственности в процессе ее применения – установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие. Средства исправления осужденных применяются с учетом форм реализации уголовной ответственности, вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного и его поведения [1].

По нашему мнению, каждое средство исправления осужденного к лишению свободы следует рассматривать в отдельности. В ч. 3 ст. 7 УИК указано такое средство, как установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, собственно режим. В режиме выражена сама сущность наказания, поэтому чрезвычайно важно, чтобы он в процессе исполнения наказания был реализован в полном объеме и в точном соответствии с действующим законодательством.

В юридической литературе под режимом в *широком смысле* слова понимается система мер, посредством которых достигаются цели наказания, в свою очередь, в *узком* – это совокупность правил поведе-

ния осужденных и применение к ним наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

В ст. 73 УИК под режимом понимается установленный порядок исполнения и отбывания наказания, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение осужденными возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание определенных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного [1].

Режим включает в себя три основных функции: карательную, воспитывающую и обеспечивающую.

Карательная функция заключается прежде всего в том, что само лишение свободы ограничивает человека в удовлетворении его физиологических и социальных потребностей, что по-разному воспринимается различными категориями осужденных, однако все они в основном испытывают определенный спектр отрицательных эмоций. Осужденный изолируется от общества, находится под постоянным надзором и контролем со стороны сотрудников, что также вызывает отрицательные реакции. Однако следует помнить, что при строгом соблюдении требований режима не должно оказываться пагубное влияние на психику и здоровье осужденных. Безопасность осужденных и персонала превыше всего.

Воспитывающая функция заключается в строгом соблюдении распорядка дня, неукоснительном выполнении требований режима, формирующих определенные качества характера, воспитывающих волю, приучающих к труду, что положительно сказывается на самом осужденном. Поведение осужденного учитывается при рассмотрении вопроса выхода на свободу и дальнейшей реализации в условиях жизни на свободе.

Третья функция – обеспечивающая. Она состоит в том, что условия отбывания наказания, требования по выполнению правил и нормативов осужденными, постоянный труд сами по себе обеспечивают благоприятную среду для формирования личности, готовой вести правопослушный образ жизни.

Лишь только при строгом и неукоснительном соблюдении осужденным правовых норм достигается его полная морально-психологическая концентрация и осознание ранее совершенного преступления, возникает мотивация к дальнейшему исправлению своего поведения. Происходит переоценка (переосмысление) взглядов на жизнь, самого себя и общество [3, с. 214].

Общественно полезный труд, наряду с режимом, является одним из основных средств исправления осужденных. В ст. 41 Конституции Республики Беларусь закреплено право граждан на труд и право на выбор профессии, должности и специальности. Это означает, что каждый гражданин нашей страны имеет право трудиться и сам выбирать профессию, род занятий.

Вместе с тем в соответствии со ст. 98 УИК каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. При привлечении осужденных к труду трудовой договор (контракт) с ними не заключается [1]. Данный факт свидетельствует о так называемом специальном правовом статусе осужденного.

В соответствии со ст. 13 Трудового кодекса Республики Беларусь принудительный труд запрещается. Принудительным трудом считается работа, требуемая от работника под угрозой применения какого-либо насильственного воздействия, в том числе в качестве:

средства политического воздействия или воспитания либо в качестве меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе;

метода мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития;

средства поддержания трудовой дисциплины;

средства наказания за участие в забастовках.

Не считается принудительным трудом: работа, выполняемая вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законности при исполнении судебных приговоров; работа, выполнение которой обусловлено законодательством о воинской службе, об альтернативной службе либо чрезвычайными обстоятельствами [4].

Таким образом, уместно отметить, что к принудительному труду не относится работа, которую лица выполняют на основании распоряжения суда в исправительных учреждениях.

Труд – основное средство исправления осужденных, способствует нормальной жизнедеятельности человека, наполненной целью, позволяет ему быть развитым умственно и физически, развивает различные навыки и качества характера, создает связь человека с обществом с учетом социально полезной работы. С помощью труда формируется способность к ответственному отношению и возлагается определенный перечень задач, с которыми человек должен справиться. На наш взгляд,

труд – неотъемлемое средство исправления осужденного, так как именно он помогает побороть такие негативные проявления личности, как алкоголизм, наркомания, паразитизм и др. Когда осужденный занят работой, в голове у него с меньшей долей вероятности будут возникать мысли о совершении нового преступления.

К основным средствам исправления законодатель относит также получение осужденным образования. Образование – обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося [5, с. 51].

В соответствии со ст. 39 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на образование. Среднее специальное и высшее образование доступно для всех в соответствии со способностями каждого.

Получение общего и профессионально-технического образования – неотъемлемый элемент воспитания личности. В процессе получения образования формируется интеллект, вырабатывается способность осужденного мыслить нестандартно, не «по шаблону», происходит установка жизненных перспектив осужденного, меняются его общий нравственный и моральный уровни, что, естественно, меняет мышление. Личность, для которой ранее были приемлемы преступные установки и преступные пути совершения какого-либо деяния, под воздействием общей смены его нравственного сознания, получения новых установок на совершение какого-либо действия правомерным путем, воспринимает преступный путь немного по-иному, в отрицательном ключе.

Следует согласиться с Я.С. Ивасенко, по мнению которого – образование как средство исправления осужденных к лишению свободы – это «специально организованный в интересах человека, гражданина, общества и государства, осуществляемый в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нормативно урегулированный, управляемый и контролируемый активный процесс обучения и воспитания, направленный на нейтрализацию отрицательных черт характера, искоренение негативных потребностей (исправление), а равно последующую социальную адаптацию, сопровождающийся констатацией достижения лицом, получающим образование, установленных законодательством образовательных уровней (образовательных цензов)» [6, с. 51].

Лишение свободы – вид уголовного наказания, заключающийся в принудительной изоляции преступника от общества в исправительном учреждении с определенным режимом отбывания наказания. В новой редакции ч. 1 ст. 109 УИК говорится о том, что «в исправительных учреждениях организуются получение осужденными к лишению сво-

боды общего среднего, профессионально-технического образования и прохождения профессиональной подготовки». Такие уровни основного образования, как среднее специальное и высшее, не упоминаются законодателем. Возможности посещать среднее специальное, а также высшее учебное заведение осужденный к лишению свободы не имеет. Следовательно, в соответствии с п. 6.4 ст. 79 Кодекса Республики Беларусь об образовании образовательные отношения с ним должны быть прекращены [7, с. 33].

Таким образом, подводя итог, рационально отметить следующее:

1. Под основными средствами достижения целей уголовной ответственности (средствами исправления) следует понимать установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательную работу, общественно полезный труд, получение осужденными образования и общественное воздействие.

2. Успешная реализация целей уголовной ответственности возможна лишь при комплексном применении основных средств исправления осужденных к лишению свободы.

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Об организации воспитательной работы с лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 14 сент. 2005 г., № 285 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Шкуренко, А.А. Труд как средство исправления осужденных в исправительных учреждениях / А.А. Шкуренко // Преступление и наказание: история, право, мораль : сб. ст. / Междунар. юрид. ин-т – М., 2016. – С. 214–216.

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-3 : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

6. Бутенко, Т.П. Общее образование осужденных к лишению свободы как основное средство исправления осужденных / Т.П. Бутенко // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». – 2017. – № 5. – С. 51–55.

7. Катцова, Т.М. Право осужденных к лишению свободы на получение основного образования в современном законодательстве Республики Беларусь: проблемы реализации / Т.М. Катцова // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Могилев, 2014. – С. 33–37.

УДК 347.2/3

О.А. Дементей, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Е.Н. Мазаник

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ СОБСТВЕННОСТИ

Являясь фундаментальным по своей сущности, «право на собственность» составляет основу обеспечения нормального функционирования экономических отношений, что прямо пропорционально влияет на материальное благополучие как отдельного человека, так и всего общества в целом. На основе этого возникает необходимость в законодательном закреплении определенных правовых гарантий, обеспечивающих защиту права собственности, недопустимость неправомерного вмешательства в осуществление данного права, его незабываемость и нерушимость.

Важнейшая мера по реализации данного положения – правовая регламентация принципа неприкосновенности собственности в отечественном законодательстве наряду с другими основополагающими принципами, такими как «принцип неприкосновенности личности», «принцип презумпции невиновности», «принцип невмешательства в личную жизнь» и др.

Рассматривая неприкосновенность собственности в качестве базового и основополагающего принципа, следует, в первую очередь, руководствоваться положениями Конституции, согласно которым «государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности» (ст. 13) [1]. К тому же в ст. 44 Конституции Республики Беларусь закреплено: «Собственность, приобретенная законным способом, защищается государством» [1].

Такая защита осуществляется, помимо всего прочего, также и уголовно-правовым воздействием нормативных правовых актов, в частности нормами уголовного законодательства, закрепляющих ключевые дефиниции преступлений против собственности, расположенных в дис-

позициях соответствующих статей, а также мер уголовной ответственности за их совершения. Так, в Уголовном кодексе Республики Беларусь имеется гл. 24 «Преступления против собственности», содержащая указанные нормы, устанавливающие ответственность за посягательство на общественные отношения, складывающиеся по поводу собственности, например ст. 205 «Кража» (тайное хищение имущества), ст. 206 «Грабеж» (открытое хищение имущества) и др. [2].

Помимо уголовной ответственности за преступления против собственности, предусматривается также административно-правовая ответственность. Так, в гл. 10 «Административные правонарушения против собственности» Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь предусмотрен ряд статей, обеспечивающих защиту собственности, например нарушение права государственной собственности на недра; на воды; на леса; на животный мир (соответственно ст. 10.1–10.4); мелкое хищение (ст. 10.5) и др. [3].

К тому же защита права собственности осуществляется в гражданско-правовом порядке согласно нормам, указанных в статьях гл. 20 «Защита права собственности и других вещных прав» Гражданского кодекса Республики Беларусь [4]. Принцип неприкосновенности собственности включен в (ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь) систему принципов гражданского права, содержание которого раскрывается следующим образом: «право собственности, приобретенной законным способом, охраняется законом и защищается государством, ее неприкосновенность гарантируется, а принудительное отчуждение допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества либо согласно постановлению суда» [4].

В общем гражданско-правовом порядке реализуется ряд закрепленных в ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь способов защиты гражданских прав, к числу которых, соответственно, относится и право на собственность:

«Защита гражданских прав осуществляется путем:

- 1) признания права;
- 2) восстановления положения, существовавшего до нарушения права;
- 3) пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- 4) признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, установления факта ничтожности сделки и применения последствий ее недействительности;

- 5) признания недействительным акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления;
- 6) самозащиты права;
- 7) присуждения к исполнению обязанности в натуре;
- 8) возмещения убытков;
- 9) взыскания неустойки;
- 10) компенсации морального вреда;
- 11) прекращения или изменения правоотношения;
- 12) неприменения судом противоречащего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления;
- 13) иными способами, предусмотренными законодательством» [4].

Такие способы защиты, установленные на уровне кодифицированного закона, непосредственно являются гарантией для осуществления тех или иных субъектов гражданских правоотношений своего права на собственность, предусматривающих воздействие со стороны закона превентивно предостерегающее неправомерное нарушение неприкосновенности такой собственности.

Н.Л. Бондаренко также указывает, что «с целью реализации принципа неприкосновенности собственности в законе подробно урегулированы титулы права собственности: правопорождающие юридические факты (основания возникновения права собственности) и правопрекращающие юридические факты (основания прекращения права собственности)» [5, с. 90]. При этом данный автор ссылается на ст. 236 Гражданского кодекса Республики Беларусь, где закреплен исчерпывающий перечень оснований, по которым в случаях, предусмотренным законом, а также согласно постановлению суда допускается принудительное изъятие у собственника имущества: «К числу таких оснований относятся: отчуждение имущества, которое в силу акта законодательства не может принадлежать данному лицу, отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка, выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей, выкуп домашних животных, реквизиция и др. Из приведенного перечня оснований принудительного прекращения права собственности подавляющее большинство носит возмездный характер» [5, с. 90].

Данное положение подкрепляется нормой Конституции, которая содержится в ст. 44 и предусматривает следующее: «Принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда» [1].

Между тем в Гражданском кодексе Республики Беларусь предусмотрено безвозмездное изъятие у собственника принадлежащего ему иму-

щества: при обращении взыскания на имущество по обязательствам и конфискации.

Так, в ст. 244 указанного кодекса закреплено: «В случаях, предусмотренных законодательными актами, имущество может быть безвозмездно изъято у собственника в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискация)» [4]. В данном случае идет речь об ограничении права собственности лица, посягнувшего на такое право другого лица, что в большей степени характерно для компенсации вреда, причиненных преступлениями против собственности и экономическими преступлениями.

Таким образом, по мнению Н.Л. Бондаренко, «Закрепляя в числе основных начал гражданского законодательства принцип неприкосновенности собственности, закон допускает вместе с тем возможность прекращения права собственности помимо воли собственника. Такое направление развития правового регулирования дало основание для утверждения о «социализации» собственности, обязывающей собственника служить не только своим интересам, но и интересам всего общества» [5, с. 91].

Указанный автор ведет речь об обеспечении принципа неприкосновенности собственности в рамках различных отраслей права, где он осуществляется, преломляясь через призму особенностей этих отраслей юридической науки.

В трудовом праве принцип неприкосновенности собственности реализуется посредством закрепления права работника на гарантированную справедливую долю вознаграждения за труд в соответствии с его количеством, качеством и общественным значением, но не ниже уровня, обеспечивающего работникам и их семьям свободное и достойное существование, что находит свое закрепление в ст. 11 Трудового кодекса Республики Беларусь [6].

В земельном праве, как отмечает Н.Л. Бондаренко, принцип неприкосновенности собственности реализуется главным образом как принцип неприкосновенности частной собственности на землю. В целом признание права частной собственности на землю представляет собой важное политическое решение, но решение это должным образом не реализовано, как и не реализован названный принцип [7, с. 15].

«Так, в наследственном праве принцип неприкосновенности частной собственности конкретизируется в принципе свободы завещания, предоставляющей собственнику право свободно распорядиться принадлежащим ему имуществом на случай смерти» [7, с. 8].

Помимо кодифицированных законодательных актов, при осуществлении принципа неприкосновенности собственности немаловажное

значение имеют также другие нормативные правовые акты. Так, например, в Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» признана необходимость принимать самые серьезные меры по защите и развитию частной собственности, а также гарантирована необратимость приватизации государственного имущества (п. 2) [8].

Таким образом, гарантии принципа неприкосновенности собственности содержатся в ряде нормативных правовых актов, в том числе и в Конституции, и выражаются в установлении возможности собственника свободно владеть, пользоваться, распоряжаться своей собственностью и правом на нее, обеспеченной недопустимостью незаконного вмешательства в осуществление этого права, а также путем регламентации превентивных гарантий, которые закреплены в уголовном, административном и гражданском законодательстве.

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. № 53-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. № 171-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 135-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Бондаренко, Н.Л. Особенности реализации принципа неприкосновенности собственности в гражданском законодательстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Н.Л. Бондаренко // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2013. – № 1 (19). – С. 89–94. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-printsipa-neprikosnovennosti-sobstvennosti-v-grazhdanskom-zakonodatelstve-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 07.06.2019.

6. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 124-3 //

КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

7. Бондаренко, Н.Л. Место принципа неприкосновенности собственности в системе общеправовых и отраслевых принципов гражданского права / Н.Л. Бондаренко // Актуал. проблемы граждан. права. – 2017. – № 2. – С. 6–19.

8. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 342.9

Г.В. Жмаев, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.В. Гиммельрейх

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ «ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»

«Электронное правительство» призвано с помощью использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) способствовать совершенствованию управленческих процессов и административных процедур, предоставляемых в электронном виде; созданию новых и развитию существующих государственных информационных ресурсов; предоставлению электронных услуг через различные среды доступа путем использования сетевой инфраструктуры; переходу на электронный документооборот и технологии дистанционного межведомственного взаимодействия; в сочетании с организационными изменениями и новыми методами улучшить качество услуг государственного сектора, а в общем плане привести к полнейшей реализации в деятельности государственных органов принципа открытости доступа к информации, усилению общественного контроля за функционированием государственных органов, должностных лиц, государственных служащих.

Основными целями электронного правительства является повышение качества государственного управления, достигаемое:

через снижение временных, организационных и финансовых издержек для граждан и организаций при получении государственных услуг;

нивелирование административных барьеров и бремени избыточного регулирования для хозяйствующих субъектов;

сокращение бюджетных расходов на деятельность органов исполнительной власти и повышение эффективности этих расходов;

повышение прозрачности деятельности органов государственной власти;

оптимизацию предоставления правительственных услуг, поддержку и расширение возможностей самообслуживания граждан;

рост технологической осведомленности и квалификации граждан;

снижение воздействия фактора географического местоположения;

создание новых, развитие существующих государственных информационных ресурсов;

предоставление электронных услуг через различные среды доступа путем использования современной сетевой инфраструктуры [1].

По состоянию на 1 января 2018 г. в Республике Беларусь реализовано 90 видов электронных услуг, 6 видов административных процедур, интегрировано 20 государственных информационных ресурсов, ежемесячно оказывается 200 000 электронных услуг. Создана и функционирует Государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи (ГосСУОК), позволяющая однозначно идентифицировать личность гражданина и придать юридическую силу электронному документу.

Для взаимодействия с ГосСУОК переведены основные государственные информационные системы: МНС, Минтруда и соцзащиты, Белстат, ГТК, Минюст, Белгосстрах и др. По состоянию на 23 января 2018 г. количество пользователей ГосСУОК – 289 197; количество регистрационных центров – 32. За 2017 г. к системе межведомственного документооборота (СМДО) подключены 4 098 абонентов. В итоге общее количество использующих СМДО организаций составило 52,6 % от порядка 17 000 подлежащих подключению абонентов [2].

Государственно-управленческая технология «электронное правительство», функционирующая на основе принципа «одно окно» имеет четкую социальную направленность, так как преследует снижение общего количества посещений гражданами органов власти, сокращение времени ожидания в очередях, ускорение процесса рассмотрения и оформления необходимых документов и т. п.

В этих условиях социальный запрос на высокий профессионализм в государственной службе выражается сегодня в том, что от государственного служащего ожидают эффективного использования новых ин-

формационных технологий (НИТ) в профессиональной деятельности, адаптируемости к быстроменяющимся по видам и содержанию информационным технологиям, способности к саморазвитию, умению находить эффективные решения управленческих задач с помощью НИТ, креативности и инновационности при использовании НИТ в профессиональной деятельности.

Вместе с этим анализ практики управленческой деятельности, качества и своевременности оказываемых услуг свидетельствует о недостаточном уровне знаний и умений государственных служащих в области информатики в части эффективного использования в своей профессиональной деятельности управленческих информационных технологий. Это означает, что профессиональное обучение и переподготовка государственных служащих в области информатики, ежегодно проводимые в структурах государственной власти (управления) в рамках парадигмы «традиционного» обучения, основанного на усвоении готового знания, умений и навыков работы, практически не дают требуемого результата.

Решение этой государственной проблемы, на наш взгляд, возможно лишь за счет развития *информационно-технологической компетентности* государственных служащих, понимаемой автором как интегральное личностное новообразование, обеспечивающее необходимый для каждого управленца уровень эффективности в получении, переработке, передаче, хранении и представлении профессионально детерминированной информации с использованием телекоммуникационной и компьютерной техники. Такое понимание информационно-технологической компетентности включает в себя не только владение системой знаний, умений и навыков в информатике, но и навыки решения профессиональных задач и с использованием новых информационных технологий и охватывает три основные подструктуры личности: мотивацию, способности и опыт.

В Концепции развития педагогического образования Республики Беларусь на 2015–2020 гг. компетентностный подход провозглашается в качестве одного из важных концептуальных положений обновления содержания образования [3]. Такая целевая ориентация профессионального образования на конечный результат требует определить структуру и состав той или иной профессиональной деятельности, а главное – выявить эффективные образовательные технологии подготовки и непрерывного развития субъектов этой деятельности [3].

Однако решение проблемы обеспечения высокого уровня информационно-технологической компетентности государственных служащих за-

трудно из-за ряда объективных и субъективных противоречий и проблем, главными из которых, по мнению П.В. Беспалова [4, л. 8–9], являются:

противоречие между социальной потребностью государственной власти в специалистах, эффективно использующих профессионально ориентированные новые информационные технологии в своей деятельности и фактической неспособностью рынка образовательных услуг удовлетворить эту потребность;

отсутствие у госслужащих мотивации получения систематических знаний в информатике и необходимого развития себя как индивида, личности, субъекта процесса информатизации государственного управления;

противоречие между стремлением личности максимально реализовать свой творческий потенциал в профессиональной деятельности и технологиями принятия и реализации управленческих решений, реально используемыми в деятельности государственных служб;

противоречие между традиционным подходом к профессиональному обучению в области информатики, построенному на усвоении фиксированной суммы знаний, умений и навыков и высокой динамикой в развитии технологий;

отсутствие в учреждениях высшего образования мобильных целостных технологий непрерывного развития управленцев в области информатики, не позволяющее им творчески совершенствоваться в процессе труда в условиях удаленности от образовательных центров;

недостаточная выраженность в организационно-управленческой среде госслужбы традиций, норм, стандартов поведения, стимулирующих и поддерживающих процессы интенсивного развития специалистов-управленцев в области информатики;

сложившаяся система профессиональной подготовки госслужащих, в которой не получила широкого распространения личностно-ориентированная система формирования и развития знаний, умений и навыков в использовании новых информационных технологий в профессиональной деятельности.

Эти задачи являются составной и неотъемлемой частью главной практической цели акмеологической науки – обеспечения профессионального развития личности и достижения вершин профессионального мастерства.

Для проектирования концепции информационно-технологической компетентности госслужащих существенным является акмеологический подход, требующий применения в двух ключевых направлениях:

разработка интегративных технологий личностно-профессионального развития (А.А. Деркач, А.В. Кириченко, Е.В. Селезнева и др.);

моделирование психологического сопровождения профессиональной подготовки специалиста (С.А. Анисимов, А.А. Деркач, Ю.В. Синягин и др.).

В концептуальном и научно-методическом плане представляется объективным и своевременным разработать акмеологическую концепцию продуктивного формирования информационно-технологической компетентности государственных служащих, в которой должны быть системно объединены модель, алгоритм, технологии, а также раскрыты механизмы, условия и факторы оптимизации развития на основе активного использования инновационных педагогических технологий и современных технических средств коммуникации.

Интегративным критерием развития информационно-технологической компетентности госслужащих выступает успешность реализации *концепции электронного правительства*, а в качестве специальных критериев развития информационно-технологической компетентности необходимо выделить:

1) *в деятельности-процессуальной сфере*: знания, умения и навыки в области информатики (базовый уровень, продвинутый, профессиональный);

2) *в структурно-личностной сфере*: начальный уровень мотивации (потребность в использовании новых информационных технологий побуждается лишь внешними социальными факторами (эталоны) или такими личностными мотивами, как должностные обязанности; основной (внутренний) уровень мотивации (потребность в развитии информационно-технологической компетентности осознана самим государственным служащим как необходимое условие повышения эффективности профессиональной деятельности); высший (внутренний) уровень мотивации (потребность в самореализации в качестве субъекта процесса информатизации государственной службы);

3) *в функционально-личностной сфере*: профессионально важные качества; способности; статус в группе, организации; личная оценка возможности самореализации и развития за счет широкого использования новых информационных технологий; степень личной удовлетворенности результатами информатизации профессиональной деятельности в организации;

4) *в сфере информатизации профессиональной деятельности*: степень полноты информатизации, качество использования конкретных информационных технологий; умение видеть не только и не столько текущую проблему, а все «проблемное поле» информатизации профессиональной деятельности (причинно-следственные связи и взаимозависимости) и пути их решения;

5) *в профессиональном мышлении*: способность к принятию решения; аналитические и интеллектуальные способности; когнитивная рефлексивность.

Наряду с разрешением этих проблем и противоречий необходимо создать психологические, педагогические и организационные условия для эффективной самореализации профессионалов в рамках государственной службы на базе широкого использования новых информационных технологий в ходе реализации концепции электронного правительства [5, с. 25–43].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Информационно-технологическая компетентность государственных служащих выражается в готовности и способности человека к активному использованию новых информационных технологий для повышения эффективности своей профессиональной деятельности и является интегральным личностным новообразованием, обеспечивающим необходимый для каждого управленца уровень эффективности в получении, переработке, передаче, хранении и представлении профессионально детерминированной информации с использованием телекоммуникационной и компьютерной техники.

Такое понимание информационно-технологической компетентности включает в себя не только владение системой знаний, умений и навыков в информатике, но и навыки решения профессиональных задач с использованием новых информационных технологий и охватывает три основные подструктуры личности: *мотивацию, способности и опыт*.

2. Содержание и развитие информационно-технологической компетентности у государственных служащих имеют особенности, обусловленные спецификой управленческого труда и психологическим содержанием профессиональной деятельности государственных служащих. Включенность информационно-технологической компетентности в реализацию управленческих задач повышает эффективность деятельности государственных служащих различного уровня.

3. Развитие информационно-технологической компетентности служащего как субъекта профессиональной деятельности может быть достигнуто на основе разработки и реализации его целостной акмеологической концепции, которая будет включать научные и прикладные основы, обеспечивающие использование акмеологического подхода с опорой на акмеологическую модель, критерии, показатели и уровни оптимального развития. Это позволяет задействовать и наилучшим об-

разом реализовать личностный и профессиональный потенциал госслужащего как индивида, личности и субъекта деятельности с учетом индивидуально-психологических, половозрастных особенностей, статуса и функционально-ролевой направленности деятельности.

Акмеологический подход, кроме того, будет способствовать интеграции *теоретико-прикладных, информационно-технологических и субъектно-деятельностных* компонентов в рамках целостной системы информационно-технологической компетентности, предметом которой является личностно-профессиональное *развитие, саморазвитие и самосовершенствование* госслужащего в целях повышения эффективности профессиональной деятельности.

4. Совершенствование правового регулирования профессионального обучения и переподготовки государственных служащих в области информатики в аспекте формирования профессиональной готовности к качественной реализации государственных функций с применением технологии «электронное правительство» предполагает:

выработку перечня единых требований с формулированием их содержания, предъявляемых на современном этапе к информационно-технологической компетентности государственных служащих;

нормативное закрепление данных требований путем внесения дополнений в Закон от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» в виде отдельной главы «Требования к информационно-технологической компетентности государственного служащего».

1. Подпрограмма «Электронное правительство» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 марта 2011 г. № 384 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12.06.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. О вопросах цифровой трансформации в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление коллегии М-ва связи и информ. Респ. Беларусь, 24 янв. 2018 г., № 3/2 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Концепция развития педагогического образования на 2015–2020 годы [Электронный ресурс] : приказ М-ва образования Респ. Беларусь, 25 февр. 2015 г., № 156 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Беспалов, П.В. Акмеологическая концепция развития информационно-технологической компетентности государственных служащих : дис. ... д-ра пед. наук : 19.00.13 / П.В. Беспалов ; РАГС при Президенте РФ. – М., 2006. – 718 л.

5. Электронное правительство : рек. по внедрению в Рос. Федерации / под ред. В.И. Дрожжина и Е.З. Зиндера. – М. : Эко-Трендз, 2004. – 352 с.

УДК 351.74(476)

А.С. Жмайлик, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Коляго*

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Предупреждение детской безнадзорности и борьба с правонарушениями несовершеннолетних – важнейшая задача органов внутренних дел Республики Беларусь, поскольку от этого зависит состояние «взрослой» преступности в будущем. Эта работа осуществляется всеми службами и подразделениями органов внутренних дел совместно с другими субъектами профилактики правонарушений, населением.

Проблеме профилактики правонарушений несовершеннолетних уделялось внимание с древности. Так, Платон в работе «Законы» обосновывал необходимость предупреждения правонарушений, в частности отмечал, что «хорошо продуманное законодательство должно обеспечить победу добродетели над пороком в душе гражданина». Основными мерами противодействия нарушениям закона автор называет наложение кары на лиц, нарушивших закон, а также воспитание людей с детского возраста и самовоспитание на протяжении всей жизни [1, с. 391]. Аналогичной точки зрения придерживался Аристотель [2, с. 254].

Несовершеннолетние имеют особенности психологического развития, в связи с чем и деятельность органов внутренних дел по профилактике совершаемых ими правонарушений организуется с учетом этого. Неслучайно данная деятельность получила обособленное правовое регулирование в ряде нормативных правовых актов, основным из которых является Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Сегодня в Беларуси сформирована система взаимодействия государственных органов и общественных организаций, занимающихся вопросами профилактики правонарушений несовершеннолетних и семейного неблагополучия, направленная на формирование законопослушного поведения, защиту законных прав и интересов несовершеннолетних.

Совместная работа всех заинтересованных органов позволила обеспечить в последние годы устойчивую тенденцию снижения числа пре-

ступлений, совершаемых несовершеннолетними, удельный вес которых в общей структуре преступности ежегодно составляет около 3,5 %. На протяжении длительного времени сохраняется тенденция уменьшения количества тяжких и особо тяжких преступлений с участием несовершеннолетних, а также совершенных в состоянии алкогольного опьянения и наркотического возбуждения, подростками, имеющими судимость.

Японский криминолог Уэда Канн утверждал, что «современное общество – это парник для выращивания делинквентной (правонарушающей) молодежи». Многие зарубежные ученые обоснованно утверждают, что делинквентность подростков – зеркало общества. При этом они уже не связывают данное явление только с бедностью, нищетой и семейным благополучием [3, с. 18–19].

Таким образом, можно сделать вывод, что сосредоточение усилий различных субъектов на профилактике правонарушений несовершеннолетних позитивно отражается на уровне преступности в будущем.

С раннего детства начинается процесс воспитания и самовоспитания личности, т. е. социализации человека, который, в частности, заключается в усвоении принятых обществом моральных и правовых норм. Это активный и действенный процесс: он включает в себя не только получение определенной системы знаний, но также выработку навыков и умений правильно вести себя в обществе, иначе говоря, образование положительных стереотипов поведения.

В нормальных условиях усвоение моральных и правовых запретов заканчивается в подростковом возрасте (к 14–16 годам). Это обстоятельство учитывается законодательством, которое установило частичную уголовную и административную ответственность с 14-летнего возраста и полную уголовную ответственность с 16-летнего возраста.

Личность трудного подростка прежде всего характеризуется уровнем социализации, отражающим пробелы и недостатки трех основных сфер воспитания: семьи, школы и производства. С другой стороны, на личность такого подростка, как правило, излишне большое влияние оказывает особая сфера – улица, двор, «уличная группа с отрицательной направленностью» [4, с. 4–5]. С учетом вышеизложенных особенностей и должна осуществляться работа органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних.

Административно-правовое регулирование предотвращения правонарушений несовершеннолетних основывается на Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП), Законе Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»,

и других законодательных актах. Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о наличии в нормативных правовых актах, регулирующих рассматриваемую область общественных отношений, пробелов, коллизий, правовой неопределенности.

Проблему защиты детей на сегодня пытаются решить путем внедрения такого института, как «ювенальная юстиция», представляющего собой правовую основу системы учреждений и организаций, осуществляющих правосудие над несовершеннолетними, совершившими правонарушения. Стоит вопрос в первую очередь о воспитании несовершеннолетних в духе закона, а не в том, чтобы наказать. В мировой научной практике существует мнение о том, что применение наказания в виде лишения свободы сроком свыше шести лет приводит к деформации личности, развитию преступной направленности. После отбытия наказания осужденные возвращаются к преступному образу жизни, особенно несовершеннолетние. Таким образом, в качестве перспективы, рассматривается создание такой системы, состоящей из ювенальных судов и прокуратуры, приоритетной задачей которой будет воспитание несовершеннолетних. Данная направленность будет обеспечиваться всесторонним, полным и объективным судебным разбирательством, в котором будут присутствовать участники судебного процесса, специализирующиеся только по таким делам, в частности педагоги, психологи, непосредственно контактирующие с несовершеннолетним.

По нашему мнению, в настоящее время назрела необходимость выделения норм, касающихся административной ответственности несовершеннолетних, в отдельную главу КоАП, в которую необходимо включить понятие административной ответственности несовершеннолетних, виды административных взысканий и порядок их применения к несовершеннолетним, в том числе специальные меры для подростков, в частности административный арест на несколько часов при условии его отбывания в помещении органа внутренних дел, а также домашний арест на один-два дня; порядок освобождения от административной ответственности несовершеннолетних; обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность несовершеннолетних. Кроме того, обоснованно разработать меры воздействия принудительно-воспитательного характера для несовершеннолетних и включить их в КоАП, так как меры, применяемые к несовершеннолетним, должны преследовать прежде всего цель исправления и предупреждения совершения новых правонарушений.

Таким образом, внедрение отдельных элементов ювенальной юстиции имеет большое значение для обеспечения снижения преступности несо-

вершеннолетних, посредством создания судов и прокуратуры, специализирующихся непосредственно на разрешении такого рода дел, что требует одновременного внесения изменений и дополнений в КоАП, направленных на обособленное правовое регулирование процедуры привлечения несовершеннолетних к ответственности. Это связано с необходимостью решения вопросов ответственности несовершеннолетних, которая будет направлена не только на наказание, а в большей мере на воспитание.

Как показывает правоприменительная практика в ходе рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП, в отношении несовершеннолетних часто возникают проблемы, связанные с отсутствием законодательного закрепления определений такой дефиниции, как нахождение в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. Указанный термин носит оценочный характер, что влечет неоднозначное его толкование правоприменителем. Проводимое освидетельствование лиц, в отношении которых ведется административный процесс, позволяет установить наличие у несовершеннолетнего алкогольного опьянения, но не всегда – факт нахождения в общественном месте в состоянии, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. В этой связи оправданно в примечании к ст. 17.3 КоАП закрепить перечень и классификацию признаков поведения и внешнего вида лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность.

В ходе ведения административного процесса по фактам административных правонарушений несовершеннолетних органом, ведущим административный процесс, нередко выявляются причины и условия, совершенных правонарушений, в связи с чем возникает необходимость в принятии мер по их устранению либо нейтрализации путем внесения предложений на основании ст. 10.31 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПКИоАП). Однако исполнение последних не обеспечивается соответствующей административной ответственностью, в связи с чем низка их эффективность. Данное положение сложилось из-за недооценки законодателем важности устранения причин административных правонарушений и условий, способствующих их совершению, которые по отдельным составам едины с причинами и условиями преступлений. Кроме того, в ст. 10.31 ПКИоАП закрепляется право внесения предложения, но не обязанность, в связи с чем имеет место усмотрение уполномоченного субъекта, что негативно отражается на принятии соответствующих мер. В данных случаях отдельные должностные лица, ведущие администра-

тивный процесс, являются одновременно и субъектами профилактики правонарушений, но руководствоваться нормой ст. 21 Закона «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» при выявлении причин административного правонарушения и условий, способствовавших его совершению они не вправе, так как налицо коллизия нормативных правовых актов, при которой необходимо руководствоваться кодексом, обладающим высшей юридической силой по отношению к закону. В ст. 21 рассматриваемого закона закреплен исчерпывающий перечень субъектов, уполномоченных вносить представления, в том числе и органы внутренних дел, обладающие надзорными полномочиями в наиболее важных для государства областях. Круг субъектов, являющихся органами, ведущими административный процесс, намного шире. В связи с этим представляется целесообразным закрепить в ст. 10.31 ПКИоАП обязанности органов внутренних дел, органов прокуратуры, органов государственной безопасности, органов пограничной службы, таможенных органов, органов государственной охраны, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям при реализации функций органов, ведущих административный процесс, принимать меры по устранению причин административных правонарушений и условий, способствующих их совершению путем внесения соответствующего обязательного для реагирования представления, а всех оставшихся субъектов обязать вносить предложения об устранении причин административного правонарушения и условий, способствовавших его совершению, носящих рекомендательный характер.

В Законе Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» отсутствует конкретное перечисление мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений, оснований и процедуры их реализации, применяемых уполномоченными субъектами в отношении несовершеннолетних, что негативно отражается на уровне защиты их прав, свобод и законных интересов, эффективности деятельности субъектов профилактики правонарушений. Указанные положения закреплены в Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», который в части применения мер индивидуальной профилактики правонарушений в отношении несовершеннолетних не применяется, а относительно мер общей профилактики – лишь частично.

Оправданным, например, считаем закрепление оснований и процедуры реализации таких мер индивидуальной профилактики правонару-

шений несовершеннолетних, как профилактическая беседа, официальное предупреждение, профилактический учет.

В качестве аргумента вышеуказанного утверждения следует отметить, что нормы аналогичного содержания закреплены в Законе Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 591-ІІ «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности».

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что реализация указанных предложений будет способствовать совершенствованию законодательства, регламентирующего общественные отношения с участием несовершеннолетних, совершивших правонарушения, усилению гарантий защиты их прав, свобод и законных интересов, повышению эффективности деятельности субъектов профилактики правонарушений.

1. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон ; предисл. Е.И. Темкова. – М., 1998. – 798 с.

2. Аристотель. Политика ; Афинская полития / Аристотель ; пер. С.А. Жебелева, С.И. Радцига. – М., 1997. – 343 с.

3. Павлухин, А.Н. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних средствами правового воспитания : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.Н. Павлухин, З.С. Зарипов, Н.Д. Эриашвили. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. – 111 с.

4. Васильев, В.Л. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних / В.Л. Васильев. – Л. : Знание, 1980. – 36 с.

УДК 378.1

М.А. Жук, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Г.Б. Дергай*

МИКРОБИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛЕДОВ СПЕРМЫ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

При расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности специалисты, сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с трудностями, которые связаны с отсутствием доказательственной базы. Преступные действия, затрагива-

ющие интимную сферу жизни человека, часто совершаются в условиях неочевидности. Нередко единственным доказательством по делам данной категории выступают показания потерпевших, которые далеко не всегда соответствуют действительности и которые трудно проверить. Так, в ходе расследования преступлений данной категории особенно важны вещественные доказательства, к которым в первую очередь относятся следы биологического происхождения, которые могут остаться на теле и одежде потерпевшей. К наиболее распространенным объектам микробиологического исследования относятся следы спермы. При проведении экспертизы спермы можно достоверно установить имеются ли следы спермы на представленном объекте.

Наиболее достоверными методами определения наличия спермы служат морфологический – обнаружение целых сперматозоидов или их головок при микроскопии; биохимический – установление специфического для спермы фермента. В ходе лабораторного исследования для определения спермы также применяется иммунохроматографический тест – SERATEC PSA SEMIQUANT [5]. С помощью указанных методов можно определить имеется ли в пятне, помимо спермы, другой биологический материал (слюна, влагалищное отделяемое), от кого он происходит; не имеется ли в сперме, обнаруженной в пятнах, патологических отклонений от нормального состава, если да, то какие [1, с. 61]. Генетическое исследование следов биологического происхождения позволяет установить, происходит ли сперма от конкретного ее носителя.

После того, как установлено происхождение пятна, судебные эксперты переходят к решению вопроса о происхождении спермы от конкретного человека. Такие исследования, как правило, начинают с анализа по системе АВ(0) (иммунологический метод), так как сперма также содержит антигены данной системы. После чего приступают непосредственно к идентификации личности человека по сперме с помощью генотипирования. Обязательным условием является наличие сравнительных образцов. С его помощью можно установить происхождение спермы от конкретного человека даже по смешанным пятнам [2], а также происходит ли след спермы от нескольких индивидуумов.

Наиболее часто применяемым доказательным методом, устанавливающим факт наличия спермы, который используют в процессе судебно-биологического исследования, является микроскопический метод по морфологии клеток, при котором обнаруживают непосредственно сперматозоиды. Следует иметь в виду, что при некоторых физиологических заболеваниях количество сперматозоидов в эякуляте может быть небольшим или вообще отсутствовать, поэтому необнаружение сперма-

тозоидов в объекте исследования не исключает присутствия спермы. Следующим доказательным методом является биохимический, при котором устанавливается содержание специфического для спермы фермента (изофермента ЛДГ-х), а также специфических белков (спермина и холина) [3, с. 380].

Результаты исследования, изъятых с места происшествия образца спермы на антигены системы АВ(0), сравниваются с результатами анализа образцов, взятых от лица, подозреваемого в совершении преступления. В качестве образцов для сравнительного исследования берется слюна подозреваемого лица. В крови устанавливают наличие антигенов системы АВ(0), т. е. определяют группу крови, по слюне, сперме – категорию выделительства [4, с. 299].

Если при сравнительном исследовании спермы и крови обнаружены разные антигены, допустим в крови подозреваемого антиген А, а в исследуемом пятне спермы антиген В, то эксперт исключает происхождение спермы от конкретного мужчины. Если в обоих исследуемых материалах обнаружены одинаковые антигены, то анализируют характер выделительства. Например, подозреваемый мужчина, имеющий антиген А, является невыделителем, а в пятне спермы с места происшествия обнаружен антиген А, что указывает на то, от кого этот биологический объект происходит является выделителем. У невыделителя в сперме не должно быть антигена А, следовательно сперма произошла не от этого конкретного мужчины. Если подозреваемый мужчина – выделитель, и антигены, обнаруженные в крови и сперме одинаковы, то делают вывод о том, что сперма могла произойти от данного мужчины. Категорический вывод о происхождении спермы от конкретного мужчины сделать по результатам такого исследования не предоставляется возможным, для этого применяется генотипоскопический метод [4, с. 300].

Объекты сравнительного исследования также могут быть получены при освидетельствовании потерпевшего физического лица, в ходе следственного действия (получение образцов для сравнительного исследования) и при проведении судебной медицинской экспертизы трупа [1, с. 61].

Вопрос о происхождении биоматериала от конкретного человека имеет огромное значение в делах о расследовании преступлений против половой неприкосновенности и свободы, особенно в тех случаях, когда биологический объект, обнаруженный на месте совершения преступления, является единственным вещественным доказательством. И в таком случае выводы судебных экспертов-генетиков играют решающую роль, и результаты генетического исследования могут быть положены в основу обвинения.

Преступнику кажется, что он тщательно подготовился и следов не оставил, но даже гениальный план может провалиться из-за упавшего волоса или мельчайшей капельки крови. Экспертное заключение о происхождении биоматериала на орудии травмы, а также теле или одежде жертвы, либо других вещественных доказательствах от подозреваемого, является одним из важнейших доказательств.

При всем многообразии методов исследования биоматериала лишь при генотипоскопической экспертизе выявляются индивидуальные особенности строения дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК). Исследованию могут быть подвергнуты любые части тела: отдельные органы, костные останки, ткани, кровь, волосы и даже выделения человека. Обязательным условием для данного метода является наличие в исследуемом материале ДНК, так как она содержит полную информацию о своем носителе, это так называемый «генетический паспорт». Метод позволяет успешно исследовать смешанные следы крови от нескольких лиц или следы крови и спермы, а также при исследовании ДНК, выявленной на вещественных доказательствах в очень ограниченном количестве и даже в состоянии деградации. Теоретически минимальная величина объекта, пригодного для исследования методом ДНК-анализа, составляет лишь одну клетку.

Метод имеет очень высокую достоверность результатов, позволяющую не в вероятностной, как это бывает в случае применения большинства судебно-медицинских методик, а в категорической форме судить о биологическом тождестве или различии исследуемых объектов. Ограничения в применении данного метода связаны лишь с его большой трудоемкостью, наукоемкостью, а также с необходимостью применения дорогостоящих реактивов и оборудования.

Теоретически ДНК содержит полную информацию об организменосителе, и со временем можно ожидать появления методик анализа биологических следов человека, позволяющих получить важные данные на качественно новом уровне. Однако молекулярно-генетические исследования находятся на стадии интенсивного развития, ощущается нехватка квалифицированных кадров, а само исследование и необходимое для его проведения оборудование являются дорогостоящими.

Оборудование и реагенты для проведения генетических исследований приобретаются Республикой Беларусь за валюту. Более того, число назначаемых геномных экспертиз за последние два года возросло в 1,5 раза. Ежемесячно их проводится около 1 500, при этом ежегодно на закупку реагентов тратится до 50 млрд рублей бюджета Республики Бе-

ларусь. Однако назначение экспертиз часто не является рациональным и контролируется инициаторами назначения экспертиз недостаточно эффективно. Предложения по решению данного вопроса постфактум (когда эксперт должен уведомить прокурора или следователя о нецелесообразности уже назначенной экспертизы) неприемлемы, так как эксперт, в принципе, не вправе, да и не может без материалов дела дать компетентную оценку необходимости экспертизы. Отчасти исправить ситуацию может принятие готовящегося для рассмотрения проекта закона, предусматривающего взыскание с виновных стоимости реагентов и износа оборудования при производстве экспертиз в государственных учреждениях. По этому вопросу интересен зарубежный опыт. Например, в Германии в полиции функционирует специальное подразделение, которое курирует вопросы необходимости назначения всех генетических экспертиз, в том числе по каждому изъятому объекту.

В центральном аппарате Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь с 2016 г. стоимость экспертизы в отношении трех лиц (мать, ребенок, предполагаемый отец) по определению суда составляет 219,59 рубля, по личным обращениям граждан Республики Беларусь – 224,18 рубля. Сложные биологические экспертизы, при производстве которых необходимо исследовать гистологические препараты умерших, образцы родственников, в том числе с использованием маркеров X- и Y-хромосомной, митохондриальной ДНК, как правило, проводятся в центральном аппарате Государственного комитета, и стоимость таких экспертиз рассчитывается индивидуально для каждого случая и может составить от 300 до 700 рублей.

Микробиологические методы исследования остаются важнейшим инструментом для исследования вещественных доказательств. Они рекомендовали себя как простые в исполнении, чувствительные и надежные методики, значительно снижающие как денежные затраты, так и трудозатраты при определении видовой, групповой принадлежности следов выделений, так как перед проведением генотипоскопического анализа изначально всегда определяется групповая принадлежность по системе АВ(0) иммунохимическим анализом, что делает возможным избежать проведения дорогостоящего геномного исследования. Кроме того, несомненным преимуществом иммунохимического исследования является возможность анализа той части объекта, которая непригодна для молекулярно-генетических исследований, а именно собственно выделений, не содержащих клеток с ядрами.

Таким образом, микробиологические исследования развиваются по двум направлениям, основанным на применении соответственно двух

методов анализа – молекулярно-генетического (ДНК-анализа) и иммунохимического.

Решать вопросы непосредственно идентификации личности с наибольшей степенью вероятности тождества может лишь генотипоскопическая (судебная генетическая) экспертиза. Ввиду вышеизложенного следует более тщательно контролировать вопрос о рациональности и целесообразности назначения геномных экспертиз. Для этого может быть создано специальное подразделение с высококвалифицированным персоналом.

Для повышения результативности работы правоохранительных органов по расследованию преступлений против половой неприкосновенности и свободы необходимо расширить категории профилей, вносимых в банк ДНК. Целесообразно также расширять данную систему на международном уровне.

Следы биологического происхождения – специфические объекты, для работы с которыми требуются специальные знания из области криминалистики, медицины, биологии, химии. Правильно собранные с места происшествия вещественные доказательства могут повысить достоверность выводов, проведенного экспертного исследования.

С образованием централизованной системы экспертных учреждений, в частности Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, количество случаев осмотра места происшествия без судебного эксперта значительно снизилось, вплоть до единичных, однако есть смысл стремиться свести эти случаи к нулю. Как правило, на месте совершения преступления работает следственно-оперативная группа, в состав которой входит судебный эксперт. Если предполагается наличие объектов биологического происхождения, привлеченным специалистом может быть судебный медицинский эксперт.

Несомненно, применение генотипоскопических исследований в расследовании преступлений – одно из наиболее перспективных направлений использования специальных знаний. С развитием микробиологических исследований возможно очень скоро методики идентификации личности с помощью следов биоматериала выйдут на новый качественный уровень.

1. Грамович, Г.И. Криминалистика : учебник / под ред. Д.И. Сулейменова. – Баку : Ишыг, 2000. – 67 с.

2. Полянский, Ю.И. Общая биология : учеб. пособие / под ред. Ю.И. Полянского, А.Д. Брауна. – М. : Просвещение, 1992. – 287 с.

3. Дергай, Г.Б. Современные возможности судебных экспертиз : учеб. пособие / Г.Б. Дергай. – Минск : Акад. МВД, 2000. – 131 с.

4. Ищенко, Е.П. Практическая криминалистика : учеб. пособие / Е.П. Ищенко. – Екатеринбург : Урал. гос. юрид. акад., 1994. – Ч. 1. – 161 с.

5. Кухарьков, Ю.В. Судебная медицина : конспект лекций / Ю.В. Кухарьков. – Минск, 2016. – 69 с.

УДК 343.3

А.А. Карabanов, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Пашкеев*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫМ ПРАВОМ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Реформа гражданского процесса Республики Беларусь в 90-е гг., а также его совершенствование в настоящее время дало новый импульс к развитию практики и науки, указало на необходимость имплементации источников права, норм из одной правовой системы в другую.

Как известно, в сравнительном правоведении и отраслевых науках существует множество типологий правовых систем. Такое многообразие обусловлено различием критериев типологизации. Классической принято считать теорию, согласно которой существуют две основные правовые системы: романо-германская и англосаксонская [1, с. 210]. Указанная теория получила наибольшее распространение у белорусских и зарубежных ученых. В период существования СССР к этим системам добавляли еще социалистическую, а после его распада – постсоциалистическую. Иногда к ним причисляют самостоятельные системы исламского и скандинавского права [2, с. 20, 24]. Однако, несмотря на разнообразные дополнения, доминирующее положение романо-германской и англосаксонской правовых систем признают большинство исследователей.

Основными процессуальными институтами, которые разделяют правовые системы на два типа, являются роль суда в собирании доказательств, участие присяжных заседателей в разрешении дела, порядок защиты коллективных прав и др.

Активность и инициатива суда в собирании доказательств – один из основных критериев разграничения двух процессуальных моделей. В континентальной системе активным является суд, а в англосаксонской – стороны. Бремя доказывания в одном случае лежит на суде, а в

другом – на сторонах. А.Ф. Клейнман, сравнивая оба типа процессов, отмечал, что если в англосаксонском процессе «...отрицается возможность вмешательства суда в гражданские правоотношения сторон, то процесс следственный, наоборот, характерен проникающей его мыслью об опеке судом тяжущихся». Тем не менее считаем, что данный критерий не является единственным. Классической англосаксонской модели судопроизводства известны такие нехарактерные для стран континентального права институты, как суд присяжных, перекрестный допрос свидетелей, предварительное судебное заседание, групповые иски и др. Отличаются порядок допроса свидетелей, назначения экспертизы. В континентальной процессуальной системе свидетелей назначает суд, а в англосаксонской семье судья такого права не имеет. В странах общего права преимущество отдается устным доказательствам, в то время как в континентальной системе – письменным и т. д. Разделение на англосаксонскую и романо-германскую системы имеет место в конституционном, гражданском, уголовном, уголовно-процессуальном праве и др. Таким образом, данная типология является если не устоявшейся догмой, то, по крайней мере, классической теорией [3, с. 76–78].

В современной белорусской юридической науке преобладает подход, в соответствии с которым правовая система белорусского государства как генетически, так и структурно-функционально относится к романо-германской правовой семье. В рамках этой семьи приоритетную роль в качестве источника действующего права играет прежде всего закон. При этом уместно заметить, что сам термин понимался и понимается на доктринальном и законодательском уровнях не только буквально, т. е. как акт, исходящий от представительного органа и обладающий высшей юридической силой, но и в более широком контексте, а именно как собирательный термин, которым обозначаются все нормативные правовые акты, издаваемые органами власти и управления.

Следующим тезисом исследования двух правовых систем будет являться такое утверждение: современное состояние общественных отношений требует от законодателя и правосудия оптимизации всех правовых институтов и процессуальных инструментов с целью повышения эффективности и оперативности защиты прав и законных интересов соответствующих субъектов. Судопроизводство должно быть удобным и для спорящих сторон, и для судей. Иначе говоря, необходимо стремление к созданию предпосылок для получения наилучших результатов в судебном процессе с минимальными затратами процессуальных сил и средств. Достижению этого может способствовать такая категория доказательственного права, как «раскрытие доказательств».

Широкое развитие данный институт получил в англосаксонской правовой системе. Метод раскрытия доказательств был развит уже к концу XVIII в. в судах справедливости. В настоящее время в английском гражданском процессе имеет место:

1) автоматическое раскрытие доказательств (оно отсутствует в некоторых категориях дел, например в делах по искам, вытекающим из причинения вреда здоровью);

2) раскрытие доказательств на основе специального указания суда.

Требование о раскрытии доказательств в целом направлено на устранение эффекта неожиданности для сторон в процессе рассмотрения дела, а также для предупреждения сокрытия относимых доказательств и введения стороны в заблуждение. Можно сказать, что это «дисциплинирующий» метод в процессе борьбы «партизанскими» способами.

Раскрытие доказательств складывается из двух этапов:

обмен перечнями относящихся к делу доказательств, которыми стороны владеют, имеют право распоряжаться либо которые хранят;

ознакомление с этими доказательствами [4, с. 120].

В Англии, в отличие от США, нет устного допроса свидетелей на досудебной стадии.

В американском и английском судопроизводстве действует система раскрытия доказательств, обладающая существенной спецификой.

Можно выделить несколько форм раскрытия доказательств в американском праве.

1. Устные показания, данные под присягой.
2. Письменные показания, данные под присягой.
3. Обмен списком вопросов.
4. Требования о предоставлении письменных и вещественных доказательств.
5. Исследование психического или физического состояния лица.
6. Требование о признании.

В целом вопросы доказательств, их относимости, допустимости, собирания и представления возникают и в английском, и в американском процессе на стадии подготовки дела к слушанию. Обращает на себя внимание субъектный состав собирания и представления доказательств – в основном это стороны и их представители, а также суд при необходимости вынесения властных велений.

Преимущества системы досудебного обмена доказательствами между сторонами очевидны. Стороны могут более точно оценить силу и слабость своей позиции по делу, что способствует заключению мирового

соглашения. Стороны ограждены от появления в процессе неизвестных доказательств, а следовательно, реже возникают основания для отложения слушания дела. Можно также избежать необходимости исследовать в суде доказательства, которые уже были признаны на подготовительной стадии. Досудебная конференция помогает устранить существующие разногласия при решении вопроса о допустимости доказательств, что также способствует ускорению судебного разбирательства. Таков институт раскрытия доказательств в странах англосаксонской правовой системы [5, с. 120–122].

В нашей стране, как известно, содержанием принципа состязательности в гражданском процессе (ст. 19 ГПК) является обязанность сторон доказывать те обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований и возражений. Процессуальное законодательство закрепляет не только права и обязанности сторон по представлению доказательств в подтверждение тех обстоятельств, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений, но и обязанность раскрывать данные доказательства перед другими участниками процесса (ст. 242, п. 2 ч. 1, п. 3 ч. 2 ст. 260¹, 261 ГПК). Данные правила направлены на оптимизацию судопроизводства, должны заставить участников процесса своевременно исполнять доказательственное бремя.

Сам термин «раскрытие доказательств» в нашем процессуальном праве нашел свое отражение в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (ХПК). Так, согласно части четвертой ст. 100 ХПК каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основании своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до завершения подготовки дела к судебному разбирательству или в пределах срока, установленного судом, рассматривающим экономические дела, если иное не установлено настоящим Кодексом.

Что же касается гражданского процессуального права Республики Беларусь, то раскрытие доказательств возможно также при подготовке дела к судебному разбирательству.

Так, в юридической литературе многократно высказывалось мнение о том, что подготовка гражданского дела является не просто совокупностью вспомогательных по отношению к судебному разбирательству действий суда, а самостоятельным институтом, представляющим собой совокупность взаимосвязанных норм гражданского процессуального права общего и конкретного характера, регулирующих процессуальные правоотношения судьи и сторон, других участников процесса на стадии подготовки дела к судебному разбирательству [6, с. 83].

В.П. Скобелев полагает, что указанным законом в отечественное гражданское судопроизводство фактически был введен институт раскрытия доказательств (в соответствии с предписаниями ст. 260¹ ГПК стороны на стадии подготовки дела должны передавать друг другу копии имеющихся у них доказательств), но позитивный эффект данной новеллы может быть сведен на нет ввиду отсутствия указания на ответственность той стороны, которая отказывается представить имеющиеся в ее распоряжении доказательства противной стороне или суду [7, с. 50]

Таким образом, необходимо рассмотреть вопрос о проведении некоторых унификаций норм ГПК по вопросу раскрытия доказательств.

Как пример, в гражданском процессе стороны свободны в представлении новых доказательств в суде как первой инстанции, так и кассационной. Например, в силу части шестой ст. 422 и части третьей ст. 423 ГПК суд кассационной инстанции оценивает имеющиеся в деле и дополнительно собранные доказательства, подтверждает указанные в обжалованном решении или устанавливает новые обстоятельства, имеющие значение для дела; при необходимости приступает к исследованию собранных в суде первой инстанции при подготовке дела письменных, вещественных доказательств по правилам производства в суде первой инстанции.

Таким образом, судебный прецедент как источник права, некоторые регуляторы доказательственного права, в частности «раскрытие доказательств» англосаксонской правовой системы, учитывает особенности конкретных общественных отношений. В этом заключается их очевидное преимущество перед статутным регулированием. Регулирование данного типа часто страдает одним существенным недостатком. Норма права в рамках романо-германской правовой семьи имеет общий характер и распространяется на типичные, часто встречающиеся, фактические ситуации. По этой причине она нередко превращается в абстрактную правовую декларацию. Соответственно, любой законодательный акт «обрастает» множеством подзаконных актов. В теоретическом плане обращение к прецедентному праву, нормам англосаксонской правовой системы, непредвзятый научный анализ их положительных сторон дают возможность по-новому взглянуть на механизм правового регулирования в нашей стране, в том числе и на доказательственное право.

Одной из таких имплементаций, однако не в чистом виде, может служить развитие такого института, как «раскрытие доказательств», что тождественно институту предварительной подготовки дела к судебному разбирательству. В связи с этим необходимо активное реформирование

норм о подготовке дела, ведь нельзя согласиться с тем, что эффективнее и целесообразнее принимать решение об использовании альтернативных способов урегулирования спора именно на стадии подготовки дела.

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2006. – 656 с.
2. Давид, Р. Основные правовые системы современности : пер. с фр. В.А. Туманова / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 400 с.
3. Малешин, Д.Я. Гражданский процесс России: романо-германский, англосаксонский, смешанный тип? / Д.Я. Малешин // Журн. рос. права. – 2010. – № 12 (168). – С. 73–86.
4. Решетникова, И.В. Доказательственное право Англии и США / И.В. Решетникова. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997. – 240 с.
5. Здрок, О.Н. Гражданский процесс зарубежных стран. Курс лекций : учеб. пособие / О.Н. Здрок. – Минск : БГУ, 2004. – 147 с.
6. Сташкевич, В.В. Развитие института подготовки дела к судебному разбирательству в законодательстве Республики Беларусь / В.В. Сташкевич // Вестн. БГУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2014. – № 3. – С. 81–84.
7. Скобелев, В.П. Гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь: еще раз о новеллах / В.П. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 12. – С. 46–50.

УДК 343.4

В.И. Каралёк, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Г.А. Павловец

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Слово «статус» в переводе с латинского (лат. status) означает положение, состояние чего-либо или кого-либо [1, с. 209]. В энциклопедической литературе понятие «статус» толкуется как правовое положение гражданина или юридического лица. Однако следует учитывать, что в общей теории права оперируют понятиями «правовой статус» и «правовое положение». Одни ученые их отождествляют [2, с. 29], другие – вкладывают в них особое содержание, рассматривая как самостоятельные, взаимосвязанные понятия [3, с. 133]. По мнению Н.В. Витрука, необходимо различать два самостоятельных понятия – правовое

положение (статус) личности в широком и узком смыслах, отражающих явления, реальную связь между которыми можно определить как отношение целого и частного. Ядро правового положения личности составляет система юридических прав, обязанностей и законных интересов личности в их единстве [4, с. 8]. Аналогичного подхода придерживается и профессор П.В. Мытник, который определяет правовой статус защитника как совокупность прав и обязанностей, что, с точки зрения автора, и является основными составными элементами рассматриваемого понятия [5, с. 177]. Однако стоит отметить, что определять правовой статус защитника только как права и обязанности не совсем верно, поскольку права и обязанности должны чем-то обеспечиваться, т. е. если это право, то должны быть гарантии его реализации, а если это обязанность, то ответственность за неисполнение.

Таким образом, предлагается под правовым статусом защитника понимать совокупность юридических прав и обязанностей, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве, гарантии их реализации, а также ответственность за их неисполнение, которые в совокупности направлены на защиту прав, законных интересов подозреваемого, обвиняемого. Сущность правового статуса защитника отражается в квалифицированной деятельности защитника на всех стадиях уголовного процесса, которая оказывает решающее влияние на эффективность защиты прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого). Деятельность защитника на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования также определяет не только дальнейший ход уголовного процесса, но и при определенных условиях может оказать существенное влияние для его прекращения в целом. Для того чтобы деятельность защитника была эффективной законодатель предусмотрел в ст. 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) ряд прав и обязанностей, при реализации которых доказывание всех обстоятельств по уголовному делу будет более эффективным и результативным. Не раскрывая полный перечень закрепленных за защитником прав, стоит отметить, что не все предоставленные полномочия могут быть эффективно реализованы в ходе выполнения функции защиты. Наиболее проблематичным из всех прав, которыми наделен защитник в уголовном процессе, является право, закрепленное в п. 9 ст. 48 УПК, а именно право представлять доказательства.

Для анализа указанного положения УПК необходимо определить, что такое доказательство, что такое доказывание, как процесс, и является ли защитник субъектом доказывания.

Так, согласно ч. 1 ст. 88 УПК «доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Из данного определения следует, что доказательствами являются фактические данные, которые должны быть получены в предусмотренном законом порядке, и, как следует из положений УПК, это осуществляется только посредством производства следственных действий. В ст. 192 УПК закреплены и те субъекты, которые уполномочены осуществлять следственные действия. К таковым законодатель относит следователя, прокурора, лицо, производящее дознание, и работника органа дознания. Защитника в данном перечне нет, следовательно, из буквального толкования данной нормы он не является субъектом, осуществляющим следственные действия.

Что касается доказывания как самостоятельного процесса, законодатель дает исчерпывающее определение в ч. 1 ст. 102 УПК: «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела».

Далее следует отметить, что субъекты доказывания традиционно подразделяют на две группы: лица, для которых доказывание является обязанностью, и лица, для которых доказывание является правом [6, с. 54]. К первой группе относятся прокурор, следователь, лицо, производящее дознание и орган дознания; ко второй – подозреваемый, обвиняемый, защитник законный представитель подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители.

Т.С. Дегтярь предлагает расширенную классификацию и под субъектами доказывания понимает все государственные органы, всех должностных лиц и граждан, наделенных процессуальными правами и обязанностями, позволяющими им на законных основаниях принимать участие в процессе доказывания. Исходя из объема и характера предоставленных им полномочий, она делит данных субъектов на несколько групп. К первой группе относит органы и лиц, обязанных по закону осуществлять процесс доказывания и принимать решения по его итогам (лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд). Вторая

группа – участники процесса доказывания, наделенные правом участия в нем и заинтересованные в его результатах: обвиняемый, его защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители. Свидетели, эксперты и специалисты относятся к третьей группе участников процесса доказывания, которые не заинтересованы в его ходе и исходе, но являются носителями доказательственной информации. К четвертой группе автор относит иных участников процесса доказывания (например, статистов) [7, с. 30–31].

Отвечая на вопрос, является ли защитник субъектом доказывания, следует обратиться к ряду правовых норм. Так, в ч. 1 ст. 103 УПК: «Собирание доказательств производится в процессе разрешения заявлений и сообщений о преступлении, ускоренного производства, дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем проведения допросов, очных ставок, предъявления для опознания, выемки, обысков, осмотров, следственных экспериментов, производства экспертиз и других процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом», т. е. посредством производства следственных и иных процессуальных действий. Для полной ясности следует отметить, что защитник среди перечня субъектов, наделенных УПК правом производства следственных действий, отсутствует. Конечно же, в данной статье, а именно в ч. 3 ст. 103 УПК, указан и защитник, который имеет право представлять доказательства и собирать сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им юридической помощи, однако про собирание доказательств не говорится. В поддержку данного мнения согласно Закону Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» (Закон) перечислены права адвоката, в том числе право самостоятельно собирать, закреплять и представлять сведения, касающиеся обстоятельств дела, запрашивать справки, характеристики и иные документы, необходимые в связи с оказанием юридической помощи, из государственных, частных, общественных и иных организаций и объединений, которые обязаны в установленном порядке выдавать эти документы или их копии [8]. В данном нормативном правовом акте опять же не указано про собирание защитником доказательств. Исходя из буквального толкования вышеуказанных норм права, следует отметить, что традиционное мнение является ошибочным и защитник не является субъектом доказывания в связи с тем, что согласно положениям УПК защитник не уполномочен собирать доказательства, а лишь предоставлять сведения с целью защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им юридической помощи. Опираясь на вышесказанное,

стоит предложить законодателю внести изменение в ч. 1 ст. 49 УПК и изложить его в следующей редакции: «собирать и предоставлять сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им квалифицированной юридической помощи». Необходимо также внести изменение в ч. 3 ст. 103 УПК и изложить ее следующим образом: «Защитник вправе собирать и предоставлять сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им юридической помощи, путем опроса физических лиц, а также запрашивать справки, характеристики и иные документы или их копии; запрашивать с согласия подозреваемого, обвиняемого мнения специалистов для разъяснения возникающих в связи с осуществлением защиты вопросов, требующих специальных знаний, с дальнейшим их приобщением к материалам и уголовному делу в качестве доказательств».

Немаловажным в правовом статусе защитника являются обязанности, регламентированные ч. 4 ст. 48 УПК, в которой предусмотрен перечень обязанностей. Он по своей сути является исчерпывающим. В соответствии с ч. 4 ст. 48 УПК на защитника возлагаются следующие обязанности: являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс, для защиты прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказания им юридической помощи; при невозможности явки – в течение 24 часов уведомить об этом орган уголовного преследования и суд; подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс; не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с оказанием им юридической помощи, а также данные предварительного расследования и закрытого судебного заседания.

Следует отметить, что обязанности защитника, в случае если он является адвокатом, закреплены в Законе, что в своей совокупности достаточно полно регулирует данный вопрос. В то же время, как представляется, не в полном объеме решен вопрос, если защитником выступает близкий родственник, поскольку положения Закона на него не распространяются. И в случае нарушения положений, предусмотренных ч. 3, 4 ст. 48 УПК, за исключением, если будут разглашены данные предварительного расследования и закрытого судебного заседания без разрешения органа, ведущего уголовный процесс, защитник, являющийся близким родственником, не будет нести никакой ответственности. В этой связи видится целесообразным ввести административную ответственность за неисполнение защитником, являющимся близким родственником, а также внести дополнение в ч. 4 ст. 48 УПК и изложить его следующим образом: «защитник за несоблюдение предусмотренной данной статьей

обязанности несет дисциплинарную, а в случае если защитник является близким родственником – административную ответственность согласно законодательству Республики Беларусь».

1. Большая Советская Энциклопедия. Т. 24 / гл. ред. А.М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М. : Сов. Энцикл., 1976. – 17 с.
2. Права личности в социалистическом обществе / отв. ред. В.И. Кудрявцев, М.С. Строгович. – М. : Юрид. лит., 1981. – 29 с.
3. Кучинский, В.А. Личность, свобода, право / В.А. Кучинский. – М. : Юрид. лит., 1978. – 133–134с.
4. Витрус, Н.В. Правовой статус личности в СССР / Н.В. Витрус. – М. : Юрид. лит., 1985. – 8 с.
5. Мытник, П.В. Судоустройство : учеб. пособие / П.В. Мытник ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2018. – 534 с.
6. Дегтярь, Т.С. Собрание и формирование доказательств в процессе расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.С. Дегтярь. – М., 2001. – 179 с.
7. Шагеева, Р.М. Проблемы применения принудительных мер медицинского характера / Р.М. Шагеева. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 200 с.
8. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.12.2017 г. № 7-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.4

В.Н. Ковчик, курсант уголовно-исполнительного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Г.А. Павловец

АНГЛОСАКСОНСКАЯ МОДЕЛЬ ДОКАЗЫВАНИЯ

Одно из латинских изречений гласит о том, что «доказательства по уголовным делам должны быть светлее света», поскольку за установленным процессуальным порядком стоит не только судьба человека, но и всего общества, ввиду того, что неправильное установление виновности ставит под угрозу безопасность общества и государства.

Исходя из положений концепций географического детерминизма, пропагандируемого Ш.Л. Монтескье, на становление государства оказывают существенное влияние географические, климатические усло-

вия, а также определяют специфику его исторического пути и формирования законодательства [1]. Некоторые мыслители считают, что именно эти особенности легли в основу деления государств мира на три правовые семьи: англосаксонскую, романо-германскую и мусульманскую [2, с. 155–161]. Именно государствами-членами данных правовых групп предложены концепции доказывания, которые представляют интерес для изучения и позволяют провести сравнительный анализ аналогичной системы в Республике Беларусь, а также в долгосрочной перспективе перенять наиболее прогрессивные элементы в национальный уголовный процесс. Особое внимание представляет анализ процесса доказывания в странах англосаксонской правовой модели.

Англосаксонская система доказывания посредством влияния общественных и политических причин на сегодня приобрела уникальный в своем роде облик. В первую очередь он характеризуется тем, что для уголовно-процессуального законодательства Англии характерно выделение учения о доказательствах в отдельную отрасль права. Его специфической чертой является сосредоточенность норм о доказывании в различных правовых актах, большую часть которых составляют судебные прецеденты, что, несомненно, обусловлено национальными особенностями системы общего права.

Ключевую роль в трактовке содержания доказывания состоит в связывании с деятельностью суда присяжных и свободной оценкой доказательств по внутреннему убеждению. Оно предусматривает возможность установления обстоятельств дела вне пределов доказывания, иначе именуемое как формальное признание факта.

Характеризуя уголовный процесс Англии и Уэльса, Джон Хэтчард наделяет его следующими чертами: расследование правонарушения является ответственностью полиции; Королевская прокурорская служба проводит независимую оценку доказательств по делу до начала преследования в судебном порядке; уголовное судопроизводство по своей природе представлено противоборством двух сторон, где судебное разбирательство проходит в форме проверки допустимых доказательств, представляемых суду обвинением и защитой по их усмотрению; после осуждения обвиняемого судом присяжных заседателей приговор определяется только судьей [3, с. 31].

Кроме того, имеет место апеллирование такой категорией, как известные факты, которая, по мнению английских юристов, находится в пределах судебской осведомленности. К известным фактам отнесены различные по своему характеру факты, как то, что верблюды являются

домашними животными (McQuaker V. Goddard, 1940), что движение на улицах Лондона очень оживленное (Dennis V. White and Co., 1916), что Великобритания в 1915 г. находилась в состоянии войны (Re a Petition of Right, 1915) [4, с. 78].

Особенностью английского права служит то, что, помимо общего содержания бремени доказывания вины подсудимого, обвинение также обязано доказать все элементы состава инкриминируемого преступления и опровергнуть все доводы защиты. В подтверждение вышесказанному служит дело Woolmington V. Director of Public Prosecutions (1935). Обвиняемый, которому было предъявлено обвинение в убийстве жены, утверждал, что убийство произошло в результате случайности. Судья, рассматривающий дело, ориентировал присяжных на то, что если корона доказала факт убийства обвиняемым своей жертвы, то уже на нем лежит бремя доказать факт провокации со стороны потерпевшей или случайность наступления смерти. Палата лордов аннулировала обвинение на основании того, что судья по вопросу бремени доказывания ввел присяжных в заблуждение [5, с. 91]

Специфичным по отношению к романо-германской модели является возложение бремени доказывания на защиту в ряде случаев:

1. Когда в целях защиты от обвинения ставится вопрос о невинности подсудимого.

2. В случае прямого указания в законе. Так, в ст. 6 Закона 1972 г. о дорожном движении предусматривается, что при обвинении лица в управлении автомашиной в состоянии алкогольного опьянения, когда содержание алкоголя в его крови превышало допустимый процент, лицо не должно быть осуждено, если докажет, что оно не управляло автомашиной в таком состоянии.

3. В случае, если обвиняемый предоставляет возражения по существу обвинения с выдвиганием новых обстоятельств [6].

Несмотря на принадлежность Англии и США к одной правовой семье, в действительности законодательные подходы к отражению сущности доказывания существенно разнятся. В подтверждение данному тезису стоит отметить, что в отличие от неписаных норм уголовно-процессуального характера в Англии и США разработан единый нормативно-правовой акт федерального значения, который именуется «Федеральные правила доказывания» [7]. Его содержание составляет регламентация целей, видов и средств доказывания, а также порядок сбора, проверки и оценки доказательств.

Требуемым внимания является иной взгляд на установление истины по делу. Так, подавляющее большинство американских юристов сходят-

ся во мнении, что судьи при рассмотрении уголовного дела ориентируются не на истину, а на вероятность, вынося решения либо по стандартам высокого уровня (исключающим все гипотезы, кроме гипотезы о виновности), либо сниженного уровня («перевеса доказательств»).

Относительно бремени доказывания правовой доктриной выработана следующая позиция: на обвинителе лежит обязанность доказывать виновность лица, которое он обвиняет в совершении преступления, и обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность и может отказаться от представления каких-либо доказательств. Но из этого правила имеются исключения. Так, если обвиняемый выдвигает в свою защиту какое-либо оправдывающее его обстоятельство, он должен это обстоятельство доказать.

Подводя итог, стоит отметить, что системы доказывания зарубежных стран значительно разнятся между собой, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки, отдельные отвечают условиям времени, а некоторые подлежат корректировке либо полному устранению из уголовного процесса.

Сравнивая романо-германскую и англосаксонскую системы доказывания, мы можем констатировать наличие ключевого отличия в построении правовой конструкции, которое служит фактором для существования различий в определении порядка производства процессуальных и иных действий, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств. Его суть состоит в преобладающей роли в уголовном процессе либо судебной практике (англосаксонская модель), либо действующего законодательства (романо-германская модель).

Необходимо подчеркнуть, что положения, используемые в странах англосаксонской модели, практически не имеют аналогов в уголовно-процессуальном законодательстве других стран и порождены в большей мере национальными особенностями англосаксонской системы правосудия. Так, например, в Республике Беларусь для проведения следственных действий должны быть не только фактические, но и юридические основания, т. е. вынесено постановление о проведении следственного действия, а в отдельных случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь, необходимо еще получить и санкцию прокурора. Кроме того, по факту проведения процессуального действия, в том числе и следственного, в обязательном порядке должен быть составлен протокол, в котором необходимо отражать факт и порядок проведения любого процессуального действия. Нужно отметить, что по уголовно-процессуальному законодательству белорусского государства ко всем процессуальным документам предъявляются достаточно строгие

формальные критерии и отступление от них приводит впоследствии к недопустимости полученных доказательств (например, должное лицо не указало дату или время проведения следственного действия; пропущена в одном месте одна из необходимых подписей участников следственного действия). Казалось бы такие формальные и незначительные недочеты могут привести к непоправимым последствиям, может быть вынесен оправдательный приговор или прекращено уголовное преследование в отношении лица, несмотря на то, что человек на самом деле совершал преступление. В англосаксонской системе такого порядка доказывания не существует, поскольку процесс построен таким образом, чтобы субъектами доказывания была достигнута главная цель – своевременное и эффективное раскрытие преступлений и обеспечение сотрудничества граждан с государственными органами в борьбе с преступностью и иными правонарушениями. Представляется, что такой порядок доказывания совершения преступления является более прогрессивным, поскольку должностные лица органов уголовного преследования в меньшей степени связаны с формализацией своей деятельности. В данном случае речь в большей степени идет о содержании, нежели о форме.

Примечательно, что англосаксонский подход состоит в выделении доказывания в самостоятельную отрасль права (law of evidence), которая содержит нормы о доказывании в уголовном, гражданском и других видах судебного процесса, в то время как в странах романо-германской правовой семьи оно представляет собой лишь процессуально-правовой институт.

Разнится позиция относительно субъектов доказывания. В частности, англосаксонская модель выстроена таким образом, что сбор, проверку и оценку доказательств осуществляют стороны, потенциально наделенные равными правами и возможностями. Защитник признается субъектом доказывания. Кроме того, фактически не существует единого уголовного дела, поскольку прокурор и адвокат формируют собственные доказательственные досье. Романо-германская модель предполагает, что субъектом доказывания могут быть только государственные органы и должностные лица. Защитник, как правило, не рассматривается в качестве субъекта доказывания, однако все большее число стран отказываются от данного положения.

Таким образом, в силу все более нарастающих глобализационных процессов существует очевидная тенденция к сближению этих моделей. Так, если в континентальной системе права, к которой относится уголовный процесс Республики Беларусь, возрастает нормотворческое значение судебной практики, то в странах общего права все большее развитие получает закон, трансформирующий суд из органа правотворческого в орган правоприменительного характера.

1. Учение Ш.Л. Монтескье о государстве и праве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://udik.com.ua/books/book-1827/chapter-74233>. – Дата доступа: 08.03.2019.

2. Егоров, А.В. Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения : монография / А.В. Егоров // Правоведение. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2014. – 207 с.

3. Хэтчард, Д. Аспекты уголовно-процессуального права в Англии и Уэльсе // Вестн. Саратов. гос. акад. права. – 1996. – № 3. – 156 с.

4. Головкин, Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Тр. юрид. фак. МГУ. Кн. 11. – М., 2009. – С. 260–265.

5. Борико, С.В. Уголовный процесс : учеб. для студентов юрид. специальностей вузов / С.В. Борико ; М-во образования Респ. Беларусь. – 3-е изд. – Минск : Амалфея, 2016. – 335 с.

6. Происхождение разумного сомнения [Электронный ресурс] / The Origins of Reasonable Doubt. Theological roots of the criminal trial. Yale University Press. New Haven. London. – Режим доступа: <https://yalebooks.yale.edu/book/9780300116007/origins-reasonable-doubt>. – Дата доступа: 15.04.2019.

7. Federal Rules of Evidence for United States Courts and Magistrates. Notre Dame. – Режим доступа: <https://scholarship.law.nd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1382&context=ndjlepp>. – Дата доступа: 19.04.2019.

УДК 343.985

С.В. Король, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Тукало*

**АКТУАЛЬНОСТЬ ЗНАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН К СОТРУДНИЧЕСТВУ
НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ
С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ.
УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА**

Эффективность деятельности правоохранительных органов, а в частности подразделений криминальной милиции, в борьбе с преступностью в большей степени достигается за счет высокой оперативной осведомленности, позволяющей противостоять преступным проявлениям в современном обществе.

Наиболее рациональным и часто используемым способом получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности в области борьбы с преступностью, является привлечение граждан к содействию органам внутренних дел на конфиденциальной основе.

В этой связи разработка и внедрение в практику новых методик обучения оперативных сотрудников эффективным способам установления психологического контакта, его закрепления и поддержания с лицами, обладающими оперативной информацией, становится все более актуальным в современных реалиях.

Привлечение к конфиденциальному содействию – комплекс организационно-тактических и психологических мероприятий по подбору, изучению и установлению конфиденциальных отношений с лицами, способными налаживать психологические контакты в криминальной среде, предоставлять оперативную информацию [1].

Сегодня привлечение граждан к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ОРД), не является чем-то необычным, хотя стоит признать, что о данной практике знает не каждый. Если в прошлом конфиденциальное сотрудничество граждан с оперативными подразделениями ОВД осуществлялось на основе закрытых ведомственных актов МВД, то сейчас право органов, осуществляющих ОРД, на привлечение граждан к такой форме содействия и право граждан на это официально закреплено на законодательном уровне.

Практика показывает, что для нормального развития отношений конфиденциального сотрудничества от оперативного работника требуется серьезная работа по нравственно-психологическому влиянию на конфиденнта [2, с. 70]. При этом отметим, что психологическая составляющая связывает оперативного сотрудника и конфиденнта на протяжении всего периода сотрудничества. Отсюда следует, что личностные качества оперативника имеют немаловажное значение в привлечении граждан к конфиденциальному сотрудничеству.

Доктор психологических наук В.В. Романов изучил, дополнил и развил теоретико-методологический подход для классификации деятельности сотрудников, осуществляющих ОРД. С помощью данного подхода В.В. Романов выделил следующие наиболее актуальные группы профессионально значимых психологических характеристик участников ОРД:

- развитые коммуникативные качества и умения;
- развитые волевые качества;
- внимание и наблюдательность;
- развитые интеллектуальные качества;
- высокая профессиональная мотивация и социальная адаптация.

С мнением автора согласен и считаю, что именно эта группа профессионально значимых психологических характеристик должна нахо-

диться на первой строчке данной классификации. Ведь можно говорить о том, что главной задачей оперативника является получение оперативно значимой информации, которая может помочь в решении задач ОРД. Для того чтобы ее получить, нужно уметь выстроить доверительные отношения с любой категорией граждан, которые могут обладать той или иной информацией, необходимой органу, осуществляющему ОРД. Без таких качеств оперативник не сможет плодотворно работать или же его работа не принесет достаточных результатов для решения задач ОРД. К таким качествам автор отнес:

- способность располагать к себе людей;
- способность вызывать у людей чувство доверия по отношению к себе и своей деятельности [3, с. 158];
- способность к быстрому установлению психологических контактов с лицами ранее неизвестными;
- способность к быстрой адаптации в конфликтной ситуации, умение урегулировать конфликт.

Писатель, бывший сотрудник зарубежных спецслужб, Лео Мартин в своей работе «Я тебя завербую!» писал, что его коллеги всегда удивлялись, как ему удается не просто склонять большое количество людей к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими ОРД, но и делать это успешно и эффективно. Сам Лео Мартин по этому поводу писал следующее: «Во время того как мои коллеги пытались убеждать при помощи рациональных аргументов и оперировать фактами, я концентрировался на том, чтобы как можно быстрее выйти на уровень связей и знакомств, установить личный контакт» [4, с. 11].

Важным шагом в этом направлении является адаптация существующих и подготовка новых методик, позволяющих определить критерии и выработать модель психологической пригодности к этому специфическому виду деятельности.

Следует сказать, что в нынешних реалиях на практике наиболее часто конфиденнтов привлекают на материальной основе (т. е. речь идет о материальной мотивации содействия), что не всегда положительно может отразиться на эффективности данной работы.

До сих пор среди ученых-теоретиков и практических работников оперативных подразделений остается актуальным и противоречивым вопрос о том, насколько эффективной является материальная мотивация для лиц, содействующих правоохранительным органам.

В покупке информации кроется большой риск. Когда орган, осуществляющий ОРД, платит своему источнику деньги, то надеется, что

последующая информация будет достоверной и своевременной. Но в действительности она все меньше будет соответствовать реальности. И в дальнейшем придется платить за специально подготовленные сказки, где каждый факт будет выглядеть вполне правдиво. Почему так происходит?

Необходимо заметить, что когда речь идет о противодействии наиболее совершенным формам преступности, залогом успеха работы оперативного подразделения в первую очередь является своевременно полученная достоверная информация, позволяющая в кратчайшие сроки провести необходимые мероприятия по предупреждению данных преступлений. К таким формам преступности будут относиться: организованная преступность, экстремистская и террористическая деятельность, т. е. те формы, которые представляют для мирового сообщества наибольшую опасность.

В названных случаях оперативно значимой информацией обладают в основном те лица, которые вовлечены в подготовку или непосредственное совершение преступлений, т. е. ее носителями являются сами преступники. Следовательно, очень важно уметь правильно оценить психологические особенности преступника, образ его мышления, систему жизненных, нравственных и моральных ценностей.

Здесь необходимо иметь в виду, что для профессиональных преступников основным источником дохода являются материальные средства, получаемые ими от совершения преступлений корыстной направленности. Доходы организованных преступных групп достаточно велики. Это ведет к тому, что члены преступных групп в материальном плане обеспечены лучше, чем сотрудники правоохранительных органов. В связи с этим возникает вопрос, сможет ли орган, осуществляющий ОРД, заинтересовать лицо, которое является участником одной из таких материально обеспеченных преступных организаций, в содействии на основе материальной выгоды, чтобы иметь возможность получить от него информацию, имеющую значение для решения задач ОРД?

Можно сказать, что в сложившейся в настоящее время экономической ситуации в нашей стране материальная мотивация содействия конфиденентов из числа членов организованных преступных групп едва ли может быть действенной и результативной. И даже если не брать в расчет лиц, содействующих правоохранительным органам, из высшей преступной касты, а рассматривать мотив содействия на материальной основе рядовых среднестатистических конфиденентов, также становится очевидным, что денежные средства не могут являться эффективным

средством мотивации, если рассчитывать на долгосрочную перспективу конфиденциального сотрудничества.

Знание тонкостей психологии в сфере установления контактов с различными категориями граждан, умение быстро реагировать в изменяющейся поминутно обстановке, навыки применения тех или иных заранее продуманных психологических ловушек являются важным аспектом для оперативного сотрудника любого подразделения. В процессе изучения ОРД обучающиеся изучают не только порядок проведения ОРМ (например, оперативного опроса, наблюдения, оперативного отождествления), но и психологические аспекты их проведения с целью наиболее эффективного использования методов ОРД. В этой связи считаем целесообразным курс «Оперативно-розыскная психология» преподавать на кафедре оперативно-розыскной деятельности факультета милиции, а не на кафедре «Психология и педагогика», как это происходит в настоящее время. Следует понимать, что подготовка оперативного сотрудника это не только подготовка специалиста с высшим образованием, но и подготовка специалиста, которому жизненно необходимо знание тонкостей психологии общения.

В связи с тем, что большой процент оперативных сотрудников, работающих в ОВД различных категорий по республике, пришли из непрофильных (гражданских) вузов, и соответственно, не имеют должной подготовки по привлечению лиц к сотрудничеству, на практике это приводит к следующим упущениям в работе с конфидентами:

используются достаточно простые и неэффективные методы установления психологического контакта;

привлекают к сотрудничеству лиц со слабыми оперативными позициями в криминальном мире;

неумение устанавливать контакт с гражданами приводит к тому, что данную работу оперативные сотрудники игнорируют, а свою беспомощность оправдывают тем, что «этот кандидат нам не по зубам, нам с ним не договориться».

В Академии МВД существуют специальные дисциплины, направленные на получение знаний в этой области. Но стоит заметить, что время, которое отводится на данные дисциплины, а также круг вопросов, обсуждаемых на них, необходимо увеличить.

Рассматриваемые на занятиях способы установления психологического контакта, психологические уловки стоит оттачивать на практике, на реальных людях, как и происходит в процессе обучения у наших коллег за рубежом, а также в Институте национальной безопасности Республики Беларусь.

Отдельно стоит уделить внимание разбору возможных мотивов конфиденентов, способам их выявления и правильного использования в целях наиболее эффективного сотрудничества.

Кроме учебника «Оперативно-розыскная психология» к обязательному изучению в рамках факультативных занятий следует отнести ряд другой литературы, иногда художественного содержания, так как часто нюансы данной работы раскрываются в ней более полно и на примерах конкретных ситуаций.

В связи с этим считаю целесообразным совместными усилиями кафедр ОРД, ТСП и кафедры «Психология и педагогика» в перспективе разработать курс обучения как курсантов, так и сотрудников, проходящих переподготовку в Академии МВД, в котором будет проанализирован вопрос и освещена проблема привлечения лиц к конфиденциальному сотрудничеству органам, осуществляющим ОРД.

Несомненно, это путь к получению оперативно значимой информации, которая не только поможет раскрыть уже совершенные преступления, но и спасет множество невинных жизней.

К слову придется и всем известное выражение Натана Ротшильда «Кто владеет информацией – тот владеет миром», и насколько важна своевременная и достоверная информация при предотвращении преступных проявлений, административных правонарушений показывает реальность.

Полагаем, что вопросы, связанные с совершенствованием деятельности по привлечению лиц к сотрудничеству на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими ОРД, должны быть подвергнуты всестороннему и комплексному изучению с целью выработки положений, которые можно было бы применить на практике.

1. Понятие, сущность, назначение и задачи конфиденциального сотрудничества граждан с субъектами оперативно-розыскной деятельности, его правовые, психологические и этические основы // Оперативно-розыскная деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.ru/1368934/ponyatie_suschnost_nazanachenie_zadachi_konfidentsialnogo_sotrudnichestva_grazhdan_subektami_pravovoye. – Дата доступа: 15.06.2019.

2. Психология оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / В.М. Шевченко [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 255 с.

3. Аврутин, Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти России: теория, история, перспектива / Ю.Е. Аврутин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 501 с.

4. Александров, С.Г. Борьба с преступностью как принцип деятельности полиции / С.Г. Александров // Ист. государства и права. – 2004. – № 5. – С. 21–23.

Е.А. Костюков, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Р.А. Серета*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЛИЦ, ИЩУЩИХ ЗАЩИТУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Проблема вынужденных мигрантов в современном мире не утрачивает своей актуальности. В эпоху нарастания глобализационных процессов Республика Беларусь не может оставаться в стороне от консолидации государств по разрешению миграционного кризиса. В связи с этим наше государство приняло на себя целый ряд международных обязательств по реализации стандартов в области правового статуса вынужденных мигрантов, а также продолжает тенденцию по развитию миграционных возможностей Республики Беларусь путем расширения географии охвата политики безвизового режима.

Вместе с тем возрастает острота проблемы практической реализации прав и свобод лиц, ищущих убежище, что и обуславливает актуальность нашего исследования. Как отмечается Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев, данная категория лиц обладает правами, которые должны соблюдаться и до того, как они обращаются с просьбой о предоставлении убежища, и в период рассмотрения их просьб, и после их удовлетворения. Уважение прав человека – необходимое условие как предотвращения сегодняшних потоков беженцев, так и решения связанных с ними проблем. По словам бывшего Верховного комиссара ООН по делам беженцев Садако Огаты, «отношение к проблеме беженцев должно стать проверкой приверженности всех правительств и народов делу защиты прав человека» [5]. При этом К.Д. Сазон и В.И. Червонюк справедливо отмечают, что отношения, возникающие в сфере правового положения лиц, которым предоставлен статус беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты, является самостоятельным объектом конституционно-правового регулирования [6, с. 46; 8, с. 8–9].

Следует отметить, что в Республике Беларусь существует развитая система законодательства, регламентирующего статус рассматриваемой категории лиц. В первую очередь стоит упомянуть ст. 12 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой наша страна может предоставлять право убежища лицам, преследуемым в других государствах за политические, религиозные убеждения или национальную принадле-

лежность. При этом для таких лиц, исходя из ст. 11 Конституции, устанавливается режим наибольшего благоприятствования, при котором они пользуются правами и свободами наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами.

К иным нормативным актам, регулирующим статус лиц рассматриваемой категории, можно отнести Законы «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» (Закон «Об иностранцах») [3], «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь» (Закон «О беженцах») [4], постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 апреля 2009 г. № 461 «Вопросы предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь» [1]; постановление от 14 апреля 2009 г. № 662 «О порядке предоставления денежной помощи, оказываемой иностранным гражданам и лицам без гражданства, ходатайствующим о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь, и иностранным гражданам и лицам без гражданства, которым предоставлен статус беженца в Республике Беларусь» [2], а также ряд иных нормативных правовых актов.

Все указанные документы используют деление лиц, ищущих убежище, на четыре категории: лица, которым предоставлен статус беженца (беженцы); лица, которым предоставлена дополнительная защита; лица, которым предоставлена временная защита; лица, которым предоставлено убежище. Не вдаваясь в особенности условий и порядка предоставления указанных статусов, остановимся на характеристике объема предоставляемых данным лицам прав и свобод.

В первую очередь необходимо отметить, что, исходя из вышеуказанных конституционных положений, все иностранцы, находящиеся на территории Республики Беларусь, в том числе и вынужденные мигранты, обладают всем объемом личных прав. К ним относятся: право на жизнь, защиту от пыток и плохого обращения, право на гражданство, право на свободу передвижения, право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну, и право не подвергаться принудительному возвращению. На сегодня данные права относятся к универсальным стандартам и являются общепризнанными. При этом данная категория прав, как правило, не требует особых экономических либо организационных усилий со стороны государства, так как реализуются путем невмешательства в них.

Реализация социально-экономических прав (право на образование, право на охрану здоровья и бесплатное лечение, право на социальное обеспечение и др.) связана с наибольшей нагрузкой на органы государственной власти и бюджет страны, в связи с чем практически в каждом государстве существует дифференцированный подход к субъектам наделяния данными правами.

В отношении беженцев белорусское законодательство устанавливает следующий перечень социально-экономических прав:

право на постоянное или временное проживание в Республике Беларусь;

право на проживание в местах временного поселения либо самостоятельное поселение в семье гражданина Республики Беларусь;

право на образование и медицинское обслуживание наравне с гражданами Республики Беларусь;

право на получение денежной помощи;

право на воссоединение семьи;

право на пользование иными правами наравне с иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь.

В свою очередь лица, которым предоставлена дополнительная защита, обладают такими правами, как:

право на временное проживание в Республике Беларусь;

право на проживание в местах временного поселения либо самостоятельное поселение в семье гражданина Республики Беларусь;

право на трудоустройство и медицинское обслуживание наравне с иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь;

право на воссоединение семьи;

право на пользование иными правами наравне с иностранцами, временно проживающими в Республике Беларусь.

Лица, пользующиеся статусом временной защиты, пользуются такими правами, как:

право на бесплатную скорую медицинскую помощь;

размещение в местах поселения либо проживание в специальных жилых помещениях и передвижение в порядке, определенном Советом Министров Республики Беларусь;

право на пользование иными правами наравне с иностранцами, временно проживающими в Республике Беларусь.

Таким образом, беженцы наделены наибольшим объемом прав и свобод, что обусловлено, в первую очередь, международными обязательствами Республики Беларусь по реализации положений Конвенции «О беженцах» 1951 г.

Однако полагаем, что наличие данного комплекса прав является недостаточным для дальнейшей реализации правового статуса полноценного субъекта социального государства. По нашему мнению, особо актуальной остается проблема трудоустройства беженцев, активно переселяющихся в Европу. При этом важнейшей и в то же время труднодостижимой задачей как для конкретного государства, так и для мирового сообщества в целом является благополучная социализация и адаптация беженцев.

Попадая в новую страну проживания, беженцы обременяют себя поиском жилья, источников улучшения своего экономического состояния в целях обеспечения достойного существования себя и своей семьи. Однако для осуществления данных целей им необходимо получение стабильного и легального дохода. Наиболее достойный способ его получения – трудовая деятельность беженцев в стране пребывания.

При этом одним из основных механизмов защиты государства от неконтролируемого потока беженцев и формирования иждивенческой модели их поведения является адекватный уровень пособий и спектр предоставляемых социальных благ. Это является надежным стимулом, побуждающим переселенцев заниматься трудовой деятельностью, тем самым делая вклад в развитие государства и улучшая свое положение в обществе.

Анализируя права беженцев и лиц, которым предоставлено убежище, видим, что право на трудоустройство не закреплено как самостоятельное право, а охватывается категорией «иные права». По нашему мнению, право на труд – наиболее важное социально-экономическое право и требует закрепления в виде самостоятельного права в рассматриваемой статье. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо дополнить ст. 20 и 26 Закона «О беженцах» соответствующими частями:

трудоустройство наравне с иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь, в соответствии со своими знаниями, умениями и способностями.

Считаем также, что требует пересмотра срок, в течение которого иностранец, ищущий защиту в Республике Беларусь, обязан стать на учет в подразделении по гражданству и миграции. Существующий срок в пять рабочих дней, по нашему мнению, является недостаточным по ряду причин. Как было отмечено выше, белорусское законодательство предусматривает два варианта проживания иностранцев: в местах, предоставляемых государством, или в местах, которые иностранец в состоянии самостоятельно найти за собственные средства.

Полагаем, что для общества и государства более приемлемым является второй вариант. Так, в данном случае, во-первых, более полно реализуется право на свободу передвижения и выбор места жительства,

а во-вторых, обеспечивается более равномерное расселение данных лиц по территории Республики Беларусь. Вместе с тем существующий срок для постановки на учет в пять дней не всегда позволяет лицу, ищущему убежище, принять обдуманное решение и реализовать свое право на самостоятельное поселение на территории Республики Беларусь. В современных условиях найти подходящее жилье за пять дней не всегда представляется возможным, что вынуждает беженцев становиться на учет в местах, предоставляемых для проживания государством, что, в свою очередь, может сдерживать их дальнейшую инициативу по самостоятельному поиску жилья.

В связи с этим полагаем целесообразным увеличить рассматриваемый срок постановки на учет до 10 рабочих дней, что позволит лицам, ищущим защиту в Республике Беларусь, активнее реализовать свое право на самостоятельное проживание на территории Республики Беларусь, что послужит одним из условий их благополучной социализации.

Указанной позиции также придерживается белорусский ученый А.И. Федорако. Проанализировав итоги реализации международных соглашений (с Казахстаном, Латвией, Литвой, Российской Федерацией, Украиной), освободивших иностранцев от регистрации на значительные сроки (от 30 до 90 суток), он отмечает, что увеличение сроков пребывания иностранцев без регистрации не сказалось на криминогенной обстановке в Республике Беларусь [7].

Так, видим, что права и обязанности лиц, ищущих защиту в Республике Беларусь, регламентируются как на международном, так и на национальном уровнях. Причем белорусское законодательство достаточно полно регламентирует права всех категорий рассматриваемых лиц, обеспечивая создание оптимальных условий пребывания, медицинского обслуживания, занятия трудовой деятельностью, осуществления иных прав для иностранных граждан с учетом их статусной дифференциации.

Вместе с тем не стоит забывать, что обеспечивая достойные условия проживания беженцев в стране, государство обязано первоначально защищать права и интересы своих граждан, а затем, по мере сглаживания внутренних социальных противоречий, предоставлять беженцам все более достойные условия. В этих целях особое внимание необходимо уделять вопросам социализации рассматриваемых лиц, для обеспечения которой нужна более полная реализация таких социально-экономических прав, как право на труд и право на свободу передвижения и выбор места жительства.

1. Вопросы предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в

Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 апр. 2009 г., № 461 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. О порядке предоставления денежной помощи, оказываемой иностранным гражданам и лицам без гражданства, ходатайствующим о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь, и иностранным гражданам, и лицам без гражданства, которым предоставлен статус беженца в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 апр. 2009 г., № 662 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 1993 г., № 105-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 354-3 : в ред. от 20.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Права человека и беженцы [Электронный ресурс] : сайт Управления Верховного комиссара по правам человека ООН. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet20ru.pdf> 28. – Дата доступа: 15.05.2019.

6. Сазон, К.Д. Убежище в конституционном измерении : монография / К.Д. Сазон. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 188 с.

7. Федорако, А.И. Регистрация в Республике Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства [Электронный ресурс] / А.И. Федорако // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2017. – № 1/2. – С. 22–26.

8. Червонюк, В.И. Конституционное право России : учеб. пособие / В.И. Червонюк. – М. : Инфра-М, 2003. – 432 с.

УДК 351.74

Е.В. Костючук, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.И. Левшук*

РОЛЬ И МЕСТО ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Реализация правоохранительной функции белорусского государства обусловлена функционированием правоохранительных органов и деятельностью их сотрудников. Органы внутренних дел – один из основных элементов правоохранительной системы государства, и это обусловле-

но тем, что на них возложено решение всего комплекса оперативно-служебных задач, связанных с охраной общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

В Законе Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» от 17 июля 2007 г. № 263-З сформулировано понятие «органы внутренних дел», которое отражает основные признаки, характеризующие и определяющие место и роль органов внутренних дел в обществе и государстве. Согласно ст. 1 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» органы внутренних дел являются государственными правоохранительными органами, осуществляющими борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающими общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них [1].

Особенностью структурного построения органов внутренних дел Республики Беларусь является то, что их систему законодатель рассматривает через две составляющие: организационную и функциональную. Так, в организационном отношении, систему органов внутренних дел образуют: Министерство внутренних дел (центральный аппарат); территориальные органы внутренних дел – главное управление внутренних дел Минского городского исполнительного комитета и управления внутренних дел областных исполнительных комитетов, управления, отделы внутренних дел городских, районных исполнительных комитетов (местных администраций), органы внутренних дел на транспорте; учреждения образования и организации здравоохранения, созданные для обеспечения выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел.

Функционально систему органов внутренних дел образуют: милиция, подразделения по гражданству и миграции, подразделения охраны, подразделения финансов и тыла, органы и учреждения уголовно-исполнительной системы.

Говоря о системе, необходимо исходить из смыслового значения данного термина. Система представляет собой определенное множество взаимосвязанных элементов, образующее единство и целостность, обладающее интегративными свойствами и закономерностями. Системе присуще целеполагание, придающее ей организованную целостность, структурность, функциональность, необходимую согласованность, координацию, субординацию, целеустремленность, рациональность и эффективность, как результат взаимосвязи и взаимодействия элементов системы [2, с. 63]. При выполнении своих функций система органов внутренних дел и ее звенья (элементы) вступают в управленческие и иные отношения: внутрисистемные и внешние, т. е. внесистемные с различными государственными органами, общественными организациями,

коллективами и отдельными гражданами [3]. Анализируя такой признак системы, как функциональность применительно к правоохранительной системе, Ю.Е. Аврутин и И.Н. Зубов указывают, что правоохранительная система включает в себя три субстанции:

- а) цели и объекты правоохраны;
- б) субъекты правоохраны;
- в) правоохранительную деятельность [4, с. 11].

Каждая из ее подсистем, в том числе и органов внутренних дел, имеет в качестве элементов: *нормативную составляющую* (правовые предписания, регламентирующие правоохранительную деятельность); *субъектную составляющую* (государственные правоохранительные органы и негосударственные субъекты, принимающие участие в правоохранительной деятельности); *функциональную составляющую* (объекты правоохранительной деятельности, взаимосвязи и взаимодействия, обеспечивающие действенность правоохранительной системы, а также отношения, возникающие в процессе правоохранительной деятельности, в ходе практического воплощения правовых предписаний и реализации целей правоохранительной системы) [5, 6].

Деятельности органов внутренних дел свойственны определенные функции, под которыми понимаются ее направления. Каждая функция характеризуется обособленностью и однородностью, направленностью действия. Функции обусловлены объективными факторами, потребностями практики. Содержание каждой из них диктуется спецификой объекта деятельности [7].

Из содержания ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» вытекает, что основными функциями органов внутренних дел являются: борьба с преступностью, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Рассмотрим более подробно структуру каждого подразделения органов внутренних дел и закрепленные за ними правоохранительные функции.

Милиция функционально входит в систему органов внутренних дел. Она представляет собой систему подразделений органов внутренних дел, призванную защищать жизнь, здоровье, честь, достоинство, права, свободы и законные интересы граждан, права и законные интересы организаций, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств.

Милиция состоит:

- из криминальной милиции;
- милиции общественной безопасности;
- иных подразделений, создаваемых для выполнения задач милиции по решению Министра внутренних дел, если иное не определено Пре-

зидентом Республики Беларусь, о чем говорится в ст. 14 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь».

В состав криминальной милиции входят подразделения:

- уголовного розыска;
- по борьбе с экономическими преступлениями;
- по наркоконтролю и противодействию торговле людьми;
- по борьбе с коррупцией и организованной преступностью;
- другие подразделения, необходимые для осуществления деятельности криминальной милиции.

По решению Министра внутренних дел могут создаваться также межтерриториальные подразделения криминальной милиции (кроме специальных подразделений по борьбе с коррупцией и организованной преступностью, создаваемых в порядке, определяемом Президентом Республики Беларусь).

Задачами подразделений криминальной милиции являются:

- 1) профилактика, выявление, пресечение преступлений;
- 2) розыск лиц, совершивших преступления;
- 3) розыск лиц, скрывающихся от органов, ведущих уголовный процесс, лиц, уклоняющихся от отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, без вести пропавших и других лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь;
- 4) идентификация неопознанных трупов.

От других служб органов внутренних дел подразделения криминальной милиции отличаются тем, что их деятельность в основном направлена на выявление и раскрытие преступлений, а также на пресечение преступной деятельности.

В состав милиции общественной безопасности входят:

- отдел охраны правопорядка и профилактики;
- оперативно-дежурная служба;
- инспекция по делам несовершеннолетних;
- строевые подразделения (ППСМ, ОМОН);
- государственная автомобильная инспекция;
- дорожно-патрульная служба;
- подразделения, предназначенные для содержания лиц, совершивших преступления, административные правонарушения (ИВС, специализированные изоляторы, центры изоляции правонарушителей, приемник-распределитель для несовершеннолетних);
- другие подразделения, необходимые для осуществления деятельности милиции общественной безопасности.

Задачами подразделений милиции общественной безопасности являются:

- 1) обеспечение личной и имущественной безопасности граждан;
- 2) охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;
- 3) профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений;
- 4) организация исполнения и отбывания наказаний в виде общественных работ, исправительных работ, ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, кроме предусмотренных законом случаев, когда исполнение данного вида наказания осуществляется учреждениями уголовно-исполнительной системы, исполнения иных мер уголовной ответственности;
- 5) участие в пределах компетенции в осуществлении розыска лиц, совершивших преступления, лиц, уклоняющихся от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, или иных мер уголовной ответственности, а также других лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь;
- 6) установление лиц, подлежащих привлечению к административной ответственности, в соответствии с компетенцией органов внутренних дел;
- 7) обеспечение содержания лиц под стражей в изоляторах временно содержания органов внутренних дел.

Реализация правоохранительной функции подразделениями охраны осуществляется посредством выполнения возложенных на них следующих задач: охрана определенных законодательством объектов и физических лиц, а также охрана общественного порядка на охраняемых объектах, в зонах постов и маршрутов патрулирования; сопровождение товаров и транспортных средств; предупреждение и пресечение правонарушений на охраняемых объектах; лицензирование охранной деятельности и др.

В свою очередь подразделения по гражданству и миграции противодействуют нарушениям законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства; принимают меры по трудоустройству граждан за границей; контролируют миграционные процессы на территории Республики Беларусь.

Органы и учреждения уголовно-исполнительной системы создают условия для отбывания наказаний и иных мер уголовной ответственности; принимают меры по защите законных прав и интересов осужденных, социальной адаптации последних.

Значимость органов внутренних дел в реализации правоохранительной функции рассмотрим на примере анализа результатов практической деятельности службы участковых инспекторов милиции Кобринского РОВД. Таким образом, за 2018 г. участковыми инспекторами милиции была проделана определенная работа по профилактике, предупреждению и раскрытию преступлений. Всего раскрыто 125 преступлений из 478 зарегистрированных в Кобринском РОВД, из них по линии уголовного розыска – 47 уголовно наказуемых деяний (в 2017 г. – 45).

Что касается предупреждения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений и профилактики пьянства и алкоголизма, то за прошедший год в сфере семейно-бытовых отношений зарегистрировано 1 тяжкое преступление по ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь (в 2017 г. – 5). Возбуждено 17 (в 2017 г. – 14) превентивных дел по ст. 153, 186, 154 Уголовного кодекса Республики Беларусь. С целью предупреждения и профилактики пьянства участковыми инспекторами милиции выявлено 86 (в 2017 г. – 96) административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции.

Что касается деятельности участковых инспекторов милиции по изоляции граждан в лечебно-трудовые профилактории, то судом Кобринского района принято решение об изоляции 68 лиц, страдающих алкоголизмом (в 2017 г. – 68), при этом изолировано 58 (в 2017 г. – 38).

Если говорить о работе по заявлениям граждан, то в 2018 г. участковыми инспекторами милиции разрешено 5 038 заявлений и сообщений граждан и юридических лиц (в 2017 г. – 5 127). Всего участковыми инспекторами милиции выявлено 3 803 (в 2017 г. – 3 500) административных правонарушений. Нагрузка на одного участкового инспектора милиции в среднем составила 125 протоколов (в 2017 г. – 120), а по Брестской области – 150 протоколов на каждого. Таким образом, по итогам календарного года (2018 г.) участковые инспектора милиции ООПП Кобринского РОВД по привлечению граждан к административной ответственности занимают 15 место из 20.

Одним из важных направлений деятельности участковых инспекторов милиции является профилактика рецидивной преступности. С этой целью устанавливается превентивный надзор за определенной категорией граждан. В 2018 г. по инициативе Кобринского РОВД установлено 16 превентивных надзоров (в 2017 г. – 21). К административной ответственности по ст. 24.12 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь привлечено 64 поднадзорных (в 2017 г. – 122).

Следует отметить также работу участковых инспекторов милиции по вынесению предупреждений и решений о постановке на профилактиче-

ские учеты, объявление защитных предписаний и работу с пожилыми гражданами. Так, еженедельно каждый участковый инспектор милиции должен отчитываться перед старшим инспектором по профилактике о проверке одиноко проживающих граждан по месту их жительства путем сдачи ведомости, в которой указываются данные проверенного гражданина и его личная подпись.

В соответствии с этим следует констатировать, что органы внутренних дел имеют первостепенное значение с точки зрения реализации правоохранительной функции государства, поскольку именно сотрудники органов внутренних дел в таком значительном объеме по сравнению с другими сотрудниками правоохранительных органов занимаются охраной действующих в государстве правовых норм и привлечением к ответственности нарушителей указанных норм. При этом с целью выполнения стоящих перед ними задач они вступают в управленческие и иные отношения (внутренние и внешние) с различными государственными органами, общественными объединениями и отдельными гражданами. Эти отношения могут быть отношениями власти, подчинения, сотрудничества, координации и согласования.

1. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Серебрякова, И.М. Правовые и организационные проблемы деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь : монография / И.М. Серебрякова. – Минск : Акад. МВД, 2007. – 244 с.

3. Огородников, В.И. Система органов внутренних дел на транспорте на современном этапе / В.И. Огородников // Закон и право. – Минск, 2017. – № 12. – С. 130–132.

4. Аврутин, Ю.Е. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития) : учебник / Ю.Е. Аврутин, И.Н. Зубов. – СПб., 1998. – 324 с.

5. Нижник, Н.С. Правоохранительная система государства: дифференциация структурно-функциональных элементов [Электронный ресурс] : доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Информационно-справочные материалы о результатах служебной деятельности Министерства внутренних дел за 2018 год / М-во внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – 38 с.

7. Гусак, В.А. К вопросу о классификации функций советской милиции в военный период (1941–1945 гг.) [Электронный ресурс] : доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.985

В.П. Кулаковский, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Н. Лахтиков*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ГРАБЕЖАМ И РАЗБОЯМ

На данный момент наиболее опасными преступлениями против собственности следует считать грабежи и разбои. Высокий уровень общественной опасности указывает на то, что данные деяния становятся серьезной угрозой для общества. Согласно ч. 1 ст. 207 Уголовного кодекса Республики Беларусь под разбоем понимается применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия с целью непосредственного завладения имуществом. Уровень общественной опасности разбоя высокий, его повышенная опасность состоит в том, что это сложное по своей законодательной конструкции преступление совмещает в себе посягательство не только на собственность, но и на саму личность человека, подвергнувшегося нападению и насилию, представляющему опасность для жизни и здоровья.

Согласно ч. 1 ст. 206 Уголовного кодекса Республики Беларусь под грабежом понимается открытое похищение имущества. Исходя из определения, грабеж является одной из опасных форм хищения, так как осуществляется в открытой форме, что характеризует преступника как опасную личность, способную переступить грань между угрозой применения насилия и непосредственным применением насилия к потерпевшему, что может привести к причинению тяжких телесных повреждений либо смерти пострадавшего. Нельзя забывать также про латентность данных видов преступления.

Серьезную опасность представляют групповые грабежи и разбойные нападения, так как при их совершении преступник способен переступить грань между угрозой применения насилия и непосредственным применением насилия к потерпевшему, что может привести к причинению тяжких телесных повреждений либо смерти пострадавшего. Эти преступления вызывают большой общественный резонанс, а их несвоевременное раскрытие формирует негативное общественное мнение о деятельности органов внутренних дел.

Изучение статистических данных свидетельствует о том, что с 2014 г. наметилась тенденция к уменьшению количества регистрируемых грабежей и разбоев и в целом к снижению общего количества наиболее

опасных форм преступности. Снизилось число поступивших в ОВД заявлений и сообщений о преступлениях; общее количество зарегистрированных преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких; общее количество зарегистрированных преступлений по линии уголовного розыска, включая преступления особо тяжкой категории; количество учтенных фактов умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, в том числе повлекших смерть потерпевшего; изнасилований с покушениями; всех видов краж и угонов транспортных средств; вымогательств [1, с. 260]. Так, в 2014 г. грабежей зарегистрировано 2 171, разбоев – 289, а в первом полугодии 2018 г. грабежей – 1 137, разбоев – 97. По уголовным делам, расследование по которым окончено, в январе – сентябре 2018 г. выявлено 34,6 тыс. лиц, совершивших преступления (на 3,8 % меньше, чем в январе–сентябре 2017 г.) [2].

Несмотря на увеличение раскрываемости данных преступлений, имеются проблемные моменты, а именно: несовершенство кадрового обеспечения; низкий уровень взаимодействия между различными правоохранительными органами, в том числе следует обратить внимание на проблему планирования совместной работы следователей и сотрудников оперативных подразделений; не в полной мере использованы аналитические технологии. Таким образом, необходимо осмыслить, проанализировать проблемные моменты и принять меры к их решению.

Сделав анализ статистики, стоит отметить большой вклад органов внутренних дел по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, оперативных подразделений криминальной милиции в результаты работы. Принятые меры сотрудниками органов внутренних дел позволили не допустить осложнения обстановки в стране и обеспечить охрану правопорядка и надлежащий уровень общественной безопасности.

Таким образом, наметилась тенденция к уменьшению количества регистрируемых грабежей и разбоев и в целом к снижению общего количества наиболее опасных форм преступности. Положительное влияние на увеличение раскрываемости грабежей, разбоев оказала правовая основа взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с другими подразделениями правоохранительных органов. Порядок взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с другими подразделениями правоохранительных органов регулируется обширным количеством нормативных правовых актов. К таким относятся Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» и Закон от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (с изменениями от 19 июля

2016 г. № 408-З). В данных законах указан широкий круг субъектов, с которыми взаимодействуют органы внутренних дел, закреплены некоторые виды взаимодействия субъектов: участие в оперативно-розыскных мероприятиях; предоставление сведений, документов, помещений, транспортных средств, средств связи, информирование других органов и т. п. Можно отнести также и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, и Уголовный кодекс Республики Беларусь.

При этом оперативно-розыскные возможности противодействия грабежам и разбоям не всегда в полной мере реализуются.

Во-первых, это обусловлено низким уровнем взаимодействия между различными правоохранительными органами, в том числе проблема планирования совместной работы следователей и сотрудников оперативных подразделений. Аргументировано это тем, что в правоохранительной деятельности низкий уровень координации, согласованности между различными органами. Задачи, стоящие перед правоохранительными органами, объективно нуждаются в координации их деятельности. Правоохранительные органы должны осуществлять свою деятельность не только в области выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, но и устанавливать условия и причины их появления.

Недостаточное взаимодействие органов дознания со Следственным комитетом привело к тому, что следователь на первоначальном этапе расследования не в полной мере знакомится со сведениями, полученными оперативным путем [3, с. 243]. У следователя нет возможности ознакомиться со способами и источниками получения оперативно-розыскной информации, поэтому он не может дать полную оценку доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Ознакомление следователя с результатами, полученными в ходе оперативно-розыскной деятельности является целесообразным, так как позволяет осуществить многофакторный, всесторонний анализ имеющихся оперативных материалов для выработки наиболее оптимального плана следственных действий. При этом должен соблюдаться принцип конспирации [4, с. 188].

Подготовка совместных планов расследования уголовных дел вносит положительный эффект в повышение уровня раскрытия грабежей, разбоев. Но часто орган дознания не участвует в его составлении, «следователь самостоятельно намечает необходимые мероприятия, не привлекая к этому сотрудников органов дознания» [5, с. 249].

Во-вторых, недостаточным теоретическим осмыслением проблем, связанных с раскрытием грабежей и разбоев, а также тактики и методики их предупреждения с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов. Обусловлена циркулированием многоуровневой раз-

ноплановой информации криминального характера, отсутствием широкого внедрения современных подходов принятия и реализации тактических решений, несоответствием содержания фактической деятельности отдельных структур заявленной технологической и функциональной нагрузке [6, с. 94].

Необходимо вовремя анализировать оперативную и иную информацию, накапливаемую различными оперативными подразделениями ОВД, для установления на основе разрозненных данных взаимосвязей между интересующими ОВД лицами и фактами, представляющими оперативный интерес, получения качественно новой информации об интересующих оперативные подразделения событиях.

Для того чтобы привести оперативно-розыскную характеристику грабежей и разбоев; разработать алгоритм организационно-тактических действий сотрудников оперативных подразделений на первоначальном этапе раскрытия; установить проблемные вопросы взаимодействия следователя с органами дознания, а также проблемные моменты повышения эффективности работы в раскрытии грабежей, разбоев, необходимо сначала определить сущность понятия «раскрытие преступления».

Дефиниция «раскрытие преступления» на законодательном уровне не закреплена, но широко применяется данное понятие в практической деятельности. Ученые также не могут прийти к однозначному определению.

1. Раскрытие преступления – регламентируемая уголовно-процессуальным законом деятельность, осуществляемая с момента возбуждения уголовного дела и направленная на установление события преступления, выявление лиц его совершивших и сбор достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения [7, с. 17].

2. Раскрытие преступления – составление обвинительного заключения и направление дела через прокурора в суд [8, с. 60].

3. Раскрытие преступления – момент установления факта совершения преступления и лица его совершившего [9, с. 23].

4. Раскрытие преступления – установление всех обстоятельств предмета доказывания, когда возникают основания для составления обвинительного заключения [10, с. 27].

5. Раскрытие преступления представляет собой одну из конечных целей деятельности государственных органов по факту совершенного преступления, и поскольку эта цель обеспечивается (достигается) в результате различных видов деятельности (оперативно-розыскной, следственной, судебной), каждой из них соответствует свое понятие раскрытия преступления. Окончательно раскрытым можем считать лишь то преступление, когда в отношении виновных вынесен обвинительный приговор суда, вошедший в законную силу [11, с. 13–14].

6. Раскрытие преступлений позволяет относить к числу таковых оконченные производством уголовные дела, которые направляются прокурору для утверждения обвинительного заключения в отношении привлекаемых к уголовной ответственности лиц [12, с. 54].

Все вышеперечисленные мнения, трактуя понятие раскрытого преступления, момент раскрытия связывают с определенным процессуальным решением – от принятия следователем дела к своему производству до вступления в силу приговора суда. Однако дефиниция раскрытия преступления, момент, когда преступление может считаться раскрытым, и для криминалистики имеет существенное значение, так как необходимо ориентировать в решении вопроса о периодизации этапов процесса расследования, а значит, и в решении вопроса о структуре частной криминалистической методики и содержании ее частей. Следовательно, имеет смысл рассмотреть мнения по этому поводу не только процессуалистов, но и криминалистов, высказанных именно в криминалистическом, а не в процессуальном аспекте.

Для выработки единого правильного понятия и содержания раскрытия преступлений необходимо прислушаться к мнению ученых и практиков. О недопустимости непонятных терминов в научной литературе в разное время писали Р.С. Белкин, А.Г. Филиппов, Н.П. Яблоков и др. [13, с. 130]. Например, если сопоставить с требованиями, предъявляемыми к учебникам криминалистики, А.Г. Филиппов подчеркивает, что он должен быть написан хорошим языком, доступным студенту, без лишней усложненности [14, с. 17].

1. Басецкий, И.И. Оперативно-розыскная деятельность: практика, законодательство, теория / И.И. Басецкий // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 260–262.

2. Преступность в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/godovye-dannye_7/prestupnost-v-respublike-belarus/. – Дата доступа: 13.06.2019.

3. Кудрявцев, Д.С. Меры преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь / Д.С. Кудрявцев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. : тез. докл. – Минск : Акад. МВД, 2018. – С. 242–243.

4. Пацкевич, А.П. Актуальные проблемы взаимодействия подразделений Следственного комитета Республики Беларусь и органов дознания системы МВД при расследовании преступлений / А.П. Пацкевич, И.И. Лузгин // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки / гл. ред. Д.Н. Лазовский. – 2013. – № 14. – С. 186–192.

5. Мовчан, А.В. Некоторые аспекты совершенствования информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности / А.В. Мовчан // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 2. – С. 247–251.

6. Лахтиков, Д.Н. Особенности аналитического обеспечения профилактической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел / Д.Н. Лахтиков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 92–96.

7. Якубович, Н.А. Процессуальные функции следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве : сб. науч. тр. – М., 1980. – С. 15–32.

8. Либозаев, Д.П. К вопросу о понятии раскрытия преступления // Вестн. ТГУ. Сер. «Право». – 2015. – № 4. – С. 59–64.

9. Гаврилов, А.К. Раскрытие преступлений / А.К. Гаврилов. – Волгоград, 1976. – 53 с.

10. Веселов, Ю.И. Понятие полного раскрытия преступлений / Ю.И. Веселов // Сб. ст. адъюнктов и соискателей. – Изд-во ВШ МВД СССР, 1971. – Вып. 3. – С. 24–30.

11. Лекарь, А.Г. Правовые и методологические основы раскрытия преступлений / А.Г. Лекарь, Р.К. Безруких. – М., 1976. – 113 с.

12. Чечетин, А.Е. Правовая основа оперативно-розыскных мероприятий / А.Е. Чечетин // Вестн. Барнаул. юрид. ин-та. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России. – 2004. – № 7. – С. 84–90.

13. Белкин, Р.С. Криминалистика, проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : НОРМА-ИН-ФРА-М, 2001. – С. 224–237.

14. Филиппов, А.Г. Заметки на полях (о статье М.К. Каминского) / отв. ред. А.Г. Филиппов // Вестн. криминалистики. – М. : Спарк, 2002. – Вып. 1(3). – С. 15–18.

УДК 342.9

А.Н. Левчук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Д.П. Семенюк*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Осуществление правосудия – одна из важных функций государства, которая реализуется специальными органами государственной власти, наделенными строго регламентированными законодательством полномочиями.

От надлежащей работы всей системы государства и прежде всего его правоохранительных органов зависит стабильность общественных отношений, эффективность защиты прав и свобод граждан. В связи с этим исследование вопросов административной ответственности за правонарушения против правосудия, деятельности органов уголовной и административной юрисдикции представляет актуальность и практическую значимость.

Как определяет В.И. Даль, «правосудие» – «правый суд, решение по закону, по совести, ... правда» [1]. С.И. Ожегов описывает правосудие как «деятельность судебных органов» [2]. Д.Н. Ушаков приходит к выводу, что правосудие – это «деятельность судебных органов, основанная на законе» и «судебная деятельность государства (юстиция)» вообще [3]. Приведенные дефиниции можно считать определением правосудия в узком смысле, в соответствии с которым оно обозначается как деятельность судебной системы власти, систему судов, выносимые ими решения.

Анализируя систему законодательства Республики Беларусь, можно прийти к выводу, что понятием правосудия охватывается не только деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел и дел об административных правонарушениях, но и деятельность правоохранительных органов, осуществляющих дознание, предварительное следствие, а также деятельность органов административной юрисдикции. Данное понятие правосудия, которое можно считать определением в широком смысле, вытекает и из анализа административно-деликтного и процессуально-исполнительного законодательства.

Так, все запрещенные законодателем противоправные деяния по родовому признаку объединены в единую группу в гл. 24 «Административные правонарушения против правосудия и деятельности органов уголовной и административной юрисдикции» КоАП. Закрепление их в одной главе соответствует широкому пониманию правосудия, как объекта административно-правовой охраны.

Как отмечает С.В. Добрян, «государство характеризуется широким разнообразием форм государственной деятельности. И все органы государства в той или иной степени осуществляют юрисдикционную деятельность, которая в большей мере (по сравнению с другими видами государственной деятельности) касается прав и свобод граждан. В административно-правовой науке используется термин «административная юрисдикция», связанный с исследованиями в области административного процесса» [4, с. 3].

В научной литературе юрисдикцию часто отождествляют с рассмотрением и разрешением правовых споров либо правоприменительной и правоохранительной деятельностью органов государственного управ-

ления. По мнению В.А. Круглова, «административная юрисдикция понимается, с одной стороны, как рассмотрение в установленном порядке и принятие судом или другим государственным органом (должностным лицом) решения по делу, а с другой – установленная законом совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и решать дела о правонарушениях» [5, с. 4].

В российской юридической литературе для обозначения системы органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, используют термин «административная юстиция». Как отмечают А.Б. Зеленцов, О.А. Ястребов, «административная юстиция представляет собой особый организационно-правовой механизм, предназначенный для устранения конфликтных ситуаций в сфере публичного управления и обеспечения стабильности функционирования административной системы посредством судебного контроля за ее возможными отклонениями от заданных нормами административного права параметров. Этот механизм может быть представлен как система организационных институтов, судебных и квазисудебных форм и отношений, функциональных инструментов (административный иск, меры предварительной защиты, способы контроля, властно-принудительное юрисдикционное решение и т. д.), используемых для обеспечения законности административной деятельности и защиты субъективных прав и законных интересов в процессе разрешения административных споров» [6].

На основании этого объектом административно-правовой охраны правонарушений, закрепленных в гл. 24 КоАП, являются деятельность судов, органов предварительного следствия и дознания, органов административной юстиции, которые осуществляют административно-юрисдикционные полномочия.

Общественные отношения в рассматриваемой сфере регулируются большим количеством правовых актов. Так, порядок осуществления правосудия по уголовным делам и делам об административных правонарушениях установлен Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, Уголовным кодексом Республики Беларусь, Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь, Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях и другими нормативными правовыми актами, определяющими порядок осуществления правосудия по уголовным и административным делам.

Нарушение обязательных правил реализации правоохранительной деятельности состоит в том, что их нарушение может квалифицировать-

ся в качестве административного правонарушения, являющегося основанием административной ответственности.

Административное правонарушение против правосудия и деятельности органов уголовной и административной юрисдикции характеризуется общими признаками административного правонарушения.

В соответствии со ст. 2.1 КоАП административным правонарушением признается противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными КоАП, деяние (действие или бездействие), за которое установлена административная ответственность.

Исходя из этого рассматриваемые правонарушения представляют собой противоправные деяния (действия либо бездействия), которые обладают противоправностью, общественной вредностью, виновностью и административной наказуемостью.

Например, в соответствии со ст. 24.1 КоАП таким действием является неуважение к суду, выразившееся в уклонении от явки в суд, т. е. неявка по вызову без уважительной причины, либо в неподчинении распоряжению председательствующего, либо в нарушении порядка во время судебного заседания, а равно совершение иных действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к суду.

Примером бездействия может служить деяние, запрещенное ст. 24.3 КоАП: оставление должностным лицом без рассмотрения частного определения (постановления) суда или представления об устранении нарушений законодательства, причин и условий, способствующих совершению правонарушений, внесенного Следственным комитетом Республики Беларусь, органами внутренних дел, прокуратуры, государственной безопасности, пограничной службы, таможенными органами, органом государственной охраны, органами финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, органами и подразделениями по чрезвычайным ситуациям, лицом, производящим дознание, следователем.

Противоправность административного правонарушения выражается в нарушении правовых запретов, т. е. в том, что оно есть действие (бездействие), запрещенное административным законодательством. Соответствующие административно-правовые нормы сформулированы в статьях Особенной части КоАП. Административное правонарушение всегда противоречит правовым требованиям (предписаниям), сформулированным в правовой норме. Оно есть несоблюдение тех или иных правил поведения, их нарушение. Административно-правовые нормы КоАП запрещают совершать определенные действия. Так, в соответ-

ствии со ст. 24.5 КоАП противоправность будет заключаться в нарушении запрета, т. е. в отказе либо уклонении без уважительных причин свидетеля или потерпевшего от дачи объяснений либо эксперта или переводчика без уважительных причин от исполнения возложенных на них обязанностей по делу об административном правонарушении.

Противоправное деяние может быть совершено физическим или юридическим лицом, а также индивидуальным предпринимателем. Однако в большинстве правонарушений в данной главе субъектом признается физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Специальный субъект указан в ст. 24.3 и 24.12 КоАП. В ст. 24.10 КоАП говорится, что субъектом правонарушения может быть юридическое лицо.

Обязательным признаком административного правонарушения является виновность совершенного деяния. В ст. 4.2 КоАП вина возведена в один из принципов административной ответственности. Вина выражает психическое отношение лица к содеянному и его последствиям. Для признания деяния (действия или бездействия) правонарушением надо установить, что оно явилось проявлением воли и разума, т. е. продуктом психической деятельности здравомыслящего человека. Не может оцениваться как административное правонарушение общественно опасное, противоправное и административно наказуемое деяние, совершенное лицом, неспособным руководить своими действиями, отдавать себе отчет в них. При совершении административного проступка вина может выражаться как в форме умысла, так и неосторожности. Как правило, вина формулируется в соответствующей диспозиции статьи.

Например, на основании ст. 24.10 КоАП уклонение должника от выплаты подлежащих взысканию с него денежных средств, выразившееся в непредставлении информации или в представлении заведомо недостоверной информации об имеющемся у него имуществе, о месте нахождения его имущества, об изменении места работы или места жительства (места пребывания), о дополнительных доходах может быть совершено только умышленно.

Неотъемлемым признаком административного правонарушения является административная наказуемость. Наказуемость – это признак противоправности деяния, не характеризующий его сущность, а указывающий на его неизбежное юридическое последствие, неблагоприятное для правонарушителя. Возможность применения административных взысканий является общим свойством административных правонарушений. В большинстве случаев, если выявлен проступок, виновного привлекают к административной ответственности, но иногда наказание не

может быть применено по ряду причин: истек срок давности, отменена норма, устанавливающая административную ответственность, произошло примирение потерпевшего с физическим лицом, в отношении которого ведется административный процесс, и т. д.

Общественная вредность рассматриваемых правонарушений связана с причинением вреда объекту правовой охраны. Нарушая порядок осуществления правосудия, деяния негативно отражаются на деятельности судов, органов уголовной и административной юрисдикции, могут помешать принятию законного, правильного и обоснованного решения по делу.

Изложенное в статье позволяет сделать следующие выводы:

1. Административным правонарушением против правосудия и деятельности органов уголовной и административной юрисдикции признается противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными КоАП, деяние (действие или бездействие), за которое в гл. 24 КоАП установлена административная ответственность.

2. Родовым объектом административно-правовой охраны являются общественные отношения по осуществлению правосудия судом, органами прокуратуры, предварительного расследования, дознания, административной юрисдикции, осуществляющими правосудие по уголовным делам и делам об административных правонарушениях.

3. Административные правонарушения против правосудия и деятельности органов уголовной и административной юрисдикции обладают признаками противоправности, общественной вредности, виновности и административной наказуемости.

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Т. III. – М., 1998. – С. 380.

2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Изд-е 15. – М., 1984. – С. 511.

3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : «Гос. ин-т Сов. энцикл.», ОГИЗ, Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

4. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие / С.В. Добриян [и др.] ; под общ. ред. С.В. Добрияна ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2015. – 155 с.

5. Круглов, В.А. Производство по делам об административных правонарушениях / В.А. Круглов. – Минск, 2002. – 160 с.

6. Зеленцов, А.Б. Судебное административное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.Б. Зеленцов, О.А. Ястребов // КонсультантПлюс. Беларусь / «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

В.В. Лемешонок, курсант факультета милиции
Научный руководитель – *С.В. Шарипо*

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ И УЧАСТНИКОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Правоприменительная, организационная деятельность органов внутренних дел построена на таком конституционном принципе, как законность, и направлена на строжайшее его соблюдение.

В соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (Закон «Об ОВД Республики Беларусь») законность является одним из основополагающих принципов деятельности органов внутренних дел (ОВД) [1].

Этот принцип выражается как в правоохранительном характере самой деятельности милиции, так и в том, что эта деятельность осуществляется на основе строгого и неуклонного соблюдения законов и подзаконных нормативных актов.

Изучая вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в Республике Беларусь, становится очевидным, что вопросам о правах и обязанностях, ответственности за свои действия ее участников уделяется недостаточно внимания.

В Республике Беларусь ведущее положение в ОРД занимают органы, ее осуществляющие.

Указанные органы наделены государством полномочиями на осуществление рассматриваемой деятельности, а также на осуществление данной деятельности от имени государства. В ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон «Об ОРД») определены цели ОРД применительно к ОВД, задачи криминальной милиции закреплены в ст. 15 Закона «Об ОВД Республики Беларусь».

Касательно лиц, участвующих в ОРД, следует заметить, что права и обязанности органов, ее осуществляющих, нашли правовое закрепление в Законе «Об ОРД». Органы различных ведомств, осуществляющие ОРД, делегируют свои полномочия оперативным подразделениям и должностным лицам, которые наделены властными полномочиями, имеют закрепленные в законодательстве права и обязанности, несут в случаях определенных законом ответственность за свои действия.

Компетенция в данном случае выражена общими правами и обязанностями субъектов ОРД, которые связаны с задачами этих органов, за-

крепленными в нормативных правовых актах МВД Республики Беларусь (положения о главном управлении уголовного розыска МВД Республики Беларусь, главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД Республики Беларусь и т. д.).

Нельзя не согласиться с мнением В.Ч. Родевича, что в данном случае законодатель поступил верно, не пытаясь конкретизировать отдельные полномочия указанных субъектов и участников в Законе «Об ОРД». Ведь руководителя оперативного подразделения поставить в строгие рамки компетенции по осуществлению ОРД, которая будет прописана в законе, практически невозможно и, как отмечает в своих работах В.Ч. Родевич, даже вредно, ведь при четкой регламентации деятельности руководителя исключается возможность маневрирования в различных ситуациях при решении задач ОРД [2, с. 180].

Руководитель оперативного подразделения действует как должностное лицо и как субъект, непосредственно проводящий ОРМ, а также в качестве руководителя оперативного подразделения осуществляет некоторые контрольные функции в отношении своих подчиненных. Справедливо мнение В.Ч. Родевича, что объем полномочий руководителя оперативного подразделения должен устанавливаться только ведомственными нормативными правовыми актами, а определение его как субъекта ОРД должно найти отражение в Законе «Об ОРД». На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что руководитель оперативного подразделения, являясь субъектом ОРД, действует на основе закона и вступает в общественные отношения, связанные с осуществлением ОРД, на основе прав и обязанностей, закрепленных в ведомственных нормативных правовых актах, и тем самым организует деятельность своих подчиненных по выполнению стоящих перед ними задач [2, с. 181].

Представляется необходимым указать, что разрешения требует вопрос, касающийся уточнения правового статуса и функций органов, осуществляющих ОРД. Объединение различных направлений работы, несоответствие прав и обязанностей должностных лиц являются серьезной проблемой в решении задач ОРД и негативно влияют на результаты деятельности субъектов ОРД. Например, ОВД выступают и как субъекты дознания, действуя в рамках УПК Республики Беларусь, и как органы, выполняющие оперативно-розыскные функции в рамках Закона «Об ОРД», что приводит к смешиванию разных направлений работы.

Несмотря на то что оперативные подразделения являются элементами органов дознания, они осуществляют две самостоятельные функции: оперативно-розыскную и процессуальную. Но исследователи проблем ОРД отмечают, что правоохранительная практика приводит к выводу

о том, что субъектами уголовно-процессуальной и ОРД должны быть разные лица. Компетенция органов дознания должна предполагать осуществление только уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи следует согласиться с А.С. Есиной в том, что необходимо исключить из норм уголовно-процессуального закона положения, указывающие на осуществление органами дознания оперативно-розыскных мер [3].

Мы считаем, что целесообразно определить в УПК Республики Беларусь еще одну группу участников уголовного процесса – органы, осуществляющие ОРД. Необходимо отметить, что, в отличие от органов, осуществляющих ОРД, правовой статус других субъектов, вовлеченных в данную деятельность, не установлен. Их деятельность осуществляется по аналогии с деятельностью субъектов, правовой статус которых закреплен в иных нормативных правовых актах.

Успешное участие лиц в ОРД реализуется до тех пор, пока их деятельность ассоциируется с правовым статусом будущего участника уголовного процесса либо осуществляется субъектом ОРД, который наделен властными полномочиями, или лицом, действующим по его поручению. Отсутствие правового закрепления рассматриваемых отношений отрицательно сказывается на деятельности, связанной с оказанием содействия различными участниками ОРД: ее предоставление не обеспечено обязанностью определенных лиц такую помощь оказывать, в связи с чем считаем необходимым закрепление правового статуса указанных лиц.

Справедливо отмечает В.И. Павлов, что «как только человек вступает в правовую реальность, он непременно подчиняется, вжимается в заранее подготовленный ему облик субъекта, который задает свои параметры правового бытия, пребывания человека в пространстве права. Субъект права фиксируется, определяется, нормативизируется, становится инструментальным, доступным и удобным для юридических манипуляций» [4, с. 14].

Применительно к лицам, участвующим в ОРД, мы говорим о субъектах и участниках правоотношений в рассматриваемой деятельности. Возможность того или иного субъекта быть участником правоотношения определяется его правосубъектностью, т. е. способностью быть субъектом права.

В теории права различают три вида правосубъектности: общую (способность быть субъектом права вообще), отраслевую (способность быть субъектом права соответствующей правовой отрасли), специальную (способность быть субъектом определенной группы общественных отношений в рамках конкретной отрасли права) [5, с. 317].

В обоснование данного положения надо сказать, что общей правосубъектностью обладают все субъекты ОРД. Данный аспект достаточно

подробно рассмотрен в юридической литературе. Сохраняется необходимость исследования отраслевой и специальной правосубъектности в силу специфичности вышеназванной деятельности (только в сфере борьбы с преступностью) и круга решаемых задач.

Необходимо отметить, что правоспособность всегда отраслевая, так как в каждой сфере правоотношений к человеку предъявляются особые требования, в случае соответствия которым он признается способным быть участником соответствующих общественных отношений. Что касается специальной правоспособности, то она охватывается отраслевой, но предполагает несколько повышенные требования к некоторым качествам личности – особые познания, навыки, способности [6, с. 120]. В правоспособности лиц, участвующих в ОРД, определяющими являются их функции, которые могут быть основными (у субъектов, осуществляющих ОРД, в полном объеме) и вспомогательными (у субъектов, решающих конкретные задачи).

Совпадение право- и дееспособности в ОРД имеет особое значение, так как включение в рассматриваемую деятельность лиц без определенного правового статуса приводит к сложности использования результатов их деятельности. Целесообразность рассмотрения использования помощи различных субъектов и участников в ОРД должно обеспечиваться нормой Закона «Об ОРД». Такой подход обеспечит соблюдение законности при осуществлении данной деятельности.

Справедливо мнение В.Ч. Родевича, что общие права и обязанности для всех участников ОРД должны быть определены в отдельной главе «Субъекты и участники ОРД» Закона «Об ОРД».

Гражданам, участвующим в ОРД, должны быть гарантированы права и свободы независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.

Указанные лица должны иметь право отказаться от дачи показаний в ходе предварительного следствия, если при проведении ОРМ не была обеспечена их безопасность. Они обязаны являться в правоохранительные органы только с согласия органа, осуществляющего ОРД. Участник ОРД вправе знать, для проведения какого ОРМ он привлекается. Участие лиц в ОРМ по специальному заданию осуществляется только с их письменного согласия. Для обеспечения своей безопасности участник ОРД может знакомиться с протоколами ОРМ и делать предложения и замечания в установленной форме, подавать жалобы на действия (бездействие) и решения оперативного сотрудника.

Запрещается причинение участникам ОРД физического, имущественного, морального вреда, а для юридических лиц и вреда деловой репутации.

Участник ОРД несет ответственность за разглашение сведений, ставших ему известными при осуществлении данной деятельности. Кроме того, без изменений остается право участника ОРД на возмещение имущественного вреда, причиненного ему при проведении ОРМ, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе осуществления ОРД.

Участник ОРД имеет право предъявить гражданский иск о возмещении имущественного и компенсации физического вреда, причиненного ему при участии в ОРМ, а также о компенсации морального вреда. Вред, причиненный гражданину при проведении ОРМ, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа, осуществляющего ОРД.

Разделяя точку зрения В.Ч. Родевича, необходимо отметить, что среди прав, которыми законодатель наделяет субъектов и участников ОРД, должно быть предусмотрено право ходатайствовать о применении мер безопасности. В соответствии с Законом «Об ОРД» к таким мерам относятся: обеспечение конфиденциальности сведений о лице, запрет на выдачу сведений о нем; личная охрана, охрана жилища и имущества; временное помещение в безопасное место; перевод на другую работу, изменение места работы или учебы; переселение на другое место жительства; изменение данных документа, удостоверяющего личность, и замена документов; перевод из одного места содержания или отбывания наказания в другое; иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Республики Беларусь [7].

Для защиты участников ОРД необходимо использовать все имеющиеся возможности органов, осуществляющих данную деятельность, обеспечения безопасности участников уголовного процесса, которые оказывают содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, в соответствии с законодательством.

Правовой статус участника ОРД характеризуется не только совокупностью его прав и обязанностей, но и системой гарантий, отмеченных в нормах права. Обозначенный правовой элемент, закрепленный в актах законодательства, обеспечивает надлежащее осуществление ими деятельности по решению поставленных задач и выражается в осуществлении их прав и исполнении обязанностей. Одним из элементов в системе гарантий данной деятельности являются меры безопасности в отношении ее участников.

Государством гарантируется защита любого гражданина, в отношении которого осуществляется ОРД. Необходимы нормы, обеспечивающие такую защиту.

Материалы, полученные в ходе ОРД, могут не предоставляться, если их использование в уголовном процессе создает возможность расшифровки внедренных лиц, штатных негласных сотрудников либо лиц, оказывающих (оказывавших) содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, а также разглашения сведений об организации и тактике проведения ОРМ, содержащих государственные секреты, а также в случаях, когда есть угроза преждевременной расшифровки факта проведения негласных ОРМ.

Реализация прав и обязанностей участников ОРД в реальной жизни не может осуществляться без установления ответственности за противоправные поступки, действия, принятые решения. Предоставление прав вызывает необходимость возложения обязанностей и наоборот. Что касается обязанностей и их исполнения, имеет место ответственность за их противоправную реализацию.

Проанализировав нормы законодательства, регламентирующего ОРД, отмечаем, что обязанности некоторых ее участников отсутствуют. При осуществлении ОРД возникает множество различных оперативно-розыскных ситуаций, в которых участники ОРД вступают в различные правоотношения и выступают носителями прав и обязанностей. Специфика ОРД не позволяет сформулировать права и обязанности абсолютно всех (физических, юридических) лиц, участвующих в данной деятельности.

Таким образом, определение принадлежности нового субъекта права к той или иной отрасли позволяет использовать его для решения задач ОРД с определенным правовым статусом.

На основании вышеизложенного можем сделать следующие выводы:

1. Органы (основные субъекты), осуществляющие ОРД, делегируют свои полномочия оперативным подразделениям и должностным лицам, которые наделены властными полномочиями, имеют закрепленные в законодательстве права и обязанности (правовой статус), несут в отдельных, определенных законом случаях ответственность.

2. Использование возможностей участников ОРД затруднительно в связи с отсутствием нормативного закрепления их прав и обязанностей. С целью устранения данного пробела необходимо расширить в Законе «Об ОРД» права и обязанности участников, определить нормы о защите их жизни, здоровья, законных интересов, привлечении при необходимости юридических лиц и граждан к подготовке и участию в ОРД, возмещении вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с участием в ОРД, и т. д.

1. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от

04.01.2014 г. № 123-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Родевич, В.Ч. Методологические основы, теоретико-правовые и этические проблемы института субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности / В.Ч. Родевич ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 222 с.

3. Есина, А.С. Входит ли в компетенцию органа дознания осуществление оперативно-розыскной деятельности / А.С. Есина // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2011. – № 1. – С. 77–79.

4. Павлов, В.И. Энергийно-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началу деконструкции классической модели юридической ответственности / В.И. Павлов // Правоведение. – 2012. – № 2. – С. 14–39.

5. Афанасьев, В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Афанасьев, С.В. Липень, Т.Н. Радько ; под ред. В.В. Лазарева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : Инфра-М, 2014. – 592 с.

6. Кучинский, В.А. Современное учение о правовых отношениях / В.А. Кучинский. – Минск : Интегралполиграф, 2008. – 320 с.

7. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.985

И.А. Майсинович, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
И.А. Шаматульский

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Оперативно-розыскная деятельность, наравне с другими видами юридической деятельности, осуществляется на основополагающих правилах, роль которых выполняют принципы. Они выступают в качестве руководящих, организующих требований и правил, которыми руководствуются сотрудники в той или иной области своей юридической деятельности. Наряду с этим под термином «принцип» подразумевается внутреннее убеждение, взгляд на вещи, определяющие норму поведения. В сфере оперативно-розыскной деятельности внутреннее убеждение должно отражать объективные и существенные закономерности, обусловленные складывающимися в данной сфере общественными отношениями. В наиболее обобщенном виде все принципы оперативно-розыскной деятельности можно представить в следующем виде:

принцип законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина (при осуществлении оперативно-розыскной деятельности следует соблюдать права и свободы человека и гражданина, предусмотренные Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. и Конституцией Республики Беларусь);

принцип конспирации, а также сочетание гласных и негласных методов и средств. Должностные лица, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий обязательно должны обеспечивать соблюдение прав человека и граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции [1, с. 214].

Принципы – связующее звено в любой системе, которое предоставляет им конкретное организационное и тактическое наполнение. В то же время они вносят единство в истолкование знания и служат для отражения в нем основных объективных закономерностей какой-либо деятельности.

Принципы оперативно-розыскной деятельности были сформулированы теорией на основе обобщения и анализа практической деятельности оперативных подразделений и, как следствие, познания этих закономерностей [2, с. 23]. Данные принципы закреплены в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и ведомственных подзаконных нормативных актах, которые обязательно должны соблюдаться всеми оперативными сотрудниками. Принципы также являются отражением специфических закономерностей в области борьбы с преступностью, которая ведется с помощью оперативно-розыскных сил, специальных средств и методов.

Принципы оперативно-розыскной деятельности – это закрепленные в законодательных и иных нормативных актах и выработанные оперативно-розыскной практикой руководящие идеи, основополагающие начала, а также нравственные представления общества относительно сущности, цели и задач организации и тактики применения оперативно-розыскных сил, специальных средств и методов.

По своей сути принципы оперативно-розыскной деятельности носят властно-повелительный, императивный характер и содержат обязательные предписания, исполнение которых обеспечивается всеми возможными оперативно-розыскными средствами [3, с. 36].

В системе принципов должно быть такое количество принципов, которое в полной мере способствует исполнению функций и решению задач, стоящих перед субъектами оперативно-розыскной деятельности. Каждый принцип этой системы должен быть относительно независим.

Однако независимость не означает, что нарушение одного принципа не повлечет за собой нарушения другого. Принципы создают предпосылки к формированию концепции каждого положения либо всей их системы в целом, обеспечивая тем самым совершенствование различных направлений оперативно-розыскной работы.

В зависимости от характера и содержания выделяются правовые, организационные и морально-этические принципы.

Правовые принципы классифицируются на две группы: конституционные, которые находят свое применение в оперативно-розыскной деятельности;

отраслевые, которые относятся только к оперативно-розыскной деятельности.

Общеправовые принципы – это принципы, которые являются руководящими для всей правоохранительной системы.

К ним относятся:

- 1) законность;
- 2) уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Эти два принципа обозначены законодательством как конституционные, так как они основаны на конституционных нормах [4].

Отраслевые (специальные) принципы действуют только в рамках одной отрасли права, т. е. оперативно-розыскной деятельности. Они вытекают из закономерностей данной деятельности, поэтому имеют локальный характер и реализуются только в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Отраслевыми принципами являются:

- 1) конспирация;
- 2) сочетание гласных и негласных методов и средств.

В зависимости от текстуального закрепления принципы подразделяются:

а) на нормы-принципы, находящие свое закрепление в статьях законов и подзаконных нормативных актах;

б) принципы-положения, которые выработаны теорией и практикой оперативно-розыскной деятельности в качестве организационно-управленческой основы функционирования оперативных подразделений.

Принципы оперативно-розыскной деятельности самостоятельны, среди них нет главных и второстепенных, и внутри их системы не может быть противопоставления одного принципа другому, т. е. принципы не противоречат друг другу и имеют общую цель.

В качестве наиболее общего и главного основания для всей классификации принципов оперативно-розыскной деятельности могут выступать те закономерности, которые они отражают [5, с. 93].

Принципы оперативно-розыскной деятельности в совокупности должны:

- отражать ее социальный и правовой характер;
- способствовать познанию ее сущности;
- обеспечивать дальнейшее совершенствование ее правового регулирования;
- подчеркивать специфический и самостоятельный характер этой деятельности;
- отражать ее место и соотношение с другими видами правоохранительной деятельности;
- гарантировать соблюдение прав и свобод личности при проведении оперативно-розыскной деятельности;
- служить базой при выявлении основных направлений совершенствования теории и практики оперативно-розыскной деятельности.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, и их должностные лица строят свою деятельность на основе рассмотренной системы принципов и несут ответственность за их нарушение. Наряду с этим данными принципами могут руководствоваться различные государственные органы, прокуратура при рассмотрении ходатайств оперативно-розыскных органов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права граждан, а также лица, вовлекаемые в сферу оперативно-розыскных отношений [6, с. 39].

Основная группа принципов вытекает из ст. 5 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [7]:

принцип законности означает, что должностные лица оперативных подразделений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности руководствуются требованиями Конституции Республики Беларусь, оперативно-розыскным законодательством и различными правовыми актами, составляющими правовую основу этой деятельности. Данный принцип запрещает осуществлять оперативно-розыскную деятельность для достижения целей и задач, не предусмотренных законодательными актами и законными способами.

Обеспечение законности при проведении оперативно-розыскной деятельности предполагает:

- осуществление ее исключительно субъектами, уполномоченными оперативно-розыскным законодательством;

недопущение нарушений требований законодательства и ведомственных нормативных актов в деятельности оперативных подразделений и конкретных оперативных сотрудников;

привлечение к ответственности должностных лиц оперативно-розыскных органов, виновных в нарушении законности;

разработку комплексных мер, направленных на устранение причин и условий нарушения законности;

оформление деятельности соответствующими документами и осуществления соответствующего контроля и прокурорского надзора за ее осуществлением.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно отражает сущность оперативно-розыскной деятельности. Необходимость сочетания этих методов в борьбе с преступностью на практике обусловлена рядом обстоятельств. Использование лишь гласных мер не позволяет решать задачи правосудия в полном объеме, и наоборот, одни негласные меры не всегда могут обеспечить решение последних. Кроме того, противопоставление одних мер другим усложняет работу, ведет к неоправданным затратам, иногда к риску расшифровки негласных сил, средств и методов борьбы с преступностью.

Оперативно-розыскное мероприятие, проводимое гласно, предусматривает уведомление должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, гражданина, в отношении которого оно проводится, и получение согласия этого гражданина на его проведение.

Оперативно-розыскное мероприятие, проводимое негласно, проводится должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, без уведомления гражданина, в отношении которого оно проводится, и получения согласия этого гражданина на его проведение (ст. 9 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Оперативно-розыскная деятельность как вид практической деятельности оперативных подразделений также представляет собой специфическую систему со своим специальным аппаратом и организацией работы, которые соответствуют общепринятым в государстве правилам [8, с. 46]. В связи с этим выделяют организационные принципы.

Организационные принципы – это основополагающие требования и правила, выработанные оперативно-розыскной теорией и исходя из практики. Данная группа принципов отражает основополагающие начала, руководящие положения, определяющие наиболее существенные черты и признаки деятельности оперативно-розыскных органов, а также первоначальные моменты их организации и функционирования.

Принципы практики оперативно-розыскной деятельности подразделяются на три группы:

общие принципы – научность, плановость, связь с населением;

принципы управления оперативными подразделениями – демократический централизм, коллегиальность, единоначалие и др.;

принципы осуществления оперативно-розыскной деятельности – объективность, прогнозирование оперативной обстановки, оперативная готовность, наступательность, привлечение граждан на конфиденциальной основе.

Морально-этические принципы являются основой, на которой базируется правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности для ее успешного осуществления в границах нравственности.

Игнорирование в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности одного принципа или группы принципов разрушает целостность восприятия данного вида деятельности, снижает эффективность всей оперативно-розыскной работы.

Таким образом, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, и их должностные лица строят свою деятельность на основе рассмотренной системы принципов и несут ответственность за их нарушение. В Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» выделяют следующие принципы: принцип законности, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, конспирации, проведения оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно.

1. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / К.К. Горяинова [и др.] – М. : ИНФРА-М, 2004. – 848 с.

2. Грищенко, А.И. Взаимодействие между аппаратами уголовного розыска и оперативными аппаратами исправительно-трудовых учреждений в предупреждении рецидива преступлений со стороны лиц, освобожденных из исправительно-трудовых учреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. : Акад. МВД СССР, 1981. – 34 с.

3. Гусенбеков, И.И. Некоторые аспекты взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти субъектов Российской Федерации / И.И. Гусенбеков // Журн. рос. права. – 2006. – С. 36.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Бердичевский, Ф.Ю. Взаимодействие следствия и дознания как организационная система / Ф.Ю. Бердичевский // Совет. государство и право. – 1973. – С. 93.

6. Лубин, А.Ф. Организационно-тактические особенности взаимодействия следователя с органами дознания при раскрытии отдельных видов преступлений / А.Ф. Лубин // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1980. – С. 39.

7. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., №307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

8. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / ред. А.Е. Чечетин. – Хабаровск, 2014. – 530 с.

УДК 343.9

К.С. Марченко, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *М.А. Кравцова*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Противодействие и преодоление коррупции – стратегическая задача нашей страны. Ее решение способствует успешному социально-экономическому развитию, укреплению государства и правопорядка в нем.

Борьба с коррупцией в Республике Беларусь на протяжении последних лет – одна из важнейших задач государства. Она предполагает действенные меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Актуальность проводимой правоохранительными органами работы по борьбе с коррупцией обусловлена тем фактором, что коррупция пронизывает все сферы общественной и государственной жизни, так как имеет глубокие исторические и социальные корни.

Коррупция затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики, вызывает недоверие граждан к государственным институтам, создает негативный имидж Беларуси на международной арене.

В Республике Беларусь наблюдается увеличение коррупционных правонарушений (преступлений). Согласно данным международной организации Transparency International, ведущей сравнительные исследования коррупции и представляющей информацию об общем уровне коррупции различных стран в виде «Индекса восприятия коррупции»

(ИВК), белорусское государство в 2018 г. в рейтинге коррумпированности занимает 68 место из 180, тем временем Россия – 135 место [3].

Во многом данным негативным проявлениям способствуют правовой нигилизм, экономические и нравственные деформации в обществе.

Преступления коррупционного характера, совершающиеся всегда в условиях неизвестности и завуалированности «теневых» отношений в экономике, составляют наиболее существенную часть латентной преступности.

Коррупция – одна из актуальных проблем современного общества, представляет серьезную угрозу экономической безопасности государства. Своими корнями она уходит в глубь истории, ведь с давних пор люди старались любыми способами, даже противозаконными, улучшить свое материальное положение. Коррупция наносит вред не только экономическому развитию государства, а также его национальной безопасности. Однако борьба с коррупцией – это не только жесткие меры наказания, но и выявление причин и условий, которые поспособствуют развитию коррупционных схем.

Основным законом в борьбе с коррупцией выступает Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией».

Настоящий закон устанавливает правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией, направлен на защиту прав и свобод граждан, общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции, обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций, государственных должностных и приравненных к ним лиц путем предупреждения, выявления, пресечения правонарушений, создающих условия для коррупции и коррупционных правонарушений, устранения их последствий [1].

Впервые в 2002 г. была принята Государственная программа по усилению борьбы с коррупцией на 2002–2006 годы. Такие программы по окончании срока переиздаются.

Государственная программа по усилению борьбы с коррупцией основной целью ставит снижение уровня и позитивное изменение структуры преступности в Республике Беларусь посредством совершенствования деятельности государственных и общественных структур по предупреждению противоправного поведения, пресечению преступлений и коррупционных проявлений, устранению их негативных последствий.

Одно из основных направлений борьбы с коррупцией – декларирование доходов.

Декларацию о доходах и имуществе обязаны представлять лица, которые поступают на государственную службу. Стоит отметить, что и члены их семьи также должны ее представлять.

Декларированию подлежат все доходы, полученные в течение календарного года как от источников в Республике Беларусь, так и от источников, которые находятся за пределами нашей страны.

Декларируется также и имущество: транспортные средства, земельные участки, драгоценные металлы и камни, иное имущество, если оно превышает 2 000 б. в. [2].

Стоит отметить, что необходимо сконцентрировать внимание на предотвращении тех причин, которые способствуют развитию процветания коррупции в государственных органах и иных организациях. Ведь именно они влияют на политические, экономические процессы государства.

Коррупция представляет сложное системное явление, затрагивающее широкий комплекс социальных, экономических, организационных и иных проблем. Для нас представляет интерес рассмотрение данного явления с позиций социума, поскольку коррупция существенно зависит от социальных условий и традиций той или иной страны. В этой связи следует уделить особое внимание соответствующим стереотипам сознания, представлениям о коррупции рядовыми гражданами, а также эмоциональному восприятию проявлений коррупции. На основе данных представлений видится целесообразным высказать предположения о степени готовности общества к предупреждению и борьбе с коррупционными проявлениями.

Несмотря на законодательное закрепление ответственности за совершение коррупционных действий, это не дает большой гарантии того, что преступление не будет совершено. Однако создание в государственных органах специальных комиссий либо отдельных структурных подразделений дает возможность более широко проводить пропаганду по борьбе с коррупцией с населением.

Каждое государство подвержено коррупционным влияниям, большая часть которых сконцентрирована именно в органах государственной власти. Большинство коррупционных схем выявляется в государственных органах, которые занимаются организацией государственных закупок, реализацией продукции, а также в контролирующих органах. В последнее время участились случаи проявления коррупции в органах здравоохранения, что дает нам увидеть масштаб коррупционного влияния на государственные органы.

Борьба с коррупцией – одно из главных направлений международного сотрудничества в борьбе с преступностью. В последнее десятилетие принято множество многосторонних международных конвенций по борьбе с коррупцией, глобальных и региональных программ и деклараций, посвященных данной проблеме.

Коррупция представляет серьезную опасность для государства, поскольку служит катализатором к образованию и дальнейшему развитию организованной преступности. Ведь если государственное должностное лицо злоупотребляет своими должностными полномочиями, то оно является уже не только государственным должностным лицом, но и участником преступной организации. Раскрывая схему какой-либо организованной преступной группы можно проследить цепочку коррупционных схем государственных органов либо иных юридических организаций.

Именно по этим причинам эффективность функционирования антикоррупционного законодательства требует постоянного совершенствования мер по борьбе с коррупцией.

Причины возникновения коррупции не могут всегда быть одинаковыми, а также они различны как по сферам их проявления, так и по формам. Главную роль играют правовые и этические ценности, а также менталитет государства. Граждане, совершая противоправные деяния для получения больших выгод, тем самым дестабилизируют не только экономику государства, но и национальную безопасность, а также нарушают правильное функционирование государства.

Можно определить характерные черты коррупции:

1. Коррупция ориентирована на максимальное получение выгоды для личного обогащения.
2. Коррупция связана с организованной преступностью.
3. Коррупционные схемы в виду своей тяжести раскрытия способствуют сокрытию таких преступлений, тем самым лица, которые участвуют в таких схемах, могут длительное время уходить от ответственности либо и вовсе не быть привлеченными к ней.
4. Коррупция с каждым годом, если с ней не бороться, расширяет «зону поражения» в новых сферах.

Вышеперечисленные черты коррупции не являются исчерпывающими.

Борьбу с коррупцией осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности. Их деятельность направлена на выявление, предупреждение и пресечение коррупционных правонарушений (преступлений), а также на защиту законных прав и свобод граждан.

Борьба с коррупцией – одна из главных задач в работе правоохранительных органов. Стоит отметить также, что органы государственной власти, органы местного управления и самоуправления должны уделять внимание борьбе с коррупцией в своей повседневной деятельности, а также и физические лица, которые часто забывают, что, получая преимущество в решении какого-либо вопроса, ставят в неравное положение других граждан, тем самым способствуя увеличению недоверия к власти, а также нарушениям как экономическим процессам, так и политическим.

Предлагается, основываясь на международном опыте, продолжать совершенствовать антикоррупционное законодательство Республики Беларусь, а также разрабатывать новые методы для предупреждения и предотвращения развития коррупции с возможностью ужесточения мер ответственности за коррупционные правонарушения (преступления).

Требуется осуществлять также контроль за всеми государственными органами, которые были замечены в совершении коррупционных правонарушений (преступлений).

Изучив статистические данные, можно увидеть, что часто встречающимися коррупционными преступлениями (правонарушениями) являются получение и дача взятки, злоупотребления властью, получение незаконного вознаграждения государственным служащим, хищения, служебный подлог.

Выявление и предотвращение причин возникновения коррупции осуществляется путем воспитания у граждан негативного настроения к коррупционным правонарушениям (преступлениям), совершенствованию антикоррупционного законодательства, а также экспертиза нормативных правовых актов по борьбе с коррупцией, принятие более жестких мер к лицам, совершившим коррупционные правонарушения (преступления).

В большинстве юридических организаций, вне зависимости от формы собственности, созданы и постоянно действуют антикоррупционные комиссии.

Таким образом, следует отметить, что только при слаженном и добросовестном выполнении антикоррупционных мер, а также участии граждан в предотвращении коррупции и соблюдении ими законодательства Республики Беларусь можно добиться уменьшения выявления коррупционных правонарушений (преступлений). Надо учитывать, что именно от граждан зависит развитие коррупции, а также и борьба с ней, что, несомненно, будет положительно сказываться на функционировании всех сфер государства, поднятии доверия к государственной власти.

1. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Хотько, О.А. Противодействие коррупции : учеб.-метод. комплекс / О.А. Хотько [и др.]. – Минск : БНТУ, 2017. – С. 16.

3. Corruption Perception Index (Индекс восприятия коррупции) [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Транспаренси Интернешл. – Режим доступа: <http://www.transparency.org>. – Дата доступа: 06.05.2019.

УДК 343.98

В.А. Мискевич, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.В. Пашута*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

Законодательством Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за незаконные действия в отношении холодного и метательного оружия: незаконные ношение либо перевозка холодного (метательного) оружия, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия (ст. 296 УК) и незаконные изготовление либо сбыт холодного (метательного) оружия (ст. 297 УК). Расследование таких преступлений трудно представить без использования криминалистических средств и методов, в первую очередь направленных на обнаружение, фиксацию, изъятие, упаковку и дальнейшее исследование различных объектов, которые могут быть отнесены к категории холодного оружия.

Более глубокое понимание вопросов, связанных с криминалистическим исследованием холодного оружия, невозможно без уяснения сущности самого термина «исследование».

В логическом словаре-справочнике Н.И. Кондакова понятие «исследование» определяется как «процесс научного изучения какого-либо объекта (предмета, явления) в целях выявления закономерностей его возникновения, развития и преобразования в интересах общества».

В философском словаре под научным исследованием понимается процесс выработки новых научных знаний, один из видов познавательной деятельности.

В недалеком прошлом понятие «исследование», как правило, связывалось только со специализированной научной деятельностью. Современные тенденции развития общества и человека свидетельствуют о том, что различные исследования сегодня все чаще проникают в повседневную практику.

Современные научные исследования позволяют увидеть, где находятся резервы той или иной науки и что мешает дальнейшему ее развитию. В данном контексте исследование холодного оружия и следов его применения неразрывно связано с криминалистическим оружиеведением и зависит от его дальнейшего развития.

Исследование холодного оружия (предметов, сходных с ним) и следов его применения, владения и пользования им может быть направлено на решение следующих задач:

1) выявление признаков, свидетельствующих, что данный предмет является орудием преступления и мог применяться против определенного лица;

2) установление отдельных обстоятельств применения холодного оружия в качестве орудий преступления;

3) установление владельца орудия преступления или лица, применившего его;

4) установление принадлежности исследуемого предмета к холодному оружию или иным орудиям преступления;

5) решение вопроса о способе изготовления такого орудия.

Указанные задачи тесно связаны между собой и решаются в комплексе путем следственного и экспертного исследования орудий преступления и следов его применения.

Необходимо отметить, что исследование клинкового холодного оружия – это специальное исследование, проводимое в установленной законом процессуальной форме с составлением соответствующего заключения, в котором содержатся фактические данные о признаках холодного оружия, заменяющих и напоминающих его объектов, а также закономерности образования следов от их применения, разрабатываются средства и приемы собирания и криминалистического исследования этих объектов в качестве вещественных доказательств при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений [1, с. 162].

Основной формой фиксации холодного оружия в ходе собирания вещественных доказательств является описание таких объектов в протоколе следственного действия, где указывается:

наименование предмета, из чего он состоит, общая длина, способ крепления рукояти и клинка;

характеристика клинка: форма, размеры, цвет и магнитные свойства, количество лезвий, наличие обуха и его форма (прямой, выпуклый, вогнутый, извилистый, ступенчатый), наличие скоса обуха и его форма; расположение, форма и размеры дол; ребер жесткости; размещение и содержание маркировочных знаков;

характеристика рукояти: форма и размеры в целом; из каких частей и деталей состоит; цвет, форма, размеры, материал, магнитные свойства отдельных деталей; характер поверхности; наличие, расположение и содержание маркировочных знаков;

характеристика упора (ограничителя): форма, размеры, материал, количество и направление «рожков» и их концов;

наличие и локализация микрообъектов, иных следов на поверхности предмета;

техничко-криминалистические средства, применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия, обеспечения сохранности таких объектов;

отсутствие составных деталей, их повреждения и иные дефекты;

способ упаковки оружия.

Учитывая, что абстрактного холодного оружия не существует, а есть стандартные образцы или исторически выработанные типы, в начале исследуемый объект сравнивается с образцами из коллекции или с изображениями оружия, прошедшего сертификационные криминалистические испытания в установленном порядке, содержащимися в регулярно издаваемых сборниках информационных листов холодного, метательного оружия и изделий, конструктивно сходных с ними. Если находится аналогичный образец, то исследование продолжается, в противном случае объект может быть и не отнесен к холодному оружию. Дальнейшее исследование заключается в испытаниях на прочность, твердость и удобство удержания в руке, после успешного проведения которых объект окончательно признается холодным оружием. Следы действия холодного и метательного оружия на теле человека исследуются в рамках судебной медицинской или медико-криминалистической экспертизы, а следы на иных объектах – трасологической [2, с. 146].

Доказательством того, что предмет служил орудием преступления и мог применяться против определенного лица, является факт обнаружения:

а) крови, микрочастиц кожи, внутренних органов, волос, волокон ткани одежды на клинке или ударной части оружия;

б) частиц обломков данного орудия в повреждении;

в) соответствия размеров и рельефа ударной части орудия и размеров клинка с повреждением.

Если о способе изготовления судить трудно, а форма предмета и другие признаки говорят о том, что он может быть отнесен к холодному оружию, то назначается экспертиза холодного оружия. Следовательно может назначить и другие экспертизы для исследования следов пальцев рук на орудии, наложений на нем, повреждений, причиненных им.

Анализ специальной литературы и правоприменительной практики свидетельствует о том, что экспертиза холодного оружия должна назначаться:

а) для исследования самодельных предметов;

б) для исследования предметов иностранного происхождения;

в) для исследования стандартного холодного оружия, имеющего дефекты.

Если исследуется оружие заводского изготовления, не имеющего дефектов, следователь сам должен установить факт принадлежности предмета к холодному оружию [3, л. 50].

Исследованием холодного оружия и следов его применения приходится заниматься не только при расследовании незаконного ношения, изготовления и сбыта холодного оружия, но и в случаях, когда холодное оружие служило орудием убийства, причинения телесных повреждений и других преступлений. По мнению большинства ученых, разрабатывавших данную проблематику, исследование холодного оружия и предметов, сходных с ним, а также следов его применения может быть направлено на выполнение следующих задач:

1. Выявление признаков, свидетельствующих, что данный предмет был орудием преступления и мог применяться против определенного лица.

2. Установление некоторых обстоятельств применения орудия преступления.

3. Установление владельца орудия преступления или лица, применившего его.

4. Отнесение исследуемого предмета к холодному оружию или иным орудиям преступления.

5. Решение вопроса о необходимости назначения иных судебных экспертиз.

Одной из наиболее главных задач исследования холодного оружия является решение вопроса об относимости проверяемого объекта, который использовался при совершении преступления, к холодному оружию. Вместе с тем в ходе такого изучения решаются вопросы, связанные с механизмом его применения по оставленным следам.

Некоторые обстоятельства применения орудия преступления (взаиморасположение нападавшего и жертвы, последовательность повреждений и др.) можно установить, изучив повреждения на теле и одежде пострадавшего, а также различных микрообъектов на самом орудии преступления. Владелец орудия преступления или лицо, применившее его, устанавливается по следам рук на орудии преступления. Сведения о нем могут быть получены при обнаружении фамилии, имени, инициалов или других знаков, которые иногда вырезают, выжигают или оставляют иным способом на рукоятках ножей, кастетах [4, с. 20]. Важнейшей задачей исследования орудия преступления является установление принадлежности его к определенному типу холодного оружия.

При осмотре орудия преступления на месте происшествия необходимо соблюдать следующие основные правила:

фиксировать орудие преступления на месте происшествия с помощью узловой и детальной фотосъемки. Осуществлять его привязку к трупу или иным предметам обстановки места происшествия, ориентирам;

брать предмет в руки с соблюдением предосторожности, не оставлять свои следы на его поверхности;

обращать внимание при осмотре предмета на следы крови, микрочастицы, следы рук, запаха.

Кроме того, холодное оружие и конструктивно сходные с ним изделия осматриваются на предмет обнаружения на них следов рук, крови, волокон и др. Чтобы не повредить и не уничтожить такие следы, осмотр холодного оружия проводится в чистых резиновых перчатках, при этом надо брать его за такие части, на которых следы пальцев рук не могли остаться – ребра клинка или упора, острие клинка и торцевая часть рукоятки и т. п. Обнаружение, фиксация и изъятие названных следов проводится по общим правилам. При этом необходимо иметь в виду, что наибольшее количество микрочастиц сохраняется на основе клинка под упором, в долах, в местах зубурин и дефектов металла на плоскости клинка. Поскольку довольно часто преступники стараются уничтожить следы, оставшиеся на поверхности холодного оружия, особое внимание надо обращать на исследование внутренней поверхности чехла для него, где могут остаться частицы крови, волокна ткани одежды и др.

Кроме самого холодного оружия и конструктивно схожих с ним изделий осматриваются, описываются и изымаются следы его применения на различных предметах окружающей обстановки.

Следы холодного оружия на дереве, металле, пластмассах, резине, коже и других материалах могут быть следами давления, скольжения, разруба, прокалывания, а иногда и распила.

На теле человека следы холодного оружия могут быть колотые, резаные, рубленые, колюще-режущие, в виде разрывов ткани, ссадин и т. д. В трасологическом отношении это следы скольжения и давления, но вследствие специфики живой ткани они отличаются от следов на твердых предметах. В отличие от последних следы на теле человека менее информативны, поскольку после воздействия повреждения нередко меняют форму и размеры. Таким образом, идентификация холодного оружия по следам скольжения (разруба, разреза) на мягких тканях тела – явление очень редкое. В то же время по следам на хрящах или костной ткани есть возможность идентифицировать конкретное орудие, которым наносились телесные повреждения (проводилось расчленение

тела). В связи с этим важно принимать меры по сохранению следов повреждения на костях и хрящевой ткани. С этой целью следы разруба на костях и хрящах изымают и консервируют для чего привлекаются судебно-медицинские эксперты.

Исходя из вышеперечисленного можно сделать выводы о том, что исследование холодного оружия и следов его применения может быть направлено на решение различных криминалистических задач, важнейшими из которых являются отнесение объекта к холодному оружию, установление его вида, образца (модели), способа изготовления.

1. Букаев, Н.М. Криминалистические экспертизы (спецкурс) : курс лекций / Н.М. Букаев, А.В. Втюрин. – Томск : Печат. мануфактура, 2002. – 163 с.
2. Ищенко, Е.П. Криминалистика : учебник / Е.П. Ищенко. – М., 2014. – 146 с.
3. Подшибякин, А.С. Криминалистическое учение о холодном оружии : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Подшибякин. – М., 1997. – 50 л.
4. Семёнов, А.В. Криминалистическое исследование нетрадиционных видов оружия : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Семёнов. – Волгоград, 2003. – 20 с.

УДК 343.985

Н.Д. Молчан, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматульский

ВИДЫ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ С ДРУГИМИ СЛУЖБАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Вопросы взаимодействия оперативных подразделений с другими службами органов внутренних дел являются предметом дискуссий многих ученых на протяжении долгих лет. Так, основные его понятия, признаки были выделены в 1970-х и начале 1980-х гг. Именно данный период характеризуется глубокой научной разработкой проблем взаимодействия в органах внутренних дел между различными службами и подразделениями. Вместе с тем в работах, посвященных проблемам взаимодействия, не определен единый исчерпывающий перечень форм взаимодействия. Как по количеству, так и по содержанию они различны в зависимости от степени исследованности проблемы и личных взглядов ученых. Они представлены как в виде общих формулировок форм, так и носят более детальный характер.

Длительность и содержание взаимодействия определяют его виды и формы. В юридической литературе формы взаимодействия рассматривают как способ связи, построения и проявления согласованной деятельности оперативных подразделений с другими службами органов внутренних дел при расследовании преступлений или как способы и порядок связей между ними, которые обеспечивают согласованность их деятельности и правильное сочетание присущих каждому из этих органов полномочий, средств и методов работы. И.М. Гуткин ввел понятие процессуальных и организационных форм взаимодействия. Процессуальные он определил, как основанные на уголовно-процессуальном законе, а организационные формы взаимодействия представляют собой «конкретные способы связи, обеспечивающие их согласованное участие в уголовном судопроизводстве» [1, с. 73].

Таким образом, форму взаимодействия оперативных и иных подразделений ОВД можно определить как способ организации совместной согласованной деятельности этих лиц при раскрытии преступлений.

К процессуальным формам взаимодействия можно отнести участие сотрудников в ОРМ, а к организационным – совместную деятельность в составе следственно-оперативной группы, совместное планирование оперативно-розыскных мероприятий; обмен информацией и совместные совещания, оперативное сопровождение, а также использование материалов оперативно-розыскной деятельности в доказывании. Этот перечень организационных форм взаимодействия законодательно не закреплён и исчерпывающим не является.

В процессе организации совместной деятельности оперативных подразделений с другими службами органов внутренних дел могут складываться различные ситуации взаимодействия. Чаще всего они отличаются по субъектам взаимодействия и порядку привлечения сотрудников к совместной деятельности.

Классификация форм взаимодействия при расследовании преступлений не ограничивается их разделением на процессуальные и организационные. В качестве дополнительных классификационных оснований можно выделить:

- содержание деятельности взаимодействующих лиц;
- продолжительность взаимодействия;
- инициатор взаимодействия.

По содержанию взаимодействия можно различать формы информационные и «деятельные». Содержание информационных форм взаимодействия включает в себя обмен сведениями с последующей их совместной оценкой и определением направления использования имеющейся

информации, а также согласование предстоящих действий. К «деятельным» относятся формы определенных действий (например, проверка по массивам криминалистических учетов; составление ориентировок, субъективных портретов; проведение предварительных исследований).

Следующим основанием классификации рассматриваемых форм взаимодействия служит его продолжительность: постоянно действующие и временные. К постоянно действующим формам взаимодействия относятся следственно-оперативные группы, формируемые для раскрытия преступлений по горячим следам, а к временным – формы взаимодействия, которые используются только тогда, когда в этом есть необходимость, и обуславливаются проведением разовых мероприятий и решением небольших по объему задач: исполнение письменных поручений, участие в проведении ОРМ или следственного действия.

Часть рассматриваемых форм взаимодействия характеризуется наличием непосредственного личного контакта взаимодействующих лиц. В этом случае действуют различные формы влияния и воздействия личностей субъектов взаимодействия друг на друга. Другие же осуществляются, минуя личный контакт (по телефону, посредством направления письменных документов, сообщений и т. п.). Это позволяет сделать вывод о том, что уровень слаженности, методы организации и реализации коллективной деятельности оперативных подразделений и других служб органов внутренних дел неодинаковы, их можно подразделить на контактные и бесконтактные.

Как правило, при рассмотрении взаимодействия между узким кругом субъектов, исходя из специфики деятельности каждого, вырисовываются более частные формы взаимодействия. Реализация таких форм взаимодействия может быть неактуальной при участии в нем подразделений, имеющих иные (отличительные) особенности в осуществлении своей деятельности. Таким образом, необходимо привести основные организационно-тактические формы взаимодействия, свойственные всем подразделениям ОВД.

Анализ ведомственных нормативных актов и литературы по исследуемой проблеме позволяет сформулировать следующие основные организационно-тактические формы взаимодействия оперативных подразделений с другими службами органов внутренних дел:

совместное изучение проблем борьбы с преступностью, оперативной обстановки на обслуживаемой территории и разработка на этой основе мероприятий, направленных на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск скрывшихся преступников и без вести пропавших лиц;

согласование проводимых оперативно-розыскных мероприятий по месту, цели и времени, а также перспективное включение в планы работ мероприятий, осуществляемых с участием иных подразделений;

обмен информацией, в том числе передача оперативно значимой информации, реализация которой не входит в функциональные обязанности субъекта, в распоряжение компетентного подразделения ОВД (инициативное информирование);

участие руководителей взаимодействующих субъектов в работе штабов, следственно-оперативных групп по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений, подготовке планов проведения комплексных операций;

обеспечение силовой поддержки (группы захвата) в процессе взаимодействия;

установление личных рабочих контактов как между руководителями взаимодействующих подразделений, так и непосредственными исполнителями ОРМ;

совместное участие руководителей служб в совещаниях, семинарах, конференциях по вопросам, представляющим взаимный интерес;

анализ материалов взаимодействия, его эффективности;

направление во взаимодействующий субъект материалов, содержащих рекомендации по вопросам совершенствования взаимодействия, последующее обсуждение допущенных недостатков.

Кроме того, следует отметить, что постоянно высокий и за последние годы фактически не снижающийся уровень тяжких и особо тяжких преступлений, низкая доля их раскрываемости, неадекватность используемых в противодействии преступности сил, средств и методов ОРД обуславливают неуклонное и строжайшее соблюдение в практической деятельности таких принципов ОРД, как принципы конспирации и сочетания гласных и негласных методов и средств. Соблюдение указанных принципов, с нашей точки зрения, является обязательным условием при организации оперативной работы.

Взаимодействие оперативных подразделений с другими службами органов внутренних дел классифицируется по различным критериям.

1. По этапам – взаимодействие включает в себя организационный и тактический этапы.

Организационный этап предусматривает рабочие встречи между руководителями взаимодействующих служб, формирование целей, задач, согласование прав и обязанностей, определение порядка обмена информацией, подготовку совместных планов, заданий.

Тактический этап заключается в определении конкретных тактических приемов решения поставленных задач, выборе наиболее эффек-

тивных методов и оперативно-технических средств каждой из участвующих сторон.

Основа организационного и тактического взаимодействия – заранее составляемые планы комплексных мероприятий. В них отражаются проводимые совместные мероприятия, исполнители, сроки исполнения, формы контроля со стороны органа, координирующего совместную деятельность.

2. По характеру связей между структурами – взаимодействие может быть непосредственным и опосредованным.

Непосредственное взаимодействие предполагает установление прямых контактов между подразделениями. Примером данного вида является взаимодействие подразделений уголовного розыска с оперативно-дежурными службами ОВД.

Опосредованное взаимодействие осуществляется, как правило, через вышестоящий орган, представляющий оперативное подразделение, в интересах которого организуется взаимодействие. Например, взаимодействие по преступлениям межрегионального характера может осуществляться через главные управления МВД Республики Беларусь.

3. По времени – взаимодействие может осуществляться постоянно и временно.

Постоянное взаимодействие может иметь место в течение всей деятельности по выявлению, задержанию подозреваемого и оперативно-розыскному сопровождению процесса расследования.

Временное взаимодействие направлено на решение конкретной оперативно-розыскной задачи (обмен оперативно-розыскной информацией и др.) [2, с. 37].

4. По степени конспирации взаимодействие делится на гласное и негласное.

При реализации оперативно-розыскной функции наиболее часто используется негласное взаимодействие. Наиболее отчетливо оно проявляется при проведении совместных негласных ОРМ, оперативно-технических и иных мероприятий.

Взаимодействие гласного характера осуществляется, когда нет необходимости в обеспечении конспирации. Это возможно при проведении совместных оперативно-профилактических мероприятий, комплексных профилактических операций.

Под формой взаимодействия понимается внешнее выражение согласованности действий оперативных подразделений и других служб органов внутренних дел в целях выполнения стоящих перед ними задач.

К общим организационным формам взаимодействия относятся: совместный анализ оперативно-розыскной ситуации и принятие управленческого решения о взаимодействии:

взаимный обмен оперативно-розыскной информацией:

совместное проведение совещаний, инструктажей, учебных занятий, направленных на принятие совместных решений и выработку согласованных действий по решению задач ОРД:

проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-профилактических комплексных операций;

проведение совместных совещаний, осуществление контроля и подведение итогов по результатам взаимодействия;

издание совместных обзоров, методических рекомендаций и межведомственных подзаконных актов по вопросам взаимодействия.

Таким образом, в современных условиях борьба с преступностью во многом зависит от непрерывного взаимодействия оперативных подразделений с другими службами ОВД в целях эффективного выполнения оперативно-розыскных задач. Под взаимодействием оперативных подразделений с другими службами ОВД понимается осуществляемая на основе действующего законодательства совместная, согласованная по цели, месту и времени деятельность оперативных подразделений и других служб ОВД в интересах успешного выполнения общих для всех задач по предупреждению, раскрытию преступлений и розыску преступников.

1. Гуткин, И.М. Органы дознания и предварительного следствия системы МВД и их взаимодействие / И.М. Гуткин. – М. : Юрид. лит., 1973. – 164 с.

2. Толочко, А.Н. Вопросы классификации внешних взаимодействий оперативных подразделений органов внутренних дел / А.Н. Толочко // Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. – 2016. – № 1 (39). – С. 37–41.

УДК 343.01

И.Л. Нечаев, курсант факультета милиции
Научный руководитель – старший преподаватель
Ю.Ф. Машиалер

ПОНЯТИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ПРИЧИНЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

На сегодня белорусское уголовное законодательство состоит из множества статей, которые содержат оценочные понятия. Они имеются в Общей части уголовного закона и в Особенной. В Уголовном

кодексе Республики Беларусь часто встречаются такие оценочные понятия, как «существенный вред», «особая жестокость», «тяжкие последствия» и др.

В теории уголовного права не существует единого мнения об определении оценочных признаков уголовного закона, а их использование в уголовном законодательстве является предметом дискуссий между огромным количеством юристов из разных стран мира.

На это есть свои причины: во-первых, наибольшая суровость уголовного права по сравнению с другими отраслями, его функциональная обусловленность – решать, иногда трагически, судьбы людей; во-вторых, требование четкого и неукоснительного следования уголовному закону, предписания которого должны быть строги, ясны, точны и недвусмысленны, с чем не согласуется использование оценочных понятий.

Обозначим некоторые имеющиеся в уголовно-правовой литературе позиции относительно определения интересующей нас разновидности уголовно-правовых понятий.

В.Н. Кудрявцев считает, что оценочными являются признаки, содержание которых «в значительной мере определяется правосознанием юриста, применяющего закон, с учетом требований УК и обстоятельств конкретного дела» [1].

Т.В. Кашанина предлагает следующее определение оценочных признаков: «выраженное в норме права положение (предписание), в котором закрепляются наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения разнообразных предметов, явлений... , детально не разъясняемое законодателем с тем, чтобы оно конкретизировалось путем оценки в процессе применения права и позволяло осуществлять в пределах зафиксированной в нем общности индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений» [2, с. 8].

А.В. Наумов считает, что это оценочные понятия – это «те признаки состава преступления, которые определяются не законом или иным нормативно-правовым актом, а правосознанием лица, которое применяет соответствующую норму, исходя из конкретных обстоятельств дела» [3, с. 97].

Исследовав приведенные выше формулировки, мы сформулировали свое определение оценочных признаков: «Оценочные признаки уголовного закона – это указанные, но не конкретизированные в законе или ином нормативно-правовом акте уголовно-правовые понятия, призванные отражать не предмет в его целостности, а свойства или отношения этого предмета и предоставляющие правоприменителю свободу в их толковании».

Теперь, сформулировав понятие, следует выделить причины употребления оценочных признаков уголовного закона.

По мнению В.Н. Кудрявцева, главной объективной причиной использования в уголовном законе оценочных признаков служит чрезвычайное многообразие социально опасных предметов, свойств и явлений, требующих их учета в качестве таковых и постоянного контроля за протекающими с ними диалектическими процессами [1, с. 137].

Своего рода объективной причиной, влияющей на частоту использования оценочных признаков в уголовном законе, является, по нашему мнению, и конкретная историко-политическая эпоха жизни государства. К такому выводу позволяет нам прийти исследование нормативных правовых актов, начиная от Русской Правды и заканчивая ныне действующими нормативными правовыми актами. В ходе исследования можно заметить, что оценочные признаки, применяемые в законодательных актах одного периода времени, звучат так же, как и применяемые в актах другого периода времени, однако значение их нередко было совсем иным.

У использования оценочных признаков в уголовном праве помимо объективных причин имеются и субъективные. Основной из них выступает создание особого приема законодательной техники, необходимого для отражения в праве упомянутого выше многообразия явлений и процессов общественной жизни. Объяснением субъективной природы данной причины может служить, на наш взгляд, следующий фактор: любой прием техники законодотворчества не является прямым и неизбежным следствием существующих в праве объективных предпосылок его применения, а создается исключительно благодаря воле нормотворца, когда усилия и желания последнего вполне сознательно и мотивированно концентрируются вокруг формирования соответствующего технико-юридического инструмента. В нашем случае речь идет о законодательном использовании оценочных признаков, представляющем собой одно из так называемых «искусственных средств и технических приемов, при помощи которых жизнь в ее многообразии и разнообразии подвергается схематизации, сводится к общим показателям...» [4].

Исходя из вышесказанного мы считаем, что употребление в уголовном законодательстве оценочных признаков является принципиальной линией законодателя и не порождается исключительно объективными причинами. Последние, выражаясь в многообразии и динамичности подлежащих уголовно-правовому регулированию явлений, не влекут неизбежного законодательного применения оценочных признаков. Так, вполне обоснованно мы можем утверждать, что следует говорить не об объективной невозможности постоянного изменения уголовного законодательства, а о качественной неполноценности таких изменений,

в результате чего законодатель и прибегает к использованию в определенных пределах оценочных понятий.

Одним из оснований для целенаправленного употребления оценочных признаков (как самостоятельного приема техники законодательства) в какой-то мере также выступает и связь права, в том числе уголовного, с лингвистической наукой. Как пишет А.А. Малиновский, «Законодатель просто объективно не может точно определить оценочные понятия, даже используя при этом все богатство языка» [5, с. 271].

В свою очередь авторы одного из учебников по уголовному праву России справедливо заметили, что многие оценочные признаки жесткой формализации в вербальной форме не поддаются [6, с. 13]. В особенности это относится, на наш взгляд, к тем оценочным признакам, с помощью которых получают законодательное выражение явления, относящиеся к «нравственно-этической сфере», таким как, например, особая жестокость, унижение достоинства, неприличная форма и др.

Связь юриспруденции с лингвистикой, их обусловленность друг другом, особая важность вопросов юридической терминологии отмечались всегда. Так, Н. Полянский писал, что «неверно употребленное юристом слово, неправильно построенная фраза (а законодатель, пожалуй, самый главный и ответственный юрист в государстве) могут иногда иметь роковые последствия» [7, с. 119].

Исходя из вышесказанного нельзя согласиться с Т.В. Кашаниной, которая видит в субъективных причинах использования в праве оценочных признаков только негативную действительную, но скрытую причину: «погрешности и ошибки законодателя, недостаточную степень развития законодательной техники...» [7, с. 5]. Но если рассматривать этот фактор как причину существования оценочных признаков в уголовном праве вообще, то напрашивается не совсем утешительный вывод: наличие оценочных понятий в уголовном законодательстве независимо от количества, места их закрепления и других факторов всегда будет являться признаком низкого уровня развития законодательной техники.

Однако, очевидно, что как бы законодатель ни старался отойти от использования оценочных признаков, избежать их законодательного употребления не удастся, что объясняется другими, в том числе вышеназванными, причинами. Отсюда можно сделать вывод, что уровень законодательной техники не является обязательной причиной применения оценочных признаков.

Все вышесказанное позволяет нам говорить о том, что погрешности и ошибки законодателя, а также недостаточная степень развития законодательной техники могут быть субъективной причиной использования не всех, а лишь некоторых оценочных признаков, находя свое конкрет-

ное выражение в нарушении законодателем основополагающих требований к процессу формирования норм, их содержащих.

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что к выбору и реализации конкретных приемов законодательной техники необходимо подходить максимально внимательно и осторожно. Именно такой подход будет способствовать оптимальному использованию оценочных признаков и устранил причину их необоснованного употребления или неупотребления.

Т.В. Кашанина к субъективным причинам существования в праве оценочных понятий относит также недостаточную степень развития практики применения правовых норм, что представляется нам далеко не бесспорным [2, с. 13].

Как известно, правоприменительная практика, а также ее положительные и отрицательные стороны, находятся в прямой зависимости от качества норм, подлежащих реализации. То же самое можно сказать и о степени развития практики, изначально, на наш взгляд, обуславливаемой уровнем законодательной техники и научной теории. И именно использование оценочных признаков при конструировании уголовно-правовых норм, по нашему мнению, влияет на результативность правоприменительной деятельности, является одной из причин негативных или позитивных моментов этой деятельности, но не наоборот.

Единственным случаем, когда практика может воздействовать на использование оценочных понятий, являются результаты применения права в странах, принадлежащих к англосаксонской правовой системе. Как известно, для нее характерно признание источником права судебного прецедента, следовательно, решение вышестоящего суда по конкретному уголовному делу, содержащее в себе оценочный признак, имеет право на дальнейшее свое применение и употребление соответствующего оценочного признака другими представителями судебной власти. Но в данной ситуации речь идет не о недостаточной степени развития юридической практики, а об ее специфических особенностях по сравнению с белорусской юридической практикой. Более того, практика в данной ситуации будет фактором, влияющим на частоту использования в уголовном праве оценочных признаков, а не субъективной причиной их существования. Да и рассмотренные нами характерные черты правоприменения было бы правильнее отнести к такой группе детерминирующих обстоятельств, как обычаи и традиции законодательства в конкретном государстве.

Таким образом, мы пришли к выводу, что объективной причиной использования в уголовном законодательстве оценочных признаков является огромное количество социально опасных предметов, свойств и явлений, требующих учета в качестве таковых и постоянного контроля за протекающими с ними процессами. Если же речь идет об обуславливании

частоты законодательного закрепления оценочных признаков и иногда их толкования, то роль такого фактора выполняет, с нашей точки зрения, конкретная историко-политическая эпоха жизни государства. Еще одной объективной причиной является связь уголовного права с лингвистической наукой, возможностей которой не всегда достаточно для выражения сущности воплощенных в оценочном признаке свойств и отношений.

Субъективной же причиной употребления оценочных признаков в уголовном законодательстве является создание особого приема законодательной техники, необходимого для отражения в праве упомянутого выше многообразия явлений и процессов общественной жизни.

1. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/298310/>. – Дата доступа: 19.05.2019.

2. Кашанина, Т.В. Оценочные понятия в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Кашанина. – Свердловск, 1974. – 17 с.

3. Наумов, А.В. Применение уголовно-правовых норм : материалы следств. и прокурор.-судеб. практики / А.В. Наумов ; М-во внутр. дел СССР, Высш. следств. шк. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1973. – 174 с.

4. Кобзеева, Е.В. Оценочные признаки в Уголовном законе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Кобзеева. – Саратов, 2002. – 317 л.

5. Малиновский, А.А. Оценочные понятия в законодательстве / А.А. Малиновский, В.М. Баранов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. – Н. Новгород, 2001. – 423 с.

6. Уголовное право. Особенная часть : учебник / [Н.И. Ветров, Р.Л. Габдрахманов, В.И. Динека и др. ; отв. ред. Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов]. – М. : Новый Юрист, 1998. – 583 с.

7. Полянский, Н. О терминологии советского закона / Н. Полянский // Проблемы социалист. права. – М., 1938. – Вып. 5. – С. 118–123.

УДК 342.3 + 321.011

Д.А. Новаш, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

Е.Н. Мазаник

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Суверенитет государства определяет его самостоятельность и независимость от других государств и международных организаций, возможность осуществлять свои внутренние и внешние функции. Он проявляется в верховенстве, единстве и независимости государственной власти.

Феномен государственного суверенитета зарождался в средние века в условиях длительной борьбы королевской власти с церковью и феодалами за возможность стать единственной господствующей властью с целью установить единый понятный (справедливый) для большинства населения порядок и правила. Провозглашение суверенными других властей в рамках одной страны (государства) может привести к нестабильности в обществе, внутреннему вооруженному конфликту и нарушению целостности государства.

Суверенитет занимает важное место не только в области науки, но и является определяющим фактором в области решения многих государственных проблем.

Исторически содержание понятия «суверенитет» менялось. Развитие идеи суверенитета было тесно связано с развитием государственной жизни и самого представления о государстве.

Сама идея суверенитета занимала умы многих ученых и потребовалось много веков, чтобы сформулировать понятие суверенитета.

Научные подходы к понятию «государственный суверенитет» зависели от определенного периода истории, что привело к появлению большого количества определений суверенитета.

В разные исторические периоды появлялись новые свойства суверенитета. Можно выделить следующие основания, влияющие на содержание суверенитета: исторические события; политические условия; расположение государства на карте и его взаимодействие со странами-соседями.

В настоящее время государственный суверенитет можно рассматривать как свойство государства, которое зависит от политических условий, отражает независимость государства, тесно связано с определенным историческим этапом.

Вне зависимости от вышеуказанных признаков с XIX в. до нашего времени в литературе активно транслируется мнение о том, что власть принадлежит народу и именно от народа зависит суверенитет государства.

Рост многообразия государственных образований обусловил все «более сложные и разнообразные нормативные концепции суверенитета» [1, с. 191]. В политическом дискурсе стали активно использоваться понятия «национальный» и «общественный» суверенитет. Проблемы «национального суверенитета» чаще всего рассматриваются во взаимосвязи с суверенитетом народа как источника власти, национальным интересом и национальной безопасностью. «Общественный суверенитет» связан с развитием и функционированием гражданского общества [2, с. 4].

В рамках научных дискуссий высказываются предположения о несоответствии классического понятия суверенитета государств современ-

ным условиям. Очевидно, что государственный суверенитет является чувствительным к изменению исторических реалий и эволюционирует вместе с ними.

Возросший интерес к исследованию государственного суверенитета в юридической науке обусловлен формированием суверенных государств на посткоммунистическом пространстве, появлением сепаратистских тенденций в государствах, возникновением непризнанных государств и т. д.

Только за последние 30 лет произошли, например, такие изменения: 3 октября 1990 г. Германская Демократическая Республика (ГДР) объединилась с Федеративной Республикой Германия (ФРГ) [3, с. 3]; в 1991 г. Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) распалась на семь независимых государств [4, с. 52]; в январе 1993 г. вместо Чехословацкой Советской Социалистической Республики (ЧССР) образовались два независимых государства [5, с. 129]; начиная с 1988 г. и заканчивая 1990 г. появляются 15 независимых государств, образовавшихся после распада Союза Советских Социалистических Республик (СССР), [6] и т. д.

В XX–XXI вв. появились новые факторы, влияющие на суверенность государств. После окончания холодной войны на первый план вышла проблема обеспечения мира, что заставило суверенные образования пытаться найти баланс между эффективным внутренним правлением и требованиями международного сообщества. В целях обеспечения безопасности, развития экономики и т. д. современные государства также активно участвуют в интеграционных процессах, появляются наднациональные структуры.

Одной из проблем для суверенных государств, по мнению некоторых исследователей, стала международная миграция. В условиях развертывания глобализационных процессов индивид может освобождаться от юридических связей с государством, ранее привязывавших его к определенному месту и общности, что способствует социальной мобильности.

Каждый человек наделен правами, которые должны уважаться и защищаться государством. В условиях свободного обращения капитала, товаров, услуг и информации, а также развития миграционных процессов практикуется отмена границ. Данное обстоятельство не способствует укреплению государственного суверенитета и порождает сомнения относительно необходимости наличия института гражданства как одного из его признаков.

В последнее время у отечественных политологов возрос интерес к проблемам белорусской государственности, который во многом связан со становлением и укреплением Республики Беларусь как суверенного

государства. Исследование белорусской государственности в ее историческом контексте и на современном этапе – это не только научная задача, но и существенная составляющая формирования исторического и национального самосознания. Республике Беларусь, как и другим постсоветским государствам, пришлось формировать свою государственность, отстаивать суверенитет и отвечать на внутренние и внешние вызовы.

В конце 1980-х гг. в СССР значительно усилились дезинтеграционные процессы, что стало результатом комплекса причин внутреннего и внешнего характера и нашло свое отражение в провозглашении республиками, которые входили в состав СССР, суверенитета и независимости.

Первыми соответствующие декларации приняли прибалтийские республики – Эстония, Латвия и Литва.

27 июля 1990 г. Верховный Совет БССР принял Декларацию «О государственном суверенитете Республики Беларусь»¹. «Республика Беларусь – суверенное государство, утвердившееся на основе осуществления белорусской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение, государственности белорусского языка, верховенства народа в определении своей судьбы» [7]. Принятие Декларации свидетельствовало о том, что республика выбрала собственный путь развития, но не исключала возможности добровольного объединения вместе с другими республиками в новый союз. Декларация, принятая Верховным Советом, провозглашала верховенство Конституции БССР и ее законов на территории республики, самостоятельность и полноту государственной власти в ее границах, независимость Беларуси. Государственный суверенитет утверждался во имя свободного развития и благополучия, достойного жизни каждого гражданина. 25 августа 1991 г. Верховный Совет БССР принял решение о придании статуса конституционного закона декларации о государственном суверенитете БССР [8], принятой 27 июля 1990 г. 26 августа 1991 г. был принят Закон «Об обеспечении политической и экономической самостоятельности БССР» [9]. 19 сентября 1991 г. Верховный Совет БССР утвердил новое название страны – «Республика Беларусь», а в сокращенном варианте – «Беларусь», принял решение о введении новой государственной символики [10].

8 декабря 1991 г. в резиденции Вискули в Беловежской пуще главы Беларуси, России и Украины подписали соглашение о прекращении су-

¹ Изменения в Декларацию внесены согласно Закону Белорусской Советской Социалистической Республики «О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР» от 19 сентября 1991 г.

ществования СССР и о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) [11].

15 марта 1994 г. Верховный Совет принял новую Конституцию Республики Беларусь [12].

Сегодня в Республике Беларусь на правовое регулирование различных аспектов суверенитета направлены многочисленные нормативные правовые документы. Так, суверенитет прямо либо косвенно упоминается в значительном числе различных по юридической силе актов [13, с. 90]. Республика Беларусь является участником многочисленных международных документов, направленных на регулирование отдельных аспектов суверенитета. Как политико-правовой термин суверенитет упоминается достаточно часто и в законодательстве Республики Беларусь [13, с. 90].

Суверенность Республики Беларусь определяет также ст. 1 Конституции:

«Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство.

Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику.

Республика Беларусь защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок».

Как видно на примере Республики Беларусь, современные государства собственным суверенитетом могут закреплять в национальном законодательстве.

Содержание понятия «государственный суверенитет» трансформировалось в соответствии с происходящими историческими событиями. Современные вызовы и угрозы суверенности государств в настоящее время в значительной степени обусловлены процессами глобализации.

Государственный суверенитет можно рассматривать как свойство государства, которое зависит от политических условий, отражает независимость государства, тесно связано с определенным историческим этапом.

1. Тимофеев, И.Н. Модели и концепции суверенитета: конкуренция в пространстве и времени / И.Н. Тимофеев // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз.* – 2008. – № 3 (50). – С. 187–196.

2. Грин, С.А. Государство и общественный суверенитет / С.А. Грин. – *Pro et Contra.* – 2006. – Т.10. – № 1 (31). – С. 25–39.

3. Hardt, M. *Empire* / M. Hardt, A. Negri. – Cambridge (Mass); L.: Harvard Univ. press, 2001. – 478 s.

4. Суверенитет. Трансформация понятий и практик / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: Изд. МГИМО(У) МИД России, 2008. – 228 с.

5. Ахтамзян, А.А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия / А.А. Ахтамзян. – М.: Библос консалтинг, 2010. – 386 с.

6. К союзу суверенных народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soveticus5.narod.ru/85/sborn91.htm#p244>. – Дата доступа: 22.03.2019.

7. Декларация «О государственном суверенитете Республики Беларусь», 27 июля 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://library.by/portalus/modules/belorussianlaw/referat_readme.php?subaction=showfull&id=1095927718&archive=&start_from=&ucat=&. – Дата доступа: 22.03.2019.

8. О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 25 авг. 1991 г., № 1017-ХІІ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

9. Об обеспечении политической и экономической самостоятельности Белорусской ССР [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Белорусской ССР, 4 сент. 1991 г., № 343 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

10. О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 19 сент. 1991 г., № 1085-ХІІ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

11. Ельцин, Б.Н. Мы обречены быть вместе: интервью Рос. газете // Рос. газета. Федер. выпуск. – 2006. – 7 дек. – № 4242.

12. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 24.06.2019.

13. Шавцова-Варфоломеева, А.В. Теоретические основы государственного суверенитета Республики Беларусь, его правовое обеспечение / А.В. Шавцова-Варфоломеева. – Минск: БГУ, 2016. – 183 с.

УДК 343.985

К.О. Пинчук, студентка факультета права
Научный руководитель – *С.А. Войтихович*

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Коррупция и взяточничество – это проблема всего мира. Сегодня коррупция – проблема коррумпированных стран и тех государств и компаний, которые их коррумпируют.

Опыт стран, создавших механизмы, ограничивающие воздействие коррупции до масштабов, не представляющих реальной угрозы для работы государственного аппарата (Дания, Финляндия, Испания и др.), показывает, что эффективный результат в борьбе с коррупцией дает использование такой последовательности действий:

целенаправленная законодательная работа, которая должна включать: формирование и целевое финансирование новых антикоррупционных органов, обеспечение полной прозрачности данных о реальных владельцах финансовых учреждений, финансов политических партий и избирательных кампаний, раскрытие данных государственных реестров;

разработка подробного плана действий правительства в области борьбы с коррупцией с привлечением общественности и средств массовой информации;

тщательная кадровая работа, которая дополнит новую антикоррупционную структуру высококвалифицированных специалистов и успешно запустит их работу;

проведение регулярных проверок деятельности государственных служащих всех рангов путем сопоставления их стиля жизни с задекларированным имуществом и доходами [1].

США – один из основных игроков в борьбе с коррупцией не только внутри страны, но и на международной арене, так как данное государство обладает большим опытом борьбы с коррупцией.

Так, в конце 1960-х гг. в США решили бороться с коррупцией интересным способом. В частности, ФБР был разработан и успешно реализован проект, получивший название «Шейх». Предпосылкой разработки вышеуказанного проекта явилась распространенная в то время ситуация, когда под видом посредников арабских миллионеров, тесно связанных с коррупционными сетями, выступали действующие сотрудники ФБР, которым многие высокопоставленные государственные американские служащие давали взятки за продвижение своих интересов. В результате проведенной операции ФБР удалось задержать более двухсот чиновников за совершение коррупционных преступлений [1].

В целом властями США приняты антикоррупционные законы, благодаря которым создан действенный механизм противодействия преступным проявлениям со стороны предпринимателей и чиновников. Кроме того, законодательство США, посвященное противодействию коррупции, предусматривает возможность привлечения к ответственности зарубежные предприятия, акции которых котируются на американской фондовой бирже [1].

Одной из самых коррумпированных стран мира долгое время являлась Грузия, которая до 2003 г. была одной из первых в мире по уровню взяточничества и бюрократизма в правительстве по всем показателям. Особенно сильно прогрессировало взяточничество в Городской инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД), высшем образовании, в сферах таможни, энергетики и юстиции.

После «революции роз» и президентских выборов января 2004 г. новые власти во главе с президентом Михаилом Саакашвили провозгласили политику, которая носила название «нулевой терпимости» к коррупции и преступности. В рамках проводимой указанной выше политики был проведен ряд реформ, которые позволили сократить значительное количество министерств и госслужащих, обновить профессиональные кадры, повысить зарплаты госслужащих в 10–15 раз. В результате действия Михаила Саакашвили получили одобрение у значительной части населения, хотя и вызвали недовольство у тех госслужащих, которые попали под сокращение [2].

Кроме того, в рамках борьбы с коррупцией с 2004 по 2005 г. был принят ряд законодательных актов, упрощающих процедуру задержания должностных лиц, подозреваемых в коррупции, и предусматривающих конфискацию их имущества, если они не могут доказать законность его приобретения.

На протяжении 5–7 лет были проведены реформы, в частности в Министерстве внутренних дел, государственной и гражданской регистратуре, системе образования. Реформа одной из самых коррумпированных систем в Грузии – дорожной полиции – была проведена моментально и радикально – уволено более 15 000 сотрудников и сформирована совершенно новая структура – патрульная полиция. Отбор сотрудников в эту структуру проводился тщательнейшим образом. Полиция получила самое современное оборудование, ее сотрудники обеспечены хорошей по местным меркам заработной платой – в 5–6 раз больше, чем раньше. Министерство внутренних дел создало Генеральную инспекцию, отвечающую за внутреннее служебное расследование случаев взяточничества [2].

Реформы проводились и в таможенном департаменте, где до 2004 г. уровень коррупции был очень высоким. В этой системе были произведены многочисленные кадровые изменения, аресты сотрудников, причастных к правонарушениям, о чем широко сообщалось в средствах массовой информации. Были случаи, когда в ряде пунктов таможенного контроля практически все сотрудники были уволены, значительная часть из них арестована и привлечена к уголовной ответственности [3, с. 69].

Однако, несмотря на то обстоятельство, что значительная часть граждан Грузии признает успехи в борьбе с коррупцией, многие считают, что прогресс в борьбе с коррупцией повлек за собой падение уровня жизни большинства населения.

Одной из развитых стран, которые смогли успешно противодействовать коррупции, является Сингапур. Всего за 40 лет Сингапур превратился из отсталой азиатской страны в развитую мировую державу. Ключом к успеху явилась борьба с коррупцией. В момент обретения независимости (1965 г.) Сингапур был в плачевном состоянии – нищета большинства населения, казнокрадство и взяточничество стали неотъемлемой частью жизни государства. Стране не хватало природных ресурсов – приходилось импортировать даже пресную воду и строительный песок. Несмотря на то что от британских колониальных властей сингапурцы унаследовали эффективную систему управления, она была бессильна против коррупции в Сингапуре. Борьба со злоупотреблениями в органах власти сильно осложнялась тем, что многие высшие должностные лица были вовлечены в различные коррупционные схемы. Формированию коррупции также способствовали скромные заработки государственных служащих в сравнении с работниками различных отраслей промышленности. Значительная часть населения имела крайне низкий уровень образования и правовой культуры. В подобной ситуации взятки были единственным способом увеличить свое богатство.

Ли Куан Ю откорректировал положение в стране. Со своей партией «Народное действие» в июне 1959 г. он победил на выборах и занял пост премьер-министра. «Группа буржуазных, получивших английское образование, лидеров» – как называла себя новая партия – сразу приступила к наведению порядка в социальной, правовой и экономической сферах. Отношение, с которым Ли Куан Ю начал свои реформы, лучше всего характеризует его заявление: «Хочешь победить коррупцию, будь готов отправить за решетку своих друзей и родственников» [4].

Таким образом руководитель страны уравнивал всех перед законом, неважно кто нарушал закон чиновник среднего звена или член парламента. По мнению нового правительства, для того, чтобы совладать с должностными преступлениями, необходимо было ликвидировать привычную схему: власть – деньги – коррупция. С этой целью Министерство финансов разработало специальную антикоррупционную программу, которая включала ряд мер. Вот некоторые из них:

обеспечение прозрачности контроля нижестоящих чиновников вышестоящими чиновниками;

сохранение ротации должностных лиц во избежание формирования коррупционных связей;

проведение незапланированных проверок;

усовершенствование процедур взаимодействия с гражданами и организациями во избежание бюрократических проволочек.

Партия Ли Куан Ю также заботилась о развитии независимых и объективных средств массовой информации, которые бы объективно освещали все коррупционные скандалы.

Одной из важнейших мер по эффективной борьбе с коррупцией является увеличение заработной платы должностных лиц. Формула заработной платы чиновников до сих пор работает и выглядит следующим образом: уровень заработной платы гражданского служащего определялся как $\frac{2}{3}$ дохода работников частного сектора сопоставимого ранга [4].

Правительство Сингапура при участии премьер-министра Ли Куан Ю организовало Бюро расследований случаев коррупции (БРК), которое в народе называли «бюро расследований заразной жадности». Директор Бюро непосредственно отвечал перед премьер-министром страны за свою деятельность. Основными функциями БРК являются рассмотрение жалоб на злоупотребления служебным положением, халатности и взяточничества, совершенные государственными служащими и было наделено авторитарными полномочиями. Оно имело право без решения суда задерживать и обыскивать подозреваемых в коррупционной деятельности, контролировать их банковские и долевого счета. Кроме того, БРК также могло вести дело в отношении близких родственников подозреваемого, вызывать на допрос любых свидетелей и расследовать правонарушения, возникающие в ходе расследования дела. БРК имело право привлечь к ответственности абсолютно любого гражданина независимо от его статуса, ранга и вероисповедания. Чиновник, который был осужден за коррупцию, терял работу, пенсию и все льготы.

Коррупция не обошла стороной и Армению. Одной из главных коррупционных проблем страны является слияние бизнеса и власти. Армения имеет небольшой рынок, а проблема коррупции препятствовала инвестициям и экономическому развитию страны.

С 2012 г. Армения прошла первый этап борьбы с коррупцией, который заключался в распространении информации об имуществе государственных должностных лиц и динамике этого имущества. Однако серьезных шагов по снижению уровня коррупции, к сожалению, сделано не было.

Одной из самых коррумпированных стран Европейского союза (ЕС), по мнению Европейской комиссии, является Болгария, экономика которой устанавливает «чрезмерный дисбаланс» в экономике всего союза [5].

В результате рейдов, проведенных в трех болгарских городах – София, Бургас и Ямбол, были задержаны три высокопоставленных чиновника, которые подозреваются в нецелевом использовании средств из фондов ЕС.

На данный момент Болгария остается одной из беднейших стран ЕС. Согласно данным, опубликованным официальным статистическим управлением ЕС, Болгария является страной, где 41,3 % населения находятся на двух позициях – на грани бедности или социальной изоляции. Наиболее уязвимыми группами, испытывающими страдания от нищеты, являются дети, цыгане, низкоквалифицированные рабочие и сельские жители [6, с. 53].

Надежда на успех в борьбе с коррупцией будет реализована только в том случае, если все коррупционные схемы будут полностью разрушены, а люди, которые их возглавляют, независимо от их ранга и места в иерархии власти, предстанут перед судом.

Таким образом, анализ, проведенный между пятью разными странами, свидетельствует о том, что Сингапур проводит наиболее эффективную антикоррупционную политику. Авторитарными методами правительство держит под контролем бюрократию, успешно справляется с задачей предупреждения коррупции, что обеспечивает положительный инвестиционный климат в Сингапуре. Опыт других стран в противодействии коррупции позволит сформировать представление об основах передовой национальной антикоррупционной стратегии, развитие которой необходимо в Республике Беларусь сегодня.

1. Рейтинг коррупции в США за 1995-2017 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tradingeconomics.com/united-states/corruption-index>. – Дата доступа: 26.06.2019.

2. Доронин, Л. Собственники против менеджеров. Кто кого? [Электронный ресурс] // Интернет-газета. – БДИ. – № 4. – 2001. – Режим доступа: <http://www.oxraha.ru>. – Дата доступа: 25.06.2019.

3. Андрианов, В.Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: история и современность / В.Д. Андрианов. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 248 с.

4. Как Ли Куан Ю победил коррупцию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nlomir.ru/newnews/33181-kak-li-kuan-ju-pobedil-korrupciju-4-foto.html>. – Дата доступа: 25.06.2019.

5. Закон о коррупции за рубежом [Электронный ресурс] / Министерство юстиции Соединенных Штатов. – Режим доступа: [https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act](https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrrupt-practices-act). – Дата доступа: 23.06.2019.

6. Голубовский, В.Ю. Противодействие коррупции / В.Ю. Голубовский. – М.: Дашков и К°, 2018. – 88 с.

УДК 343.4

Н.В. Поливода, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *К.Д. Сазон*

ГРАЖДАНСТВО В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ ДОГОВОРА О СОЗДАНИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Изучая проблемы гражданства, можно заметить, что белорусские и российские ученые посвятили им немало своих трудов. Среди отечественных авторов, которые наиболее детально занимались этой проблемой, можно назвать А.А. Головки [1] и О.И. Чуприс [2].

Е.С. Смирнова в своей работе отмечает, что «гражданство представляет собой правовую связь, имеющую в своей основе социальный факт принадлежности, подлинной связи интересов и чувств, а также наличие взаимных прав и обязанностей» [3, с. 16].

В юридической литературе гражданство обычно определяют как устойчивую «политико-правовую связь человека с государством, в соответствии с которой на него распространяется суверенная государственная власть как в пределах государства, так и вне его границ» [4, с. 90]. Некоторые ученые, определяя гражданство, делают акцент на правовой связи [5, с. 100–101]. Однако наиболее верными представляется вышеуказанная позиция Д.М. Демичева, а также мнение Р.И. Кулика, согласно которым гражданство не сводится только к правовой связи, поскольку гражданин – «это фигура не столько юридическая, сколько политическая, активно влияющая на осуществление государственной власти» [6, с. 15].

В некоторых источниках гражданство определяют, наряду с возникающей правовой связью, как «принадлежность лица к определенному государству» [7, с. 189]. Следует поддержать критическую оценку С.А. Авакьяном такого определения, «поскольку оно отражает как бы зависимость лица от государства» [8, с. 512].

К.Н. Кунцевич дал свое определение понятию «гражданство». В соответствии с ним «гражданство – это правовой институт, характеризующий взаимоотношения человека с государством, под юрисдикцией которого он находится, независимо от того, проживает лицо на территории данного государства или находится вне его пределов» [9, с. 71].

Гражданство является одним из важнейших элементов правового статуса личности, а также главной предпосылкой обязанности государства защищать права и свободы личности [10, с. 3].

Институт гражданства имеет свои особенности, обусловленные суверенным правом государства определять статус лиц, являющихся его гражданами. Соответствуя международной практике и общепризнанным принципам и нормам права, Республика Беларусь и Российская Федерация, как, впрочем, и все современные государства, обладают всеми атрибутами, которые свидетельствуют о том, что государство является суверенным. Одним из этих атрибутов и является гражданство. Имея свое гражданство, государство подчеркивает и заявляет о том, что оно имеет свой народ и становится демократическим, в котором права, свободы человека отныне защищаются государством, гражданином которого они становятся.

Необходимо также отметить, что институт гражданства основывается на некоторых принципах. Принципы гражданства – основные положения, определяющие его существенные черты и содержание:

- гражданство является единым независимо от национальности;
- гражданство является равным независимо от оснований его приобретения;
- гражданство имеет открытый и свободный характер;
- гражданин не может быть лишен своего гражданства;
- защита государством своих граждан, находящихся за пределами страны.

Правовой основой существования Союзного государства является Договор от 8 декабря 1999 г. о создании Союзного государства (Договор) [11]. Институт гражданства Союзного государства закреплен в Договоре, в котором закреплено, что граждане государств-участников одновременно являются гражданами Союзного государства. Декларировано также, что граждане Союзного государства пользуются равными правами и несут равные обязанности на территории другого государства-участника, если иное не предусмотрено законодательными актами этих государств и договорами между ними.

В соответствии с Договором институт гражданства является правовой реальностью. Это значит, что между гражданами России и Беларуси возникает устойчивая правовая связь, которые с момента вступления данного Договора в силу являются гражданами Союзного государства.

Важнейшей особенностью союзного гражданства является то, что оно не затрагивает сущности национальных гражданств. Основные вопросы гражданства, а именно вопросы приобретения и прекращения гражданства как России, так и Беларуси регулируются исключительно их национальными нормативными правовыми актами.

Стоит также учитывать то, что на данный момент Союзное государство нельзя охарактеризовать как государство, так как оно является

межгосударственным образованием. Гражданство Союзного государства граждане государств-участников получают автоматически, т. е. без обращения в какие-либо уполномоченные органы.

Институт гражданства значительно усложнился, приобрел новую окраску и черты, что во многом обусловлено расширением сферы международных отношений Беларуси как со странами Содружества Независимых Государств, так и с другими государствами мира. Не являются исключением и интеграционные процессы, протекающие в рамках Союзного государства Беларуси и России. Они затрагивают широкий круг проблем гражданства, которые все чаще приобретают международную значимость. От их разрешения зависят экономические, политические, социальные, этнографические и другие вопросы, касающиеся интересов не только отдельных личностей, но и целых групп людей, широких слоев населения и государства в целом.

Основные положения Договора о создании Союзного государства направлены на неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права.

Президенты государств-участников не раз в своих выступлениях подчеркивали, что россияне и белорусы не должны являться иностранцами друг для друга. Тем самым органы государственной власти проводят планомерную работу в целях обеспечения равных прав граждан Беларуси и России.

Правовой основой для обеспечения реального равенства прав граждан Беларуси и России наряду с Договором о создании Союзного государства является Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан от 25 декабря 1998 г.

В целях урегулирования ряда наиболее острых вопросов обеспечения равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках заседания Высшего Государственного Совета Союзного государства 24 января 2006 г. в Санкт-Петербурге были заключены:

Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения;

Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников Союзного государства;

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке оказания медицинской помо-

щи гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь и гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения Российской Федерации;

Протокол к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и имущество от 21 апреля 1995 г.

Республика Беларусь и Российская Федерация выработали в национальном законодательстве нормативные правовые акты, регулирующие вопросы в сфере гражданства. Республика Беларусь приняла Закон Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь», а Российская Федерация выработала Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», которые, как сказано в Договоре, призваны регулировать порядок приобретения и прекращения гражданства Союзного государства.

Институт гражданства Союзного государства приобретет новую окраску с момента принятия союзного нормативного правового акта, регулирующего вопросы, связанные с гражданством Союзного государства. Анализ положений Договора позволяет нам заключить, что Союзное государство нацелено на разработку единого союзного акта в области гражданства, так как в нем сказано, что государства-участники регулируют вопросы приобретения и утраты гражданства до момента принятия единого союзного акта в области гражданства.

Сохранение устойчивых связей между двумя государствами – объективный интерес их граждан, ранее связанных единством гражданства Союзного государства и вытекающим из него полным равноправием. В процессе правовой интеграции государств – участников Союзного государства наиболее актуальным становится вопрос о гармонизации национального законодательства о гражданстве.

1. Головкин, А.А. Человек, личность, гражданин / А.А. Головкин. – Минск : Беларусь, 1982. – 80 с.

2. Чуприс, О.И. Конституционно-правовые проблемы гражданства в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / О.И. Чуприс. – Минск : БГУ, 1998. – 20 с.

3. Смирнова, Е.С. Международно-правовые проблемы гражданства стран СНГ и Балтии в свете европейского опыта / Е.С. Смирнова. – М. : Notabene, 2001. – 343 с.

4. Демичев, Д.М. Конституционное право / Д.М. Демичев. – Минск : Выш. шк., 2004. – 663 с.

5. Баглай, М.В. Малая энциклопедия конституционного права / М.В. Баглай, В.А. Туманов. – М. : БЕК, 1998. – 506 с.

6. Кулик, Р.И. Закон о гражданстве СССР / Р.И. Кулик. – М., 1980. – 96 с.

7. Чудаков, М.Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / М.Ф. Чудаков. – Минск : Новое знание, 2001. – 573 с.

8. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Т. 1 / С.А. Авакьян. – М. : Юрист, 2005. – 719 с.

9. Кунцевич, К.Н. Конституционное право Республики Беларусь / К.Н. Кунцевич. – Минск : Молодеж. науч. о-во, 2006. – 165 с.

10. Блинов, А.Б. Гражданство России: проблемы и перспективы / А.Б. Блинов // Конституц. и муницип. право. – 2002. – № 4. – С. 3–4.

11. Договор «О создании Союзного государства» (Москва, 8 декабря 1999 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 7.

УДК 343.985:343.132.3

Н.Д. Попков, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – *О.В. Савчук*

ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО НАБЛЮДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. (Конвенция), явилась результатом объединения усилий государств в выработке единых подходов к борьбе с преступностью.

В ст. 20 Конвенции предусмотрена обязанность государств-участников применять специальные методы расследования преступлений (если это допускается основными принципами внутренней правовой системы государства и на условиях, установленных его внутренним законодательством). В соответствии с указанной нормой к специальным методам расследования относятся: контролируемая поставка, электронное наблюдение и другие формы наблюдения, агентурные операции [1].

Республика Беларусь как государство – участник Конвенции приняла необходимые меры к реализации указанных специальных методов расследования в национальном законодательстве. Среди прочих в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон) законодатель закрепил возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) «контроль в сетях электро-связи» и «наведение справок» [2].

ОПМ «контроль в сетях электросвязи» представляет собой получение, преобразование и фиксацию с помощью технических средств данных и сообщений, принимаемых, передаваемых, обрабатываемых, хранящихся в сетях электросвязи, прерывание соединений в сетях электросвязи с одновременным установлением абонентских номеров и (или) уникальных кодов идентификации абонентов (пользователей услуг электросвязи) и (или) их местонахождения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности (ст. 31 Закона).

Проведение ОПМ «контроль в сетях электросвязи» допускается только с санкции прокурора или его заместителя на основании мотивированного постановления соответствующего органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в рамках дела оперативного учета и при наличии информации: о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления; лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление; событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь (ч. 5, 9 ст. 19 Закона).

Срок проведения ОПМ «контроль в сетях электросвязи» исчисляется в сутках со дня санкционирования постановления прокурором или его заместителем и не может превышать 90 суток (ч. 1 ст. 41 Закона). В случае необходимости этот срок может быть продлен до 180 суток прокурорами областей, г. Минска или их заместителями. Дальнейшее продление сроков может быть осуществлено в исключительных случаях заместителями Генерального прокурора Республики Беларусь на период до 365 суток и Генеральным прокурором Республики Беларусь или лицом, исполняющим его обязанности, – до 545 суток (ч. 2 ст. 43 Закона).

Таким образом, в Законе определены основания, условия, сроки проведения указанного ОПМ. Однако следует отметить, что содержание ОПМ «контроль в сетях электросвязи» в Законе не установлен. В этой связи представляется необходимым рассмотреть отдельные аспекты осуществления рассматриваемого мероприятия.

В настоящее время ввиду развития информационных технологий возникает возможность отслеживать местонахождение лица, используя идентификационные данные мобильного устройства, которое находится у него в пользовании. Так, особенности функционирования мобильных сетей GSM подразумевают определение местонахождения мобильного устройства для осуществления передачи данных [3]. Сразу после включения мобильное устройство осуществляет поиск ближайших базовых

станций и прослушивает эфир в поисках доступных сот. Современное мобильное устройство может прослушивать до 16 каналов. Из их числа, как правило, определяется 6, которые наиболее удовлетворяют по энергетическим затратам и качеству сигнала. Однако в каждый момент времени мобильное устройство работает только с одной. У любой из сот есть свой уникальный номер (CellID). При этом все базовые станции объединены в группы. В большинстве случаев принадлежность базовой станции к группе определяется их местоположением, и чтобы их можно было идентифицировать, каждой группе присваивается уникальный номер – Location area code (LAC). Вместе параметры CellID и LAC работают как идентификаторы базовой станции, на которой зарегистрировано и работает мобильное устройство. Именно используя эти параметры мобильное устройство идентифицирует себя в сети и оперативные подразделения, имея доступ к данным базовых станций, обладают возможностью отследить местонахождение мобильного устройства в режиме реального времени. Безусловно, данные действия могут производиться только в рамках ОПМ «контроль в сетях электросвязи» при наличии основания и соблюдении условий его проведения [4, с. 51].

Представляется интересным также использование трекеров системы глобального позиционирования (Global Positioning System – GPS). На сегодня можно выделить две группы GPS-трекеров: аппаратные (отдельные устройства); программные (приложения для мобильных устройств). В настоящее время существует большое разнообразие аппаратных GPS-трекеров. Для примера рассмотрим «ГДЕ МОИ».

«ГДЕ МОИ» – это небольшое устройство для спутникового слежения за различными объектами. Положив GPS-трекер, например, в бардачок автомобиля можно в режиме удаленного доступа следить за перемещением автомобиля в пространстве. С помощью спутниковой системы позиционирования указанное устройство вычисляет координаты и скорость движения и тут же передает полученные данные наблюдателю через GPS-канал сотовой связи (для этого в устройство необходимо вставить SIM-карту).

В качестве примеров программных GPS-трекеров выступает большое количество программ, доступных в магазине приложений ОС Android. В большинстве случаев данные приложения являются спортивными GPS-трекерами, однако они могут быть также использованы в целях оперативно-розыскной деятельности. Большинство подобных приложений имеют возможность считать километраж пройденного пути, рисовать маршруты и формировать статистику. Наиболее распространенными

ми из них являются: Runkeeper; Endomondo; Adidas miCoach; Runtastic; Sports Tracker [5, с. 183].

Изложенное позволяет сделать вывод, что данные приложения можно также использовать в рамках проведения ОРМ «контроль в сетях электросвязи» и электронного наблюдения.

Таким образом, представляется, что рассмотренные способы позволяют расширить возможности электронного наблюдения в Республике Беларусь в рамках проведения ОРМ «контроль в сетях электросвязи». Однако в настоящее время оперативными подразделениями используется не весь спектр возможностей указанного института оперативно-розыскной деятельности, что в свою очередь снижает эффективность их работы.

Рассматривая ОРМ «наведение справок», следует отметить, что оно представляет собой направление гражданину или организации письменного запроса в целях получения сведений, связанных с профессиональной деятельностью этого гражданина, или сведений, которыми располагает эта организация, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности (ст. 22 Закона).

Представляется, что в специальной литературе недооцениваются возможности электронного наблюдения посредством проведения ОРМ «наведения справок». Так, при использовании разрабатываемым лицом для связи таксофонных карт и наличии у оперативного сотрудника этой карты или ее идентификационного номера представляется возможность направления запроса в соответствующую организацию для получения сведений о номере таксофона, его местонахождении, дате и времени соединения; месте продажи (распространения) таксофонных карт; дате активации таксофонных карт, их истории (когда, с каких таксофонов, на какие абонентские номера осуществлялись звонки).

При использовании лицом электронного проездного документа (ЭПД) в общественном транспорте и наличии у оперативного сотрудника его номера или самого документа представляется возможность наведения справок по данному проездному. Так, оперуполномоченный вправе запросить в ГП Минсктранс информацию о виде общественного транспорта, на котором производился контакт ЭПД с валидатором, его регистрационных номерах; номере маршрута данного транспортного средства; времени контакта ЭПД с валидатором общественного транспорта. В случае использования лицом для передвижения метрополитена представляется возможность установления станции, на которой осуществлялся контакт ЭПД с системой контроля доступа и времени этого контакта.

Существует возможность наведения справок в отношении лица в связи с его посещением игорных заведений. Так, при направлении запроса в Мониторинговый центр по игорному бизнесу может быть получена информация, касающаяся факта нахождения лица в заведениях игорного бизнеса.

При раскрытии краж личного имущества граждан оперативный интерес представляет информация об обращениях в ломбард лиц, совершающих указанные преступления и их связей, поскольку таким образом часто сбывается краденое. Поскольку операция предоставления гражданину краткосрочного займа отражается в его кредитной истории, она может быть получена по обращению в соответствующее подразделение Национального банка. Направив таким образом запрос в отношении лица, причастного к совершению краж и его связей, позволит установить место и время совершения им соответствующей операции.

Таким образом, изложенное позволяет говорить о том, что в законодательстве Республики Беларусь достаточно полно отражены рекомендации ч. 1 ст. 20 Конвенции в части такого специального метода расследования, как электронное наблюдение. Вместе с тем эффективность использования Конвенции в качестве основания для оказания содействия будет более эффективной при закреплении в национальном законодательстве содержания указанного понятия.

Электронное наблюдение посредством наведения справок представляет широкий спектр возможностей, недостаточно используемых в практической деятельности. Представляется, что развитие возможностей данного вида электронного наблюдения может повысить эффективность работы оперативных подразделений.

1. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 мая 2003 г., № 195-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3. – Минск : Амалфея, 2018. – 59 с.

3. По следам мобильного телефона. Геолокация с помощью сотовой сети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habrahabr.ru/company/megafon/blog/167905/>. – Дата доступа: 15.05.2019.

4. Датьев, А.О. Информационные системы для извлечения данных о перемещениях мобильных устройств / А.О. Датьев, А.С. Шемякин // Тр. кол. науч. центра РАН. Автоматика. Вычисл. техника. – 2013. – С. 46–63.

5. Шматов, М.А. Использование электронных средств при раскрытии и расследовании экономических преступлений / М.А. Шматов, В.М. Шматов // Вестн. Волгогр. Акад. МВД России. – 2012. – № 2 (21). – С. 182–186.

М.А. Рудый, выпускник магистратуры Академии МВД
Республики Беларусь
Научный руководитель – кандидат юридических наук
О.В. Гиммельрейх

ВИДЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ, ПРИНИМАЕМЫХ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, И КРИТЕРИИ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

Несмотря на наличие типичных свойств всякого управленческого решения безотносительно к основаниям его возникновения, содержанию и сферам применения, места и функционального назначения в управленческом процессе, решения, существующие в механизме социального управления, очень многообразны и по своему характеру неоднородны, издаются разными звеньями управления. Для них имеется множество различных причин и оснований, они распространяются на самые разные объекты и регулируют различные общественные отношения и взаимосвязи, возникающие во всех сферах общественной жизни. Классификация управленческих решений представляет собой способ упорядочения многообразия принимаемых в практике управленческой деятельности ОВД решений с учетом объекта приложения и повторяемости. Она позволяет не только ввести фактор упорядоченности в существующее множество решений, но и обнаружить те тенденции, которые характеризуют развитие, как всего комплекса решений, так и отдельных их разновидностей, динамику соотношения их между собой.

Наиболее широкий подход к проблеме выражен в работе В.Г. Афанасьева, который подразделяет решения в зависимости от степени охвата и сложности регулируемых отношений и объекта, для которого они предназначены; от длительности времени, в пределах которого эти решения действуют; по их значению и роли в развитии общества; по объему и направленности содержащихся в решениях указаний и рекомендаций и, наконец, по степени обязательности выполнения решений ответственными лицами [1, с. 198–200]. И.П. Шадрин также выделяет типы управленческих решений в зависимости от их объекта, степени сложности и масштабности, в зависимости от субъекта, принимающего решения, от длительности их действия и социальной значимости содержащихся в них мероприятий [2, с. 203–209]. Собственные подходы к определению видового разнообразия и критериев классификации управленческих решений предложили Б. Гурней [3, с. 125–131], Ю.А. Тихомиров

[4, с. 36–51], Р.А. Фатхутдинов [5, с. 16–18] и др. Заслуживает внимания типология управленческих решений, предложенная Л.А. Трофимовой: объектное решение, коммуникационное решение, организационное решение [6, с. 21–24].

В соответствии с имеющимися в научно-теоретической литературе классификациями решения делятся на виды, исходя из следующих критериев: по субъекту его принятия, функциональному назначению, характеру решаемых задач, формам юридического закрепления, времени действия решения, характеру целей, причинам возникновения, в зависимости от повторяемости проблемы и т. д.

Иллюстрацией к традиционным классификациям, существующим в теоретических источниках, может служить классификатор решений, составленный по результатам их обобщения исследователем В.К. Русаковым и помещенным в приложение № 1 своей диссертационной работы [7, л. 23, 181–182]. Применительно к деятельности ОВД такого рода классификации предложили А.П. Леонов [8, с. 248–250] и Н.В. Бугель [9, с. 132–135].

Остановимся лишь на тех классификациях, которые либо не приведены в указанных классификаторах, либо нуждаются в дополнениях (уточнениях), предопределенных социально-экономическими изменениями в обществе и наметившимися тенденциями в практике принятия и исполнения управленческих решений в ОВД.

Применительно к среде функционирования ОВД имеет смысл привести относительно новые классификации, основаниями которых выступают: *степень обязательности исполнения решений подчиненными; стиль принятия решений; степень участия в принятии решений подчиненных; наличие условий, связанных с определением риска, вызванного их принятием* [5, с. 6–18; 10, с. 281–285].

По степени обязательности исполнения управленческих решений объектом управления обычно выделяют три вида. *Императивные или директивные* решения всегда обязательны для исполнения. *Рекомендательные решения* готовятся совещательными органами – различного рода комитетами или комиссиями. Их исполнение желательно, но не обязательно, поскольку те, к кому эти решения относятся, не подчиняются тем, кто их принимает. *Ориентирующие или диспозитивные* решения представляют собой подготовленную субъектами управления информацию для находящихся на значительном удалении от них объектов управления, на основании которой те сами могут принять соответствующие решения [11, с. 283]. Данная классификация управленческих решений определяет различные их виды в зависимости от воли субъек-

екта управления. Однако степень исполнения решений зависит и от других факторов, в том числе и от объекта управления. Действительно, как показывает анализ управленческой практики, иногда принимаются решения, выполнимые только теоретически, или же выполнимые при определенных условиях, или же в принципе выполнимые, но исполнять которые подчиненные отказываются (в явной или неявной форме).

По стилю принятия решения субъектами управления различают: *уравновешенные решения* (критический подход к предпринимаемым действиям и проверкой гипотез); *импульсивные* (принимаются без достаточных обоснований, без предварительной подготовки, в дальнейшем могут многократно уточняться, изменяться и т. д.); *инертные решения* (преобладают уточняющие и контрольные действия. Каждый свой шаг субъект управления проверяет неоднократно, что ведет к растягиванию во времени процесса принятия решения); *рискованные* – допускается риск, обоснованный субъектом управления; *осторожные* (тщательность оценки всех вариантов); *рациональные* (в них все начинается с выявления и формулирования проблемы, затем решения осуществляются в соответствии с принципами и методами управления).

Сама по себе идея разработки классификации управленческих решений в зависимости от стиля принятия является, как нам представляется, плодотворной. Ее реализация позволяет оценивать характер решений с точки зрения стилевой окраски их принятия соответствующим субъектом управления. Однако рассмотренная классификация не является строгой, ведь ряд названных видов решений, например, «уравновешенные», «инертные» и «осторожные», если не тождественны, то, по крайней мере, трудно различимы. Таким образом, классификация решений **в зависимости от стиля их принятия** выглядела бы, с нашей точки зрения, более убедительной в следующем виде:

репродуктивные (решения принимаются по аналогии; в них не допускается каких-либо элементов новизны);

взвешенно-осторожные (характеризуются тщательностью расчетов, оценки последствий и т. д. и допускают минимум новизны);

экспрессивно-радикальные (рассчитаны на достижение максимальных результатов и допускают радикальное решение проблем при соответствующем обосновании; в них максимально присутствует новизна, соответственно, значительная степень риска).

импульсивные (принимаются без достаточной обоснованности и вызываются чаще всего эмоциональным состоянием субъекта управления; такие решения часто корректируются в процессе исполнения).

Названные виды управленческих решений отражают динамику поведения субъектов управления при принятии ими решений: инертное, когда принятие решений носит трафаретный характер, взвешенно-осторожное, когда от трафарета можно в чем-то отступить и, наконец, экспрессивно-радикальное, когда субъект управления готов действовать нетрадиционным способом, не осторожничает и готов пойти на радикальные меры.

Импульсивные решения выпадают из данного ряда, ибо характеризуются смешением стиля их принятия.

В зависимости **от степени участия коллектива в выработке решений**, последние подразделяются: а) на единолично принимаемые руководителями и передаваемые на исполнение подчиненным без всяких пояснений, убеждений и т. д.; б) единолично принимаемые руководителем с мотивацией их правильности при передаче исполнителям; в) единолично принимаемые руководителем с пояснением причин и обстоятельств их принятия; г) решения, принимаемые руководителем на основе предложений подчиненных; д) решения, выбранные руководителем из совокупности альтернатив, разработанных рабочей группой; е) групповые решения, разработанные в рамках ограничений, заданных руководителем; ж) решения, принимаемые рабочей группой самостоятельно при участии руководителей в качестве координатора действий, как внутри, так и вне группы.

Решение первого вида отражает автократический стиль руководства, когда руководитель не считает нужным советоваться с подчиненными при принятии решений и что-либо пояснить при передаче им их на исполнение. Далее коллектив постепенно начинает привлекаться к процессу принятия решения, и заканчивается этот ряд решениями, принимаемыми коллективом, где руководитель играет лишь роль координатора. Такие виды решений встречаются почти во всех сферах человеческой деятельности, например, решения оперативных совещаний, коллегий и т. д.

В зависимости от условий, связанных с наличием риска, управленческие решения делятся на три группы: решения, принимаемые в *условиях определенности* (детерминированные); решения, принимаемые в *условиях риска*, вероятность которого можно подсчитать; решения, принимаемые в *условиях неопределенности* [11, с. 322–324; 12, с. 19].

При принятии детерминированных решений руководитель, как правило, знает, каков будет результат. Однако удельный вес таких решений в их общем объеме невелик. Чаще всего приходится принимать решения в условиях риска и неопределенности. К решениям, принимаемым в условиях риска, относятся те, результаты которых не являются определенными, но вероятность каждого результата примерно известна.

Сумма вероятностей всех альтернатив должна быть равна единице. Наиболее желательный способ определения вероятности – объективность. Вероятность объективна, когда ее можно определить математическими методами или на основе статистического анализа [13, с. 210].

Руководитель обязан учитывать уровень риска в качестве важнейшего фактора, причем переоценка риска может повлечь потери не меньшие, чем недооценка. Во многих случаях руководитель не располагает достаточной информацией для объективной оценки вероятности, однако опыт руководства с высокой достоверностью показывает, что именно может, скорее всего, случиться. Решения принимаются в условиях неопределенности, когда невозможно оценить вероятность потенциальных результатов, т. е. когда требующие учета факторы настолько новы и сложны, что невозможно получить достаточную информацию для оценки вероятности.

Сталкиваясь с неопределенностью, руководитель может использовать две основные возможности. *Во-первых*, попытаться получить дополнительную информацию и еще раз проанализировать проблему. Таким образом, удастся уменьшить новизну и сложность проблемы. Руководитель сочетает эту дополнительную информацию и анализ с накопленным опытом, способностью к суждению или интуицией, чтобы придать ряду результатов субъективную вероятность. *Вторая возможность* – действовать в точном соответствии с прошлым опытом, суждениями или интуицией и сделать предположение о вероятности событий. Это происходит, когда не хватает времени на сбор дополнительной информации или затраты на это чрезмерно велики.

Рассмотрение видового разнообразия решений, различных научно-прикладных подходов к их классификации и типологии, выделению классификационных критериев позволяет заключить следующее.

1. Классификация управленческих решений представляет собой способ упорядочения многообразия принимаемых в практике управленческой деятельности ОВД решений с учетом объекта приложения и повторяемости.

Практическое значение классификации состоит в том, что она позволяет строго научно подходить к выбору и принятию тех или иных решений, умело и обоснованно выбирать именно тот вид решений, который является наиболее целесообразным в данных конкретных условиях для достижения определенной цели. Отступление от имеющейся классификации управленческих решений, несоблюдение какого-либо из признаков классификации или, напротив, искусственное преувеличение одного из них неизбежно приводит к существенным ошибкам в управлении и снижает его эффективность.

2. Сравнительный анализ классификационных схем, используемых в литературе, позволили выделить следующие критерии классификации решений, которые могут быть применимы в условиях функционирования ОВД: *степень обязательности исполнения решений подчиненными; стиль принятия решений; степень участия в принятии решений подчиненных; наличие условий, связанных с определением риска, вызванного их принятием.*

3. Перспективными с точки зрения дальнейших научно-прикладных исследований могут стать и дополнить классификацию такие признаки, как *характер алгоритма, тип побуждения, степень оригинальности, прогноз последствий, временная характеристика.* Кроме того, исследованию в этом плане следует, на наш взгляд, подвергнуть и признак «*сложность решения*».

4. Важное значение в совершенствовании стиля принятия решения руководителем ОВД имеет классификация управленческих решений, основанная на соотношении степени участия в их выработке руководителя и его подчиненных. Для того чтобы групповые решения по своей эффективности превышали средний уровень индивидуальных решений, необходима специальная подготовка как руководителей ОВД, так и сотрудников совместной деятельности по обсуждению наиболее актуальных, многоплановых и комплексных проблем.

1. Афанасьев, В.Г. Научное управление обществом: (опыт системного исследования) / В.Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1968. – 384 с.

2. Шадрин, И.П. Подготовка и принятие управленческого решения – функция научного управления социалистическим обществом / И.П. Шадрин // В кн.: «Научное управление обществом». – М., 1969. – С. 203–209.

3. Гурней, Б. Введение в науку управления / Б. Гурней; пер. с фр. Г.С. Яковлева; ред. и вступ. ст. М.И. Пискотина. – М.: Прогресс, 1969. – 430 с.

4. Тихомиров, Ю.А. Управленческое решение / Ю.А. Тихомиров. – М.: Наука, 1972. – 288 с.

5. Фатхутдинов, Р.А. Разработка управленческого решения: учеб. для вузов / Р.А. Фатхутдинов. – 2-е изд., доп. – М.: ЗАО «Бизнес-школа», «Интел-Синтез», 1998. – 272 с.

6. Трофимова, Л.А. Управленческие решения (методы принятия и реализации): учеб. пособие / Л.А. Трофимова, В.В. Трофимов. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 190 с.

7. Русаков, В.К. Управленческие решения в сфере правоохранительной деятельности в территориальных органах МВД России на районном уровне: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / В.К. Русаков; Акад. упр. МВД России. – М., 2013. – 203 л.

8. Леонов, А.П. Научно-методологические основы управления органами внутренних дел: учеб. пособие: в 2 ч. / А.П. Леонов. – Минск: Акад. МВД, 2013. – Ч. 1. – 323 с.

9. Булавчик, В.Г. Основы управления в органах внутренних дел : курс лекций / В.Г. Булавчик, Т.А. Грищенко, Н.А. Игошин ; под ред. Н.В. Бугель. – С.-Петерб. ун-т МВД России, 2009. – 236 с.

10. Веснин, В.Р. Менеджмент : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Менеджмент орг» / В.Р. Веснин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2006. – 502 с.

11. Дафт, Р.Л. Менеджмент : для слушателей программ MBA / Р.Л. Дафт ; [пер. с англ. С. Жильцов]. – 6-е изд. – М. [и др.] : – СПб. [и др.] : Питер принт, 2004. – 863 с.

12. Яськов, Е.Ф. Управленческие решения : курс лекций / Е.Ф. Яськов ; Акад. упр. МВД России. – М. : Компания Спутник+, 2006. – 82 с.

13. Мескон, М. Основы менеджмента : пер. с англ. / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – [2-е изд.]. – М. : Дело, 2004. – 799 с.

УДК 343.985

Р.П. Рустаки, А.В. Скоробогатый, выпускники
факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Обзор специальной литературы, посвященной изучению оперативно-розыскной характеристики (ОРХ), показывает, что наибольший интерес исследователей представляет информация, отражающая уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, криминологический, криминалистический, оперативно-тактический аспекты [1, с. 69–75].

Основываясь на исследованиях отечественных [2; 3, с. 10–31] и российских ученых [4, с. 269–285], можно предложить следующую структуру ОРХ организованной преступности (в том числе транснациональной): способ подготовки и совершения преступления, сокрытия его следов и уклонения преступников от уголовной ответственности; следы (как материальные, так и идеальные) совершенного преступления, подлежащие фиксации оперативно-розыскным путем, их носители (материальные объекты, люди) и места обнаружения; обстановка приготовления, совершения преступления (время, место), а также после его окончания; особенности личности преступника; групповой характер преступления, распределение ролей; личность потерпевшего (характеристика жертвы); мотивы и цели совершения преступлений; закономерные взаимосвязи между перечисленными компонентами.

Учитывая вышеизложенное и изучив оперативно-розыскную и иные характеристики, мы видим, что такой элемент, как способ совершения преступления характерен для многих характеристик, имеющих первоочередное значение в деятельности сотрудников правоохранительных органов. В настоящее время при определении содержания данного элемента в научном сообществе существуют неоднозначные мнения о том, какие структурные элементы он в себя включает и должен ли он вообще включать в себя их (возможно достаточно понимания данного способа лишь в широком смысле слова, не детализируя его). Так, в ОРХ данный элемент включает в себя следующее: способ подготовки преступления, способ совершения преступления и способ сокрытия его следов и уклонения преступников от уголовной ответственности. В свою очередь в уголовной характеристике способ совершения преступления не включает в себя данные элементы и понимается лишь в широком смысле слова. Мы полагаем, что это является ошибкой, так как при квалификации совершенного преступления и определении в дальнейшем уголовной ответственности к лицам, совершившим противоправное деяние, важно учесть все обстоятельства.

Покажем важность данного элемента на примере транснациональной торговли людьми. Объективную сторону состава торговли людьми образуют такие альтернативные действия, как совершенные в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека, являющиеся способами совершения рассматриваемого преступления.

Исходя из этого мы видим, что обязательными признаками состава указанного преступления являются определенные способы воздействия на жертву, представляющие собой способы его совершения (обман, злоупотребление доверием, применение насилия, угроза его применения). Их отсутствие не дает оснований рассматривать совершенное деяние как торговлю людьми.

Обман либо злоупотребление доверием часто используются на этапе вовлечения с целью склонить лицо к добровольному совершению действий, ведущих впоследствии к эксплуатации. Обман может состоять в искажении цели вербовки (выезда за рубеж) или вида деятельности, которым лицо будет заниматься (активный обман). Например, при вербовке в целях сексуальной эксплуатации потерпевшей сообщают о том, что она будет работать горничной, посудомойкой, официанткой, танцовщицей, фотомodelью, продавцом, швеей, работником эскорт-агентства. При вербовке в целях трудовой эксплуатации, а также сексуальной эксплуатации женщин, имеющих опыт работы в сфере платных интимных услуг, вербовщик может применять пассивный обман – он раскрывает

характер работы, но утаивает или искажает ее условия (длительный изнурительный труд, поборы, низкий заработок) [6, с. 14–15].

Злоупотребление доверием как способ совершения торговли людьми в большинстве случаев имеет место в совокупности с обманом и проявляется в виде различных приемов манипулирования жертвой, использованием психологических уловок в отношении ее, например, вербовщик может демонстрировать свое материальное благосостояние с целью убедить кандидата, что он достигнет того же, согласившись на его предложение. При вербовке для сексуальной эксплуатации вербовщик с целью завоевания доверия потерпевшего для последующего получения согласия последнего осуществляет совместное времяпрепровождение с жертвой в кафе, барах, делает дорогие подарки; впоследствии данные расходы взыскиваются с потерпевшего. Для убеждения в правомерности действий вербовщик может предлагать оформить отношения контрактом. Иногда такой контракт может быть составлен на иностранном языке, которым вербуемое лицо не владеет; позже ему могут выдвигаться различные требования со ссылкой на положения подписанного им контракта [7, с. 14–17].

Освещая обман как способ воздействия на потерпевшего, отметим определенную неоднозначность оценки как способа совершения торговли людьми. Наличие указанного способа воздействия недостаточно для квалификации деяния как торговли людьми. Такую оценку необходимо давать с учетом иных элементов состава торговли людьми.

В большинстве случаев действующие в Беларуси соучастники не реализуют полноструктурный механизм торговли людьми, осуществляя лишь его отдельные компоненты (вербовка, перевозка, передача, укрыительство или получение потерпевшего). В этом случае цель эксплуатации может не достигаться в процессе совершения преступного деяния, что затрудняет правильную оценку обмана как способа совершения торговли людьми. Ввиду этого отметим, что при описании обстоятельств, свидетельствующих об эксплуатации потерпевшего, исследователи приходят к выводу о необходимости установления его зависимого положения как предпосылки, исключающей его возможность отказаться от выполнения работ или оказания услуг [8, с. 11].

Полагаем возможным согласиться, что данная характеристика состояния, в котором находится потерпевший, может использоваться в качестве критерия оценки обмана как способа совершения торговли людьми. Обман, последствия которого приводят к возникновению зависимого положения потерпевшего, может рассматриваться как способ совершения торговли людьми; в противном случае искажение истины

или умолчание о некоторых обстоятельствах не будут иметь указанного юридического значения. Признак зависимого положения в качестве характеристики ситуации, на возникновение которой направлены действия виновного, также может использоваться в качестве критерия оценки иных (помимо обмана) способов воздействия на потерпевшего [9].

Анализ способов воздействия на потерпевшего по делам о торговле людьми показал, что универсальные подходы к определению перечня данных способов установлены в ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Протокол). Данный перечень использован в качестве основы для изменения законодательства Республики Беларусь в сфере торговли людьми. Среди указанных в ст. 3 Протокола способов воздействия присутствует злоупотребление уязвимостью положения, хотя в Уголовном кодексе Республики Беларусь данный способ не нашел своего отражения. До 2015 г. совершение торговли людьми «с использованием стечения тяжелых личных, семейных или иных обстоятельств потерпевшего», в некоторой степени отражавшее злоупотребление уязвимым положением лица, рассматривалось как квалифицирующий признак совершения торговли людьми. Однако с внесением изменений в указанную статью Уголовного кодекса Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З данный признак был исключен [5]. Полагаем, что отсутствие законодательного закрепления злоупотребления уязвимым положением в перечне способов совершения торговли людьми не соответствует рекомендациям ст. 5 Протокола и требует законодательной корректировки.

Уязвимое положение может быть обусловлено различными обстоятельствами: финансового характера – трудовой безработицей или финансовой несостоятельностью жертвы, нищетой, тяжелым материальным положением, отсутствием у нее средств к существованию; эмоционального (психологического характера – конфликтом потерпевшего с близкими или работодателем, смертью родственников, эмоциональной или психологической привязанностью или зависимостью от торговца людьми; социальной, культурной или языковой изоляцией; потребностью в соблюдении культурных или религиозных ритуалов или обычаев; правового характера – незаконным статусом лица в иностранном государстве, семейным положением (например, если дальнейшее пребывание жертвы в стране назначения или ее благосостояние обусловлено сохранением ее брака с торговцем людьми); физиологического характера – психической или физической неполноценностью жертвы,

полом, беременностью, молодым или пожилым возрастом; зависимостью, сформировавшейся вследствие злоупотребления психоактивными веществами; иными обстоятельствами, значимый характер которых для жертвы дает возможность виновному лицу злоупотреблять ими.

Иными словами, злоупотребление уязвимым положением как способ совершения торговли людьми часто имеет место в сочетании с обманом или злоупотреблением доверием, однако может использоваться и самостоятельно, например, при манипулировании лицом, находящимся в отчаянии или ином психически нестабильном состоянии, либо оказании на него психологического давления.

Так, жертве, остро нуждающейся в деньгах для оплаты лечения близкого родственника, в качестве аргумента о необходимости выезда для занятия проституцией за рубежом (что противоречит ее моральным убеждениям), приводится довод о том, что близкий обязательно умрет, если она не пойдет на предлагаемый шаг. При этом не используются обман или иные способы воздействия, жертве подчеркнута оставленная свобода выбора, но целенаправленно создают у нее впечатление о том, что предлагаемый вербовщиком вариант является единственно возможным. Необходимо отметить, что действия виновного, направленные на получение согласия лица, находящегося в уязвимом положении, не означают автоматически злоупотребления данным положением со стороны виновного. Злоупотребление уязвимым положением должно выражаться в осознанном и целенаправленном использовании преступником обстоятельств уязвимого положения для получения согласия потерпевшего на поставление его в зависимость с возможностью последующей эксплуатации [6, с. 15–16].

Вышеизложенное означает, что виновное лицо в отношении потерпевшего может применять обман, злоупотребление доверием, злоупотребление уязвимым положением или иные приемы поставления лица в зависимое положение. О применении лицом обмана свидетельствуют: его осведомленность о наличии сексуальной или трудовой эксплуатации в заведении или организации, куда направляется потерпевший, что подтверждается высказываниями вербовщика в беседах или телефонных переговорах с соучастниками, личным посещением данных заведений или организации; обращение к вербовщику жертв с жалобами на эксплуатацию в месте назначения, подтверждаемыми материалами контроля в сетях электросвязи, прослушивания и записи переговоров, а также показаниями потерпевшего; получение преступником значительных денежных сумм за каждого завербованного потерпевшего. О наличии зависимого положения потерпевшего свидетельствуют обнаруженные у лица компрометирующие фотографии потерпевшего в совокупности со

сведениями об их использовании для оказания воздействия на жертву в случае невыполнения его требований.

Таким образом, мы полагаем целесообразным к способу совершения преступления в уголовно-правовой характеристике преступления добавить такие элементы, как подготовка и сокрытие следов преступления.

Зависимое положение как ситуация, на возникновение которой направлены действия виновного, может использоваться в качестве признака, дающего возможность оценки некоторых способов воздействия на потерпевшего (обмана, злоупотребления доверием, злоупотребление уязвимостью положения) как способов совершения торговли людьми.

Проведенное исследование позволило выявить определенное сходство обмана, злоупотребления доверием, с одной стороны, и злоупотребления уязвимым положением потерпевшего – с другой, а также более четко разграничить последнее с иными действиями, совершаемыми в отношении лица, находящегося в уязвимом положении. Это приводит к выводу о том, что злоупотребление уязвимым положением потерпевшего не является разновидностью иных способов совершения торговли людьми (обмана, злоупотребления доверием), в связи с чем целесообразно законодательно отразить его в качестве одного из способов совершения рассматриваемого преступления в диспозиции ст. 181 Уголовного кодекса, что станет очередным шагом в направлении приведения отечественного законодательства в соответствие с обязательствами, взятыми Республикой Беларусь при ратификации Протокола.

1. Басецкий, И.И. Квартирные кражи: теория и практика борьбы : монография / И.И. Басецкий, В.Ч. Родевич ; под ред. И.И. Басецкого. – Минск : Акад. МВД, 1999. – 297 с.

2. Харевиц, Д.Л. Актуальные вопросы оперативно-розыскной характеристики преступлений / Д.Л. Харевиц // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2005. – № 1. – С. 99–100.

3. Ермолович, В.Ф. Расследование преступлений, связанных с наркотическими средствами : учеб. пособие / В.Ф. Ермолович. – Минск : БелНИУФЭ, 1998. – 181 с.

4. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учеб. для высш. и сред. учеб. заведений МВД России / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М. : Новый юрист, 1997. – 400 с.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

6. Лаевский, В.А. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений / В.А. Лаевский // Суд. весн. – 2006. – № 3. – С. 14–18.

7. Шруб, М.П. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации : монография / М.П. Шруб. – Минск : Акад. МВД, 2007. – 123 с.

8. Лаевский, В.А. Противодействие торговле людьми: некоторые проблемы судебной практики / В.А. Лаевский // Суд. весн. – 2006. – № 1. – С. 9–13.

9. Харевиц, Д.Л. О некоторых способах воздействия на потерпевшего по делам о торговле людьми / Д.Л. Харевиц // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. – 2018. – № 5. – С. 179–184.

УДК 343.985

Д.А. Серебряков, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
И.А. Шаматкульский

ПРОФАЙЛИНГ КАК ОСНОВНОЙ МЕТОД СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ОПРОСА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Оперативно-розыскная деятельность – один из важнейших инструментов и средств обеспечения предупреждения, пресечения и раскрытия противоправных деяний и поддержания правопорядка в обществе. В свою очередь эффективность решения задач оперативно-розыскной деятельности определяется тем, насколько научно обоснованно, тактически грамотно, в соответствии с действующим законодательством проведены оперативно-розыскные мероприятия.

Одним из наиболее широко применяемых оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивающих получение информации, значимой для раскрытия преступлений и изобличения преступников, является оперативный опрос.

В современных условиях развития общественных отношений противодействие преступности возможно только на основе совершенствования и развития способов ее раннего выявления и предупреждения. Одним из таких способов является профайлинг.

Профайлинг представляет совокупность технологий, направленных на предотвращение противоправных деяний посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций при проведении мероприятий по обеспечению безопасности с применением методов прикладной психологии.

В настоящее время технология профайлинга применима в любой сфере деятельности, которая связана с взаимодействием людей и ана-

лизом их поведения, в том числе в оперативно-розыскной деятельности. На сегодня существуют две наиболее часто встречающиеся разновидности профайлинга как системного набора методов для поведенческой оценки человека, составления его психологического портрета и основных характеристик поведения: криминальный и оперативный.

Высокий фон криминогенной активности, огромные масштабы преступности придают особую значимость в нашем обществе, преступники находят новые способы применения своих противоправных действий и наносят ощутимый вред белорусскому государству. Как правило, преступления – это четко спланированные мероприятия, к которым преступники готовятся достаточно долго. Следовательно, необходимо создать комплекс мер для выявления и предотвращения противоправных действий со стороны криминального общества.

Одним из ведущих направлений для решения этой задачи является применение на практике методов профайлинга сотрудниками оперативных подразделений. На современном этапе внедрение профайлинга сводится к следующим аспектам: методологическое и правовое определение профайлинга, а также подтверждение его роли и места в целостной системе обеспечения национальной безопасности конкретного объекта (территории); определение контингента, который будет применять в своей работе профайлинг, – сотрудников органов внутренних дел.

При определении профайлинга необходимо учитывать следующие аспекты: профайлинг является одним из способов обеспечения безопасности, так как позволяет предотвратить противоправное действие посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций. Выявление потенциально опасных лиц и ситуаций проводится по специальным технологиям, в основе которых лежит комплексный анализ таких значимых факторов, как внешность и поведение человека, вещи, находящиеся при нем, и др.

Профайлинг как один из способов по предотвращению противоправных действий может применяться на любом этапе, во всех местах и на всех мероприятиях по обеспечению безопасности. В рамках профайлинга необходимо применение методов психологии в их прикладном аспекте, так как особый акцент делается на процессах межличностного взаимодействия, на возможностях человеческого восприятия к считыванию внешней и внутренней информации, на формировании и развитии таких качеств, как наблюдательность, проницательность, коммуникабельность.

Признак профайлинга – специфическая черта, свойство предмета (или явления), позволяющие выделить и распознать его среди других, возможно похожих, объектов. Каждый предмет имеет множество раз-

нообразных признаков. Поведение криминальной среды также имеет определенный набор признаков, которые выделяют его среди прочих явлений. Выделяются позитивные и негативные признаки, указывающие на степень потенциальной опасности субъекта.

Существенным фактором достижения более высокого уровня профайлинга в деятельности оперативных подразделений является профилактика правонарушений с помощью профайлинга.

Одним из факторов, который обеспечивал бы достижение более высокого уровня эффективности профилактики правонарушений, является использование в процессе практической деятельности сотрудников органов внутренних дел профайлинга. Для любого оперативного сотрудника важно уметь быстро и точно среагировать на текущую обстановку и поведение лица, с которым ему приходится сталкиваться по виду своей деятельности [1, с. 6].

Процесс осуществления опроса разделяется на три относительно самостоятельных этапа: подготовка к опросу; проведение опроса и обеспечение эффективного и полного использования полученных результатов в борьбе с преступностью. Каждый из них имеет содержание, цель, тактику их достижения, а также свои психологические особенности.

В начале опроса оперативный сотрудник должен уделить внимание определению лиц, с которыми необходимо проведение данного мероприятия.

После того как лицо, располагающее необходимой информацией, выявлено, следует перейти к изучению психологических особенностей его личности. Здесь решающее значение придается выяснению двух основных обстоятельств: отношению объекта беседы к противоправному факту, для выяснения обстоятельств которого намечается проведение беседы; его личностной характеристике, включающей особенности психологической реакции на негативные стрессовые ситуации. Особое внимание в плане учета психологии объекта опроса занимают вопросы выбора места и времени проведения беседы. Необходимость этого вызывается тем, что успешное решение задачи получения информации во многом зависит от обстановки, в которой будет протекать беседа. Здесь, конечно, не может быть общего правила и стандарта. Однако важно предварительно отработать легенду встречи, максимально исключить различного рода ситуативные помехи (телефонные звонки, обращение соседей, коллег, вызовы к начальству), обеспечить конфиденциальность общения. В местах беседы не должно быть ничего слишком яркого, громкого или неожиданного, если необходимо, чтобы собеседник слушал с пристальным вниманием и не отвлекался [2, с. 34].

Переходя к основной части предмета разговора, следует избрать правильную тактику формулирования и последовательность задаваем

ых вопросов. Здесь многое зависит от целей беседы, характеристики опрашиваемого, степени его изученности имеющихся исходных данных и оценки сложившейся обстановки. Например, опрос может быть свободным, т. е. его содержание, формулировка вопросов, их последовательность заранее строго не планируются. Здесь во многом возможна импровизация, поскольку оперативный сотрудник в этих случаях и сам не предполагает, какого характера сведения он может получить. На практике свободная форма опроса используется в тех случаях, когда оперативный сотрудник надеется получить гораздо больше информации, чем можно предполагать из предварительной оценки ситуации. Целенаправленная форма опроса используется тогда, когда оперативного сотрудника интересует конкретный факт и, как правило, имеются предварительно установленные сведения, требующие уточнения. Приступая непосредственно к цели беседы, оперативный сотрудник может сообщить опрашиваемому сведения (или часть их), имеющиеся в распоряжении органа внутренних дел, и, наблюдая за реакцией собеседника, принимает меры к снятию психологических барьеров, чтобы получить необходимую информацию.

Требуют учета психология и тактика проведения концовки опроса. Поскольку психология человека устроена таким образом, что особенно запоминается и производит сильное эмоциональное воздействие концовка беседы, то здесь крайне важно оставить у объекта благоприятное впечатление от беседы. Если цель опроса не скрывалась, то опрашиваемого следует поблагодарить за данные им сведения. А в тех случаях, когда он проявлял желание оставить в тайне сам факт беседы, еще раз заверить, что данное условие будет соблюдено [2, с. 35].

Практика использования данной технологии получила достаточно широкое распространение в деятельности правоохранительных органов целого ряда зарубежных стран. Она позволяет осуществить достаточно точный анализ и сделать обоснованный вывод о потенциальной опасности отдельно взятого индивида. Метод профайлинга доказал свою профилактическую эффективность на объектах железнодорожного, автомобильного, водного и воздушного транспорта, в том числе в местах массового скопления людей и при проведении массовых мероприятий.

Концепция профайлинга базируется прежде всего на создании профиля человека. Основной методологический посыл заключается в том, что лица, совершившие или собирающиеся совершить противоправный акт, отличаются наличием определенных признаков внешности, поведения, имеющихся при них документов и перевозимых вещей. Жесты, мимика, голос, движение глаз – все это элементы сигнальной системы, которая

вне зависимости от желания ее обладателя информирует, когда человек волнуется или лжет. Способность считывать нужную информацию в людском потоке, местах массового скопления людей позволяет сотруднику-профайлеру за короткий временной промежуток выявить информативные признаки и оперативно принять необходимое решение [3, с. 33].

В ходе проведения оперативного опроса сотрудник должен быть способен ориентироваться как минимум по двум направлениям:

проявление эмоций, являющихся предвестником агрессивного поведения;

явное несоответствие (неконгруэнтность) поведения, речи, жестов, физиологических реакций.

Рассматривая первое направление, следует отметить, что благоприятное выявление подавляемых или маскируемых эмоций, таких как гнев, презрение и отвращение, позволит существенно снизить вероятность получения травм. Навыки профайлинга в данном случае существенно повышают безопасность сотрудника: даже несколько дополнительных секунд, полученных до начала агрессивных действий, дают возможность сотруднику привести в готовность себя, специальные средства и оружие. Демонстрация сотрудником способности заранее выявить угрозу и адекватно отреагировать на нее в отдельных случаях позволяет оказать профилактический эффект на разрабатываемых лиц, а также повышает авторитет сотрудника.

В рамках второго направления следует остановиться на ряде узловых моментов. В целом, несмотря на достаточно высокую эффективность, система профайлинга является достаточно сложным и трудоемким инструментарием даже для специалистов. При смешанном виде «профилирование-верификация» (специалист-профайлер и оборудование инструментального контроля состояния человека) следует создавать особые условия и выделять значительное время для получения даже предварительных результатов. Это создает серьезные затруднения при подготовке подобного рода специалистов. Однако для большинства сотрудников, на наш взгляд, нет необходимости приобретения всего спектра знаний, умений и навыков по данному вопросу. Приоритетом должно быть выявление явных признаков – маркеров неконгруэнтности.

На первом этапе сотруднику необходимо поздороваться с субъектом, разъяснить суть проводимых проверочных мероприятий (проверка документов, производство досмотра и др.) и по возможности установить с ним психологический контакт.

На втором – непосредственно осуществляются проверочные мероприятия. Особое внимание уделяется исследованию достоверности

предоставленных документов, обнаружению запрещенных к обороту предметов и веществ, в том числе и тех, которые могут вызвать у сотрудника определенного рода подозрения. В процессе осуществления проверочных мероприятий необходимо обращать особое внимание на поведение проверяемого субъекта. В целях повышения эффективности применения самого метода профайлинга указанные действия следует проводить двум сотрудникам: первый непосредственно осуществляет проверочные мероприятия, а второй в это время страхует его, следит за поведением субъекта и устанавливает наличие у него признаков, которые бы свидетельствовали о его потенциальной опасности. Не менее важным является этап беседы с исследуемым субъектом. Данный этап характеризуется установлением, подтверждением и (или) опровержением подозрительных признаков у лица, невыявленных либо выявленных, соответственно, на предыдущих этапах проверки.

Заключительный этап применения технологии профайлинга позволяет охарактеризовать лицо с точки зрения исходящей от него потенциальной опасности как для самого сотрудника, так и для окружающих. По мнению ученых, с учетом сложившейся характеристики субъекты можно классифицировать на основные четыре категории: «низкого риска», «обычного риска», «высокого риска», «очень высокого риска». С учетом установленных характеристик сотрудники органов внутренних дел определяют дальнейшие меры по обеспечению безопасности и профилактике правонарушений.

Таким образом, предупреждение противоправных деяний представляет собой одно из основных направлений деятельности органов внутренних дел. Выполнение данной задачи позволяет в достаточной степени минимизировать факты совершения противоправных деяний.

Использование в процессе применения технологии профайлинга таких основных диагностических средств, как наблюдение и опросная беседа, позволит сотрудникам органов внутренних дел с высокой степенью вероятности выявлять лиц, склонных к совершению противоправных деяний, посредством расшифровки невербальных компонентов, используемых в межличностном общении. Проведение в отношении указанной категории лиц на основании полученных характеризующих данных необходимых профилактических мероприятий, а в случае необходимости – мероприятий по их нейтрализации, обеспечат успешную реализацию основных задач, стоящих перед органами внутренних дел.

1. Добросовестный, А.А. Использование профайлинга в деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений / А.А. Добросовестный // Вестн. Могилев. ин-та МВД. – 2016. – № 1. – С. 6–9.

2. Шапочанский, В.Н. Психологические аспекты оперативно-розыскного мероприятия «опрос» / В.Н. Шапочанский // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. – 2011. – № 1. – С. 32–37.

3. Ермолович, Д.В. Использование возможностей профайлинга при проведении оперативного опроса / Д.В. Ермолович // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности : респ. науч.-практ. конф. Минск, 2 июня 2017 г. : тез. докл. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2017. – С. 32–34.

УДК 343.985:343.132

А.В. Скоробогатый, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОНТРОЛИРУЕМОЙ ПОСТАВКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

После распада СССР и образования независимого государства Республика Беларусь столкнулась с проблемой резкого роста организованных форм преступности, опыт успешного решения которой уже имелся за рубежом. Был использован опыт западных государств, в частности, законодательно регламентирована возможность организации контролируемых поставок. Этому способствовало присоединение Республики Беларусь к Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., а также Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [1, 2]. Первоначально норма, предусматривающая проведение контролируемых поставок, имелась в ст. 52 Таможенного кодекса Республики Беларусь от 3 февраля 1993 г., а в последующем была внесена в Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-З «Об оперативно-розыскной деятельности». Согласно данному закону контролируемая поставка рассматривалась как оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ). Эти нововведения в законодательстве не могли не сказаться на интересе, проявляемом исследователями к данному ОРМ. Эта тема стала предметом изучения исследователей, которые рассматривали различный спектр вопросов его правовой регламентации, организации и тактики [3, 4]. Вместе с тем после принятия 15 июля 2015 г. новой редакции Закона Республики Беларусь № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» выявлен ряд норм, требующих уточнения.

Согласно ч. 1 ст. 29 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон об ОРД) от 15 июля 2015 г. № 307-З контролируемая поставка представляет собой перемещение гражданином, организацией предметов и документов, контролируемое должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ОРД), в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [5].

Как видно из приведенной нормы, объектом данного ОРМ являются предметы и документы. Под предметами и документами в абз. 9 ст. 2 Закона об ОРД понимаются вещества, вещи, иные объекты, имущественные права, программные продукты, в том числе изъятые из оборота и ограниченно оборотоспособные, полученные или использованные при осуществлении ОРД. Таким образом, понятия «предметы и документы» и «вещи» соотносятся как целое и часть.

Согласно ч. 11 ст. 19 Закона об ОРД должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, проводившее контролируемую поставку вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания, в течение 48 часов с момента окончания ее проведения письменно уведомляет об этом прокурора или его заместителя. Как видно из приведенной нормы, в ней установлен порядок действий в отношении одной из возможных разновидностей контролируемой поставки, а именно проводимой в отношении вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания. С учетом приведенного выше соотношения между понятиями «вещи» и «предметы и документы» можно сделать вывод о том, что иные виды предметов и документов, не являющиеся вещами, не попадают под действие рассматриваемой нормы. Иными словами, не требуется уведомление по окончании проведения указанного ОРМ в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов, радиоактивных, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых веществ, поскольку перечисленное относится к веществам, а не вещам, т. е. иной указанной в абз. 9 ст. 2 Закона об ОРД подсистемы понятия «предметы и документы». Такой порядок отличается как от норм прежней редакции вышеуказанного закона, так и от сложившейся правоприменительной практики.

Возникает также вопрос о практической значимости нормы ч. 11 ст. 19 Закона об ОРД. В юриспруденции вещь рассматривается как объект имущественного правоотношения. В гражданском праве вещи делятся на оборотоспособные, изъятые из оборота, ограниченные в обороте, что нашло свое отражение в абз. 9 ст. 2 Закона об ОРД. Из формулировки нормы ч. 11 ст. 19 Закона об ОРД сложно понять, к какой группе от-

носятся «вещи, запрещенные к обороту». Можно предположить, что к ним относятся некоторые вещи, изъятые из оборота или ограниченно оборотоспособные. Тогда к группе «вещей, запрещенных к обороту» будут относиться вещи, не являющиеся объектами имущественных правоотношений или созданные (полученные) противоправным путем, например, незаконно изготовленные огнестрельное или холодное оружие, боеприпасы, взрывные устройства, а также те ограниченно оборотоспособные вещи, правила обращения которых нарушены. С учетом принятого в абз. 9 ст. 2 Закона об ОРД деления предметов и документов на вещества, вещи и иные объекты такие разновидности предметов и документов, как наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, аналоги, взрывчатые, сильнодействующие, ядовитые, радиоактивные вещества, незаконный оборот которых может нанести серьезный ущерб общественным отношениям, к вещам, запрещенным к обороту, относиться не будут. В связи с этим не вполне понятны основания, по которым из широкого перечня объектов ОРМ, указанных в ч. 11 ст. 19 Закона об ОРД, выделяется отдельная группа, не обладающая очевидными (в сравнении с другими объектами) отличительными признаками, с точки зрения необходимости более строгого прокурорского надзора [6, с. 276–277].

Для разрешения данной проблемы можно предложить исключение рассматриваемой нормы из Закона об ОРД как избыточной, не имеющей очевидного (в правовом аспекте) смысла.

Следует обратить внимание на несовершенство формулировки нормы ч. 3 ст. 29 Закона об ОРД, согласно которой должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, о проведении контролируемой поставки через Государственную границу Республики Беларусь письменно уведомляет таможенные органы Республики Беларусь и органы пограничной службы Республики Беларусь, прокурора или его заместителя. Вместе с тем пограничный и таможенный контроль не осуществляются на российско-белорусском участке государственной границы, поэтому направление уведомлений в таможенные органы и органы пограничной службы Республики Беларусь о проведении контролируемой поставки через данный участок государственной границы может привести к необоснованной расшифровке проводимого ОРМ и лиц, привлеченных к его проведению. В этой связи целесообразно перенести указанную норму в межведомственный нормативный правовой акт [6, с. 277].

Согласно предложению второму ч. 10 ст. 19 Закона об ОРД контролируемая поставка проводится по специальному заданию, которое объявляется под роспись гражданину, привлекаемому к участию в ОРМ,

до начала его проведения. Специальное задание определяет пределы правомерности действий данного гражданина в части запрета провоцирования, а факт составления и объявления данного документа учитывается при правовой оценке его действий в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. В то же время возможно проведение ряда разновидностей контролируемой поставки (например, контролируемая поставка в почтовых отправлениях) без привлечения гражданина к участию в нем. В этом случае непонятно, какое лицо должно рассматриваться в качестве привлекаемого гражданина. В отличие от первого предложения ч. 10 ст. 19 Закона об ОРД предложение второе сформулировано категорично и не допускает выбора вариантов поведения субъектом ОРД. Отклонение от предписанного порядка будет означать нарушение Закона об ОРД и может повлечь привлечение к ответственности инициатора проведения ОРМ и исключить возможность использования материалов такого ОРМ в уголовном процессе в соответствии со ст. 101 УПК. С другой стороны, следование данной норме лишает ее предписанного законодателем юридического значения, превращает ее в юридическую фикцию, поскольку требует отыскания некоего лица, привлекаемого к участию в ОРД, для объявления ему специального задания, хотя в действительности такая необходимость отсутствует.

В связи с этим полагаем целесообразным расширить перечень ОРМ, изложенных в предложении первом ч. 10 ст. 19 Закона об ОРД, проведение которых по специальному заданию зависит от факта участия граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, в том числе путем дополнения данного перечня контролируемой поставкой.

Отметим наличие определенной недостаточности оснований для прекращения ОРМ. Анализируя основания, приведенные в ст. 46 Закона об ОРД, следует указать, что, помимо обстоятельств процессуального характера, обусловленных процессуальными нормами (истечение сроков, отсутствие предусмотренных законом оснований для проведения ОРМ, прекращение дела оперативного учета), в ч. 2 ст. 46 вышеназванного закона присутствует основание, которое имеет иную природу и является ситуационно обусловленным. Данное основание связано с отсутствием необходимости дальнейшего проведения некоторых ОРМ в связи с достижением их цели [7].

В ч. 3 ст. 17 Закона об ОРД указаны основания для прекращения дел оперативного учета. К ним относятся выполнение задач ОРД или установление обстоятельств, свидетельствующих об объективной невозможности выполнения этих задач. Такой подход соответствует теоретическим

взглядам на данный вопрос [8, с. 283]. Эти основания носят ситуационно обусловленный характер. Сравнивая их с основанием для прекращения проведения ОРМ, изложенным в ч. 2 ст. 46 Закона об ОРД, можно отметить отсутствие такого подхода, поскольку не приведены обстоятельства, обусловленные невозможностью достижения цели проведения ОРМ, что представляется не вполне последовательным. В ранее действовавшем межведомственном нормативном правовом акте, регламентировавшем порядок проведения ОРМ, данные основания присутствовали.

В настоящее время некоторые из этих оснований указаны в качестве основания для приостановления ОРМ в ч. 2 ст. 44 Закона об ОРД, однако перечень мероприятий, к которым данные основания применимы, не учитывает ОРМ, приведенных в ч. 2 ст. 46 названного закона, в том числе и контролируемой поставки. Специфика проведения данного ОРМ предусматривает, как правило, разовый характер, направленность на решение конкретной задачи. Ему присущ негласный характер, являющийся основным фактором успешного решения данной задачи, поэтому изменение оперативной обстановки, принятие преступниками мер противодействия, возникновение опасности для жизни и здоровья лиц, принимающих непосредственное участие в проведении ОРМ, или иных лиц могут привести к необходимости досрочного прекращения мероприятия. Отсутствие оснований, предусматривающих такую необходимость, ставит инициатора проведения ОРМ перед необходимостью нарушения требований законодательства, например, при возникновении угрозы жизни или здоровью лица, участвующего в ОРМ, инициатор мероприятия обязан принимать меры по защите жизни, здоровья граждан и прерывать дальнейшее проведение ОРМ, несмотря на отсутствие предусмотренных законом оснований для этого.

Таким образом, полагаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 46 Закона об ОРД соответствующими основаниями для прекращения проведения ОРМ. С учетом тактических особенностей проведения отдельных ОРМ полагаем, что одним из мероприятий, в отношении которого применимы указанные основания, является контролируемая поставка.

Так, проведенное рассмотрение позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию правового регулирования контролируемой поставки. В ч. 11 ст. 19 Закона об ОРД слово «вещей» целесообразно заменить словами «предметов и документов».

Полагаем необходимым норму о направлении уведомления в органы пограничной службы и таможенные органы Республики Беларусь перенести в межведомственный нормативный правовой акт, изложив его в следующей редакции: «Должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, письменно уведомляет о прове-

дении контролируемой поставки через участок Государственной границы Республики Беларусь, на котором осуществляется пограничный контроль, органы пограничной службы Республики Беларусь, таможенный контроль – таможенные органы Республики Беларусь».

Считаем целесообразным дополнить ст. 46 Закона об ОРД частью третьей, в которой будут содержаться следующие основания для прекращения: возникновение угрозы сохранению в тайне ОРМ, проводимого негласно, сведений о должностных лицах органа, осуществляющего ОРД, гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, которые участвуют в ОРМ, гражданах, привлеченных органом, осуществляющим ОРД, к подготовке проведения ОРМ и (или) участию в нем; угроза потери контроля за обстановкой проведения ОРМ со стороны органа, осуществляющего ОРД; возникновение угрозы жизни и здоровью людей.

На наш взгляд, в предложении первом ч. 10 ст. 19 Закона об ОРД после слов «оперативный осмотр» дополнить словами «контролируемая поставка».

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [Электронный ресурс] : [заключена в г. Вене 20.12.1988 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : [заключена в г. Палермо 15.11.2000 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Михайлов, В.И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция : учеб.-практ. пособие / В.И. Михайлов ; под ред. А.Ю. Шумилова. – М., 1998. – 96 с.

4. Рахимзода, Р.Х. Международная контролируемая поставка : монография / Р.Х. Рахимзода ; под ред. К.Х. Солиева. – Душанбе, 2017. – 187 с.

5. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З : принят Палатой представителей 26 июня 2015 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

6. Харевич, Д.Л. О некоторых проблемных аспектах правовой регламентации института уведомления о проведении оперативно-розыскных мероприятий / Д.Л. Харевич // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 нояб. 2018 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – С. 274–279.

7. Харевич, Д.Л. О совершенствовании некоторых норм Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / Д.Л. Харевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2019. – № 1. – С. 100–103.

8. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / И.А. Климов [и др.]; под ред. И.А. Климова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 407 с.

УДК 343.3

А.Д. Солонович, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Папкеев*

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

В настоящее время среди ученых всего мира достаточно широко обсуждается вопрос такой формы торговли людьми, как сексуальная эксплуатация или иными словами проституция, которая несет за собой наибольший резонанс в обществе. В общественном мнении можно выделить три основных подхода к проблеме проституции.

Первый характеризуется жестким осуждением, призывами к активной борьбе с целью полной ликвидации проституции.

Второй заключается в примиренческом отношении к проституции. Этот подход выражается в призывах к легализации сексуальной индустрии, поскольку проститутки помогают решать сексуальные проблемы части мужского населения. Сторонники данной точки зрения полагают, что проституция – профессия, которую человек выбирает самостоятельно, и потому этот род деятельности нужно включить в легальную экономику.

Третий основан на чисто феминистских представлениях, который в основном типичен для западноевропейской и североамериканской культуры. Проституция – побочный продукт неравенства мужчины и женщины, результат жестокой сексуальной эксплуатации женщин мужчинами.

На практике эти три подхода выражаются, как правило, в следующих пяти формах существования проституции в государстве.

Первая форма – осуждение (запрещение) проституции и введение уголовной ответственности для лиц, занимающихся этим ремеслом [1].

Вторая форма – осуждение (запрещение) и введение административной ответственности для лиц, занимающихся проституцией.

Третья форма – осуждение проституции и введение уголовной ответственности для лиц, пользующихся услугами проституток (так называемая «шведская модель» борьбы с проституцией) [2].

Четвертая форма – проституция не запрещена (ответственность за занятие этим «ремеслом» не установлена), но и не урегулирована, т. е. общество пустило проблему проституции «на самотек» и живет по формуле «проституция и не запрещена, и не разрешена».

Пятая форма – легализация и регулирование проституции.

Полагаем целесообразным рассмотреть такую форму, как легализация и регулирование проституции.

Здесь можно выделить две подгруппы:

первая подгруппа – проституцией разрешено заниматься как индивидуально, так и в борделях, содержащихся легально (это характерно для Австрии (с конца XIX в.), Швейцарии (с 1942 г.), Греции (с 1999 г.), Нидерландов (с 2000 г.), Германии (с 2002 г.), Новой Зеландии (с 2003 г.), Канады (с 2014 г.), США (только в штате Невада), Австралии, Турции);

вторая подгруппа – проституцией разрешено заниматься только индивидуально, содержание борделей и сутенерство являются преступлениями (Дания, Италия, Латвия, Венгрия, Великобритания, Сингапур).

Обратим внимание, что такие государства, как Швейцария, Австрия, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Сингапур, практически ежегодно входят в топ-10 стран с самым лучшим (высоким) уровнем жизни во всем мире. Кроме того, с морально-нравственным и духовным воспитанием подрастающего поколения в этих государствах также все в порядке.

Наиболее известен опыт легализации проституции в Нидерландах (с 2000 г. здесь разрешено открывать публичные дома), где официально зарегистрированные проститутки имеют все гражданские права и получают социальные пособия, как любые другие работники. В первые годы XXI в. доходы от секс-индустрии составляли примерно 5 % национальной экономики Нидерландов (в 2000–2002 гг. ВВП этой страны был около 430 млрд евро, а 5 % ВВП – 21,5 млрд евро) [3].

Сегодня ежегодный доход легальных борделей во всей Германии составляет 15–18 млрд евро, а уплаченный ими налог государству оценивается в 1,5–2 млрд евро (отметим, что в Германии до сих пор нет единой системы подсчета дохода от проституции на государственном уровне). Некоторые эксперты полагают, что в 2012 г. доход как от легальной, так и от нелегальной проституции в Германии составил 5 % ВВП страны (это около 170 млрд евро) [4].

В 2014 г. Financial Times оценила доходы Великобритании от проституции в 5,3 млрд фунтов стерлингов в год. В Турции такой доход ежегодно оценивается в 3–4 млрд евро. По мнению польских экономистов, если полностью легализовать проституцию в Польше, то бюджет этой страны сможет пополниться на 4 млрд евро в год [5–7].

Таким образом, некоторые государства решили вывести проституцию из «тени», чтобы не тратить деньги на борьбу с сутенерами и сопутствующим криминалом, а извлекать прибыль, при этом защищая права проституток и оберегая общество от венерических заболеваний (этому в определенной степени поспособствовало мнение самих проституток в указанных странах, поддержанное политическими кругами).

Используя практику Новой Зеландии, Австрии, Швейцарии, США, Австралии, Нидерландов, Германии и Латвии, а также собственное мнение, основываясь на диссертационном исследовании В.В. Емельянова «Организация деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь по противодействию распространению проституции», мы тезисно сформулируем:

- 1) основы государственного регулирования и контроля проституции;
- 2) формат деятельности полицейских органов;
- 3) возможность введения общественного контроля.

Основы государственного регулирования и контроля проституции:

1. Определить, что государственное регулирование проституции носит временный характер и распространяет свое действие на 10-летний период (предусмотреть возможность продления этого срока или его досрочное прекращение).

2. Легализовать как дома терпимости, так и индивидуальное занятие проституцией (определить формат лицензирования для каждого вида). За безлицензионную деятельность предусмотреть административную ответственность с высокими штрафами, а за повторность – уголовную.

3. Разрешить заниматься проституцией лицам, которым исполнился 21 год. Те, кто будут вовлекать в занятие проституцией лиц в возрасте от 18 до 21 года, а также использовать занятие проституцией таких лиц, должны нести ответственность по ст. 171¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (за вовлечение в занятие проституцией) или по ст. 171 Уголовного кодекса Республики Беларусь (за использование занятия проституцией лиц, не достигших необходимого для такой деятельности возраста).

Те, кто будут вовлекать в занятие проституцией лиц в возрасте до 18 лет или использовать их занятие проституцией, должны нести ответственность по ст. 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь (за торговлю людьми (торговлю детьми)).

Лица, имеющие возраст от 16 до 21 года, начавшие заниматься проституцией по своей воле, будут нести административную ответственность за незаконное занятие проституцией по ст. 17.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. За действия лиц в возрасте до 16 лет отвечают их родители или законные представители.

Предусмотреть механизмы освобождения от уголовной и административной ответственности для лиц, незаконно занимающихся проституцией под принуждением трафикеров.

4. Легализовать проституцию только на ограниченных территориях в определенных районах страны. Это можно реализовать путем создания специализированных зон развлечения, которые будут иметь дома терпимости в виде специализированных отелей и иную развлекательную инфраструктуру для взрослых (например, возле Национального аэропорта и аэропортов всех областных центров).

Если лица, не достигшие необходимого возраста, будут заниматься проституцией в домах терпимости, то владельцы последних понесут либо уголовную, либо административную ответственность (в зависимости от обстоятельств) и лишатся лицензии. Если в домах терпимости будут работать несовершеннолетние, то владельцы должны привлекаться к уголовной ответственности за торговлю людьми (торговлю детьми). Для предотвращения подобных ситуаций будут разработаны правила проверки возраста принимаемых на работу лиц.

5. Разрешить заниматься проституцией индивидуально в определенных местах, исключая улицы городов и обычные отели (например, на некоторых участках трассы М-1). По аналогии с принятыми в Латвии Правилами «Об ограничении проституции» обслуживать клиентов можно только в собственной или съемной квартире при условии, что остальные жильцы не против. Квартира не должна располагаться ближе 100 метров от образовательных учреждений и церквей [8].

6. Установить жесткие гигиенические требования (по аналогии с принятыми в Латвии Правилами «Об ограничении проституции») с обязанностью для проституток иметь «карты здоровья» (документа, выдаваемого врачом-дерматовенерологом) [9].

7. Разработать порядок рекламирования сексуальных услуг с установлением ограничений, чтобы не популяризировать проституцию среди молодежи.

8. Определить механизмы защиты прав лиц, занимающихся проституцией, их социальные гарантии. Принуждение к оказанию платных сексуальных услуг поставить вне закона. Установить для клиентов обязанность придерживаться правил безопасного секса.

9. Разработать правила, которыми будут установлены различные ограничения на занятие проституцией. За их нарушение привлекать к административной ответственности, а при повторном нарушении – к уголовной.

Формат деятельности полицейских органов:

1. В структуре МВД создать отдел, занимающийся вопросами лицензирования (определить срок лицензии для домов терпимости в 5 лет, а для лиц, занимающихся проституцией индивидуально, – в 1 год).

2. Вопросы лицензирования целесообразно возложить только на центральный аппарат МВД и аппараты ГУВД, УВД.

3. Установить особый порядок проверки уполномоченными лицами соискателей лицензии. Разработать перечень профессий, которые не смогут занимать в будущем лица, пожелавшие заниматься проституцией.

4. Различные контрольные мероприятия проводить с использованием форм и методов ОРД (как в отношении незаконной проституции, так и в отношении легальной).

5. Наделить сотрудников подразделений ПТЛ правом на составление протокола об административном правонарушении за нарушения законодательства о государственном регулировании проституции. Определить, какие составы должен рассматривать суд, а какие могут рассматривать руководители подразделений ПТЛ.

По нашему мнению, в пользу государственного регулирования проституции можно привести следующие аргументы:

1) Получение государством дополнительного дохода, деньги от которого можно тратить на социальные нужды. Выведение доходов из «тени» и дополнительное финансирование социальных проектов – это, как правило, основной аргумент легализации проституции. Если рассматриваемый «бизнес» начнет развиваться, то целесообразно направить его в русло создания специализированных зон развлечения, которые будут концентрироваться на определенных территориях, иметь специализированные отели и иную развлекательную инфраструктуру для взрослых. Для создания таких специализированных развлекательных зон потребуются инвесторы, которые будут вкладывать деньги в экономику Беларуси (по аналогии с игорными заведениями). Кроме того, нельзя забывать про увеличение потока туристов.

2) Минимизация уровня связанной с сутенерством преступности. Однако это не означает, что специализированные службы смогут расслабиться. Нельзя исключать появления нелегальных борделей (как в Нидерландах и Германии), возле которых будет сосредотачиваться криминал. Кроме того, специализированным службам дополнительно придется осуществлять лицензионные функции (например, по аналогии с Департаментом по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, который лицензирует деятельность, связанную с трудоустройством белорусских граждан за рубежом).

3) Контроль над венерическими заболеваниями. Обеспечение гигиены «труда» и реализация мер по лечению заразившихся венерическими болезнями проституток (их учет и применение суровых наказаний за неисполнение установленных требований).

4) Социальная защита лиц, оказывающих платные сексуальные услуги, и их безопасность (предотвращение насилия и эксплуатации). При введении государственного регулирования проституции предполагается существенное снижение зависимости проституток от сутенеров, так как они уже не будут являться «гарантами безопасности» (эти функции на себя берет государство, законодательство которого будет защищать права как проституток, так и их клиентов).

5) Решение проблем в интимной жизни инвалидов и одиноких людей. Опыт Нидерландов показывает, что к данному вопросу там подошли очень серьезно (проститутки сотрудничают с социальными службами, обслуживающими инвалидов).

1. Жилкишина, А. Секс под паранджой [Электронный ресурс] / А. Жилкишина // Новое поколение. – Режим доступа: www.np.kz/hotnewstop/19126-seks-pod-parandzhoy.html. – Дата доступа: 10.12.2018.

2. Проституция в северных странах ушла в подполье [Электронный ресурс] // ScandiNews. – Режим доступа: scandinews.fi/kaleidoscope/1864-prostitutciya-v-severnyix-stranax-ushla-v-podpole. – Дата доступа: 10.12.2018.

3. Латова, Н.В. Проституция [Электронный ресурс] / Н.В. Латова, Ю.В. Латов // Энциклопедия Кругосвет. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/PROSTITUTSIYA.html. – Дата доступа: 10.12.2018.

4. Панов, В. Как в большую политику Германии вмешалась проституция [Электронный ресурс] / В. Панов // KM.RU. – Режим доступа: www.km.ru/economics/2013/11/21/ekonomika-i-finansy/725737-kak-v-bolshuyu-politiku-germanii-vmeshalas-prostitut. – Дата доступа: 11.12.2018.

5. ЕС: проституцию в конституцию [Электронный ресурс] // Макспарк: соц. сеть. – Режим доступа: maxpark.com/community/5442/content/2290855. – Дата доступа: 11.12.2018.

6. Булава, А. Легализация проституции: почему секс-бизнес в Украине до сих пор вне закона? [Электронный ресурс] / А. Булава // Пороги: незалеж. молодіж. портал. – Режим доступа: porogy.zp.ua/2015/03/legalizaciya-prostitutcii-v-ukraine-zabota-ili-predatelstvo/. – Дата доступа: 11.12.2018.

7. 15 источников госбюджета, позволяющих странам процветать без кредитов [Электронный ресурс] // Биржевой лидер. – Режим доступа: www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/ukraine/entry1008234986.html. – Дата доступа: 11.12.2018.

8. Prostītūcijasierobežošanasnoteikumi [Electronic resource] : 22 jan. 2008 g., № 32 // Likumi.lv : LatviasRepublikastiesībuakti. – Mode of access: <https://likumi.lv/doc.php?id=169772&from=off>. – Date of access: 12.12.2018.

9. Минимальный возраст начала занятия проституцией повысят в 2020 году [Электронный ресурс] // Sputnik Латвия. – Режим доступа: <https://ru.sputniknews.lv.com/Latvia/20171027/6296415/prostitutki-uslugi-zapret.html>. – Дата доступа: 12.12.2018.

Н.М. Тарасов, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Н. Лахтиков*

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Необходимость рассмотрения вопроса о сущности оперативно-розыскного обеспечения предупреждения наркопреступности обусловлена тем, что практическая полезность применяемых методов и средств его изучения находится в зависимости от правильности представлений об объекте.

По нашему мнению, довольно точно изложили суть оперативно-розыскного обеспечения такие исследователи, как И.А. Климов и А.М. Абрамов, которые понимали суть оперативно-розыскного обеспечения как основанную на законе и ведомственных нормативных актах комплексную систему оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых оперативно-розыскными подразделениями органов внутренних дел и направленных на непрерывное, своевременное и полное обеспечение предварительного следствия информацией, содержащей совокупность фактических данных об обстоятельствах расследуемых преступлений [1, с. 21].

Само же понятие оперативно-розыскное обеспечение можно однозначно толковать как своевременное, связанное с проведением оперативно-розыскных мероприятий создание оптимальных условий для успешного осуществления определенной деятельности [2, с. 19].

Анализируя взгляды различных ученых о формулировке оперативно-розыскного обеспечения (Б.Е. Богданов, В.В. Губанов, И.А. Климов, А.М. Абрамов и др.), нами сделан вывод, что в настоящее время формулировка оперативно-розыскного обеспечения является важным фактором повышения эффективности ОРД.

На основании изложенного можно сформулировать оперативно-розыскное обеспечение предупреждения наркопреступности как систему комплексных оперативно-розыскных и иных мероприятий, проводимых субъектами ОРД, для предупреждения и (или) предоставления информации для доказывания о лицах, совершивших преступление, и своевременного раскрытия преступлений.

Задачи оперативно-розыскного обеспечения:

сбор, анализ, обработка и приобщение материалов, указывающих на признаки преступления, связанных с наркопреступностью, для принятия процессуальных решений;

помощь сил, средств, способов оперативных подразделений оказывать помощь следователю по проверке доказательств;
выявление и фиксирование преступных действий лиц;
выявление и фиксирование латентных фактов и эпизодов противоправной деятельности лиц, занимающихся наркопреступностью;
осуществление контроля за поведением и образом жизни лиц, ранее судимых за аналогичные преступления.

Принципы оперативно-розыскного обеспечения:

активность в добывании информации – наступательность действий в ходе поиска и проверки сведений, необходимых на реализацию раскрытия наркопреступлений;

плановость – всесторонний анализ ситуаций, стратегия и тактика раскрытия наркопреступлений, изобличение виновных;

комплексность – использование всех правоохранительных органов, учреждений, организаций и граждан;

научность – применение методов и средств, которые уже ранее были научно обоснованными, использованы в практической деятельности;

использование источников информации – использование любых источников информации, не запрещенных законом.

Непосредственно оперативно-розыскное обеспечение предупреждения наркопреступности можно рассматривать как систему мер, направленных:

на анализ оперативной обстановки;

поиск лиц, причастных к наркопреступлениям;

нейтрализацию наркопритонов, преступных формирований, каналов поставок и др.;

создание условий полного и объективного процесса доказывания;

решение организационных, тактических и иных вопросов, связанных с раскрытием наркопреступлений;

предупреждение наркопреступлений.

Для выполнения указанных целей оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и предупреждения преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков, особое значение приобретает знание оперативными сотрудниками и следователями комплексной характеристики данного преступления (уголовно-правовой, криминологической, криминалистической и других характеристик) и, в частности, его поисковые, идентификационные признаки, на основе которых создаются предпосылки для определения и реализации программы действий на этапах предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, выбора наиболее эффективных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, методов их осуществления при выявлении и фиксировании таких преступлений [3, с. 167].

Для нашего исследования интерес представляют уголовно-правовые, криминалистические, криминологические признаки, упорядоченные и взаимосвязанные между собой, обладающие поисковым характером и рассматриваемые с позиции решения задач по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [3, с. 167].

При знании поисковых мероприятий преступлений в сфере наркопреступности можно решить следующие задачи:

определение целей и задач оперативно-розыскных и иных мероприятий и следственных действий для предупреждения и (или) пресечения;

определение времени и порядка осуществления мероприятий и конкретных действий каждого участника;

разработка мер по нейтрализации наркопритонов, преступных формирований, каналов поставок и др. [3, с. 167].

Учитывая то, что отмеченные признаки, используемые для характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, подробно рассмотрены в юридической литературе, мы сочли важным остановиться лишь на некоторых их особенностях [4, с. 166].

Для характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков можно выделить следующие уголовно-правовые признаки, обладающие поисковым характером. Объектом таких преступлений является здоровье населения, а не конкретных лиц. Согласно белорусскому законодательству вред причиняется населению в целом, а конкретные лица по этим делам не признаются потерпевшими.

Наркотик или психотропное вещество как предмет преступления представляет собой материальный объект определенного вида, имеющий объем, вес, т. е. конкретные качественно-количественные признаки. Количество наркотического средства или психотропного вещества имеет существенное значение для правовой оценки содеянного. Если же нет предмета преступления – реального наркотического средства или психотропного вещества, обладающего определенным видом, объемом, весом, – состав преступления отсутствует.

Непосредственно предметом являются наркотические средства и психотропные вещества, указанные в списках 1, 2, 3, 5 Республиканского перечня, и прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, указанные в таблице 2 списка 4 Республиканского перечня, а также аналоги.

Согласно п. 8 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» наркотические средства, психотропные вещества – вещества природного или синтетического происхождения, включенные в Республиканский перечень.

Согласно п. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» аналоги наркотических средств, психотропных веществ – химические вещества, не включенные в Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь, структурные формулы которых образованы заменой в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ одного или двух атомов водорода на заместители атомов водорода [5].

Согласно п. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» прекурсоры наркотических средств, психотропных веществ – химические вещества, включенные в Республиканский перечень, используемые при изготовлении, производстве и переработке наркотических средств, психотропных веществ.

Особое значение для рассмотрения сущности и назначения оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступлений, связанных с предупреждением наркопреступности, играют криминалистические признаки. ОРД имеет свою цель в выявлении раскрытий преступлений установление тех же данных, что и расследование, т. е. фактический состав преступления во всех его элементах. Таким образом, на наш взгляд, в процессе ОРД можно с успехом использовать криминалистическую характеристику преступлений [3, с. 163].

В содержание признаков, связанных с наркопреступностью, стоит включать данные о субъекте, предмете преступного посягательства, способах совершения преступления, преступную картину преступления, следы преступления.

Особое значение для эффективного осуществления оперативно-розыскного обеспечения имеет аспект изучения способа совершения преступления, так как именно он служит источником сведений, необходимых для разработки средств, приемов и методов раскрытия, предупреждения преступлений [3, с. 169].

Знание способов совершения преступления дает возможность оперативному сотруднику определить правильное направление расследования, построение версий, способов раскрытия и проведение эффективно оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Для преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, характерны следующие способы их совершения:

- нелегальное изготовление (подпольная лаборатория);
- сбыт, хранение, приобретение наркотиков;

контрабанда наркотиков;
организация и содержание наркопритонов [3, с. 171].

Рассматривая криминологические аспекты, нужно выделить то, что преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, во многом определяются особенностями наркопреступника.

С одной стороны, это потребители наркотиков с присущей психологической и физической зависимостью, и удовлетворение нужды в наркотиках – определяющая черта личности потребителя, влияющая на последующее преступное поведение [6, с. 342].

С другой стороны, выделяется группа лиц, непосредственно участвующих в незаконном обороте наркотиков и не обязательно являющихся наркоманами. Характеристика личности этих лиц мало чем отличается от характеристики корыстного преступника. Наряду с алчностью среда наркобизнеса формирует у виновных эгоизм, отсутствие сострадания к жертвам, готовность к силовым методам решения конфликтов и обеспечение собственной безопасности.

В характере наркоманов преобладают негативные качества: эгоизм и себялюбие, слабоволие, нерешительность, скрытность, грубость, лживость, равнодушие к окружающим и близким.

Мотивы совершения преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, разные. В данных преступлениях есть две составляющие – богатство и зависимость, и исходя из этого можно сделать вывод о том, что мотивами совершения преступления являются стремление к обогащению, приобретение наркотиков для собственного потребления.

Детерминанты преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков:

уход от уголовной ответственности организаторов, иных активных участников уголовных преступлений;

низкий профессиональный уровень сотрудников органов внутренних дел;

слабое использование оперативно-технических и разведывательно-поисковых возможностей;

низкая эффективность применения оперативно-розыскных и иных мероприятий;

непринятие мер по привлечению к ответственности лиц, участвующих в совершении преступлений в качестве пособников, и т. д.

Таким образом, знание поисковых признаков, связанных с предупреждением наркопреступности, является основой для направления деятельности оперативных сотрудников в целях раскрытия оперативно-розыскных и иных мероприятий и последующего оперативно-розыскного обеспечения.

1. Абрамов, А.М. Организационно-тактические формы в оперативно-розыскной деятельности / А.М. Абрамов, И.А. Климов. – М., 1995. – 135 с.

2. Стукалов, А.Н. Особенности оперативно-розыскного обеспечения нейтрализации организованных преступных структур : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Стукалов. – М., 1999. – 22 с.

3. Сысенко, А.Р. Содержание оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и его поисковые признаки / А.Р. Сысенко, А.А. Сысенко // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Право». – 2007. – № 3 (12). – С. 161–174.

4. Кременов, И.Н. Уголовно-правовые проблемы борьбы с наркобизнесом / И.Н. Кременов, И.И. Святенко, Г.М. Меретуков // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности. Тр. Калинингр. ВШ МВД РФ. – Калининград : Изд-во Калинингр. ВШ МВД РФ, 1995. – Вып. 1. – С. 166–168.

5. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс]. – Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-З : в ред. от 18.07.2016 г. – Режим доступа: <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon0/z106.htm>. – Дата доступа: 14.04.2019.

6. Криминология и профилактика преступлений : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.] ; под общ. ред. В.А. Кашевского. – Минск : Акад. МВД, 2011. – 428 с.

УДК 343.4

А.А. Ткачѳв, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.А. Подупейко*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВ И СВОБОД В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Реализация прав и свобод человека – один из самых актуальных вопросов в современном мире. Республика Беларусь как полноправный субъект международного сообщества создает все условия для обеспечения прав и свобод, защиты интересов человека и гражданина. В соответствии со ст. 2 Конституции Республики Беларусь «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». В части третьей ст. 21 Конституции Республики Беларусь закреплено, что государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства [1].

В Республике Беларусь созданы благоприятные правовые условия для деятельности религиозных организаций, обеспечения прав граждан на свободу совести и вероисповедания, сохранения межконфессионального мира и согласия в обществе, развития межрелигиозного диалога.

Республика Беларусь – многоконфессиональное государство. В нашей стране зарегистрировано 26 религиозных конфессий и направлений. Общая численность религиозных организаций в настоящее время достигла 3 488. В соответствии со своими уставами действуют 173 религиозные организации, имеющие общеконфессиональное значение (религиозные объединения, монастыри, миссии, братства, сестричества, духовные учебные заведения). В республике зарегистрировано 3 315 религиозных общин [2].

Законодательство Республики Беларусь о свободе вероисповедания представлено различными видами нормативных правовых актов, среди которых ведущая роль принадлежит Конституции Республики Беларусь, Закону «О свободе совести и религиозных организациях». Права и свободы граждан в сфере вероисповедания закреплены в ст. 1, 16, 21, 23, 31 Конституции Республики Беларусь. Согласно ст. 16 Конституции Республики Беларусь все религии и вероисповедания равны перед законом [1].

Регулируя общественные отношения в религиозной сфере, Конституция обеспечивает общественную и национальную безопасность. Государство не вмешивается в дела религиозных общин и объединений, и в соответствии с законодательством, религиозные организации подлежат государственной регистрации для того, чтобы они смогли спокойно и полноценно осуществлять свою религиозную деятельность.

Законодательство Республики Беларусь права на свободу совести и свободу вероисповеданий регулирует на следующих принципах: свобода совести и вероисповедания является правом каждого; равенство всех перед законом независимо от отношения к религии; равенство религий перед законом.

Со стороны государства предпринимаются целенаправленные действия по обеспечению религиозного мира в стране. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь закреплено, что одним из национальных интересов в социальной сфере является «обеспечение гармоничного развития межнациональных и межконфессиональных отношений». Официально утверждается, что в Беларуси отсутствует основа для этнической, конфессиональной, расовой, политической дискриминации и нетерпимости, их отдельные проявления носят несистемный и единичный характер [3].

В соответствии со ст. 31 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных

культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом [1]. Белорусский законодатель, закрепив в ст. 31 Конституции «право участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» в отдельное правомочие, тем самым указал, что каждый может реализовывать свои религиозные убеждения путем участия в отправлении религиозных обрядов, например, крещение ребенка и др. [1].

В Законе Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» регламентированы правомочия религиозных организаций, а также обозначены правовые пределы обеспечения реализации свободы вероисповедания религиозными организациями в Республике Беларусь [4]. В вышеназванном законе свобода вероисповедания регламентируется в ст. 5, под которой законодатель понимает «право свободно выбирать, иметь, менять, выражать и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом». В изложенных нормах конкретизируются конституционные положения, в том числе и ст. 16 и 31 Конституции Республики Беларусь [5].

Стоит отметить, что участие в деятельности религиозных организаций является важнейшей формой выражения и осуществления свобод индивида в религиозной сфере. Это связано с тем, что реализация свободы вероисповедания в наиболее полном объеме возможна лишь посредством объединения индивидов в религиозные организации, поскольку коллективное осуществление религиозной деятельности вытекает из вероучения большинства современных религий.

Религиозные организации обладают правом самостоятельно формировать свою структуру и определять свои формы отправления религиозных культов в соответствии с каноническим правом и уставными документами [5].

Свобода вероисповедания является неотъемлемой свободой человека. Она может реализовываться как индивидуально, так и коллективно. Каждый человек самостоятельно определяет свое отношение к религии, а также возможное участие в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов.

Актуальным и важным для общества, для самих религиозных объединений является приобщение к религии современной молодежи как особой социально-демографической группы, характеризующейся особым социальным положением. Она обусловлена различными социально-психологическими свойствами, которые определяются уровнем социального, экономического и политического развития, особенностями социализации и т. д.

Современная молодежь, безусловно, является носителем культуры, в том числе и религиозной. Молодежь признается общественной группой в возрасте от 14 до 31 года, которая имеет общие социально-психологические особенности, обусловленные характером социальных отношений на данном этапе развития общества [7]. Молодежь составляет четвертую часть населения страны. В настоящее время в Беларуси проживает 1 млн 921 тыс. молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет (или 25 % от общей численности населения) [8]. Это определяет значимость проводимой государственной молодежной политики, которая представляет систему социально-экономических, политических, организационных и правовых мер, направленных на поддержку молодых граждан Беларуси. Государственная молодежная политика реализуется рядом государственных и негосударственных организаций (институтов), которые взаимодействуют между собой. Каждый из этих институтов осуществляет определенную деятельность в пределах своих полномочий и компетенции [7].

Чтобы осознать значимость религии в жизни молодежи, необходимо проанализировать, насколько молодые люди вовлечены в религиозную деятельность. Проведенное исследование (автор лично опросил 83 респондента из числа студенческой молодежи различных вузов) показало, что по-настоящему верующими ощущают себя только 20 % молодых людей. При этом 35 % из них посещали места богослужений не более одного раза в год; 10 % – один раз в месяц; 25 % – на Рождество/Пасху; 5 % посещали богослужения несколько раз в месяц. Освящать вступление в брак считают для себя важным 50 %.

Следует отметить, что религия и религиозная вера для молодых людей в Беларуси играют существенную роль. Так, большая часть юношей и девушек считают, что религия нужна современному человеку, и лишь 6 % опрошенных думают иначе. Самыми главными ее функциями признаются нравственно-регулятивная и интегрирующая; а религия в целом воспринимается в первую очередь как цементирующая основа национальной культуры и общественной нравственности, как воплощение традиций и преемственности. Одновременно, в зависимости от возраста, модифицировался функциональный «образ религии». Так, для 18–22-летних были несколько важнее интегрирующие и мировоззренческие возможности религии; для 23–30-летних – ее нравственный и психологический потенциал. На обращение к религии, по мнению практически 90 % респондентов, серьезное влияние оказывает семья.

Таким образом, религия играет важную роль в жизни молодежи. Молодые люди осознают, что религия формирует мировоззрение человека и оказывает значительное влияние на его поведение. Религия закрепля-

ет определенные общественные отношения, актуальные именно в это время. Юноши и девушки обращаются к религии в поисках путей ухода от проблем общественной жизни и духовно-нравственного удовлетворения. Оживление здорового, духовно-ценного интереса к культуре, истории, искусству, религиозной музыке, иконной живописи, церковной архитектуре для некоторых молодых людей оборачивается зарождением и развитием религиозных чувств и верований. С помощью религии человек имеет возможность сохранять свою культуру, передавать культурное наследие следующему поколению. Для молодого человека свобода выбора вероисповедания, гарантированная государством, является одной из самых важных свобод. Право исповедовать любую религию предполагает законную возможность формирования у человека положительного отношения к религии. В возможности выбора одного из трех вариантов отношения к религии и состоит свобода совести, которая выражается в возможности каждого самостоятельно, без какого-либо принуждения решать, руководствоваться ли ему в оценке своих мыслей и поступков религиозными убеждениями или нет. Республика Беларусь, являясь многоконфессиональным государством, позволяет каждому человеку свободно выражать свои убеждения, связанные с религией. Свобода вероисповедания может быть реализована как единолично, так и совместно с другими. Это означает, что человек самостоятельно, без чьего-либо вмешательства вправе исповедовать любую религию.

Регламентация прав и свобод подтверждает соответствие Конституции Республики Беларусь международным актам, которые устанавливают минимальные правила закрепления как прав и свобод, например, свободы вероисповедания, так и их отдельных правомочий религиозных организаций и являются ориентиром для национального законодателя при разработке нормативных правовых актов в области прав человека. Можно с уверенностью отметить, что государство создает все условия для развития религиозных отношений, гарантирует и защищает свободу вероисповедания, права и свободы граждан, исповедующих ту или иную религию.

1. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г., № 2875-XII : Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 1999 г., № 1, 1/0 (опубликован – 5 янв. 1999 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Уполномоченный по делам религий и национальностей.

3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : с изм. и доп. от 24.01.2014 г. № 49 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Бакун, А.С. Конституционно-правовое регулирование обеспечения реализации свободы вероисповедания религиозными организациями в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.С. Бакун ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2017. – 26 с.

6. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений : принята 25.11.1981 г. Резолюцией 36/55 на 73-м пленар. заседании Генер. Ассамблеи ООН // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

7. Об основах государственной молодежной политики [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 2009 г., № 65-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

8. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат).

УДК 342.9

А.А. Трусовский, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.В. Козелецкий*

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Важное теоретико-познавательное и практическое значение имеет научная классификация методов управленческой деятельности, так как она позволяет представить структуру образуемой ими системы и выделить основные группы методов, с помощью которых реализуется деятельность по управлению. Всякая классификация – это не только попытка нашего сознания, опираясь на какие-то признаки действительности, упорядочить наши знания о ней, но одновременно и отражение полноты глубины нашего знания об этой действительности. По своей природе классификация представляет собой применение логической операции деления объема понятия некоторого класса на виды, деление этих видов и т. д., предназначенное для постоянного использования в науке и практической деятельности.

К одной из первых попыток разделения методов по определенным критериям относится классификация В.С. Основина. По содержанию он выделял следующие группы методов: правового регулирования, организационные, экономические, технические; по характеру воздействия на

управляющую систему: прямого и косвенного воздействия; по характеру воздействия на психику людей: убеждения и принуждения [1, с. 181–187].

Иные принципы классификации методов управления предлагает В.В. Попов. Он выделяет экономические, социальные, административные и организационные [2]. Если в качестве основного критерия при классификации методов берется характер воздействия на объект управления, то различают следующие группы методов [3, с. 71; 4, с. 145–158]:

1. Методы прямого управляющего воздействия. Характеризуются односторонним непосредственным властным воздействием субъекта управления на поведение управляемых; при их использовании субъект принимает решение, исполнение которого носит обязательный характер, в случае неисполнения приказа вышестоящего органа объект может быть подвергнут наказанию; данная группа методов именуется административными методами управления, всегда имеют директивный характер, поскольку они связаны с властной природой управленческой деятельности.

2. Методы косвенного управляющего воздействия. Характеризуются воздействием на интересы управляемых для достижения желаемого поведения объекта управления; управляемый ставится в такие условия, в которых он сам заинтересован действовать должным образом не по прямому предписанию субъекта управления; поскольку стимулирующие средства носят материальный характер, то они именуется экономическими методами управления; у объекта управления существует возможность выбора варианта поведения.

Кроме того, выделяются социально-психологические методы управляющего воздействия. Данную группу можно одинаково отнести как к методам прямого, так и к методам косвенного управляющего воздействия. Например, в психологической мотивации существует и принуждение, имеющее, скорее, прямое воздействие, и оказание доверия – воздействие на волю и сознание подчиненного. Но поскольку социально-психологические методы имеют специфический оттенок (связь с различными областями психологии, социологии, отчасти педагогики), они выделяются в качестве самостоятельной группы.

Однако с подобным делением методов управления не согласен Г.В. Телятников [5, с. 45–57], который исходя из специфики методов выделяет методы воздействия на объект и применяемые внутри субъекта управления. К последним относятся методы организации деятельности, идеологического и психологического воздействия на подчиненных, подготовки решения, переработки информации, подбора, подготовки и расстановки кадров, методы научной организации труда, математические методы. А исходя из характера управляющего воздействия, он выделяет

методы убеждения, принуждения и стимулирования. В свою очередь по мотивационной характеристике методы управления подразделяются на организационно-распорядительные, экономические, идеологические и социально-психологические.

Отсюда вывод: методы прямого воздействия – методы воздействия на объект, а косвенного – методы, применяемые внутри субъекта. Мы поддерживаем мысль автора, что социально-психологические методы составляют особую группу методов, которая в одинаковой степени может быть отнесена к методам прямого и косвенного воздействия.

На классификации А.П. Коренева стоит остановиться более подробно, поскольку в ней, на наш взгляд, наиболее полно отражены методы воздействия (следует подчеркнуть, что он не рассматривает методы познания, очевидно, не считая их собственно управленческими).

При классификации административных методов он выдвигает несколько оснований [6, с. 71–102]. В смысле формы выражения необходимо различать два вида административных методов – административно-правовые и административно-организационные. Данная двоякая форма обусловлена тем, что субъект государственного управления (например, начальник органов внутренних дел) является одновременно и носителем государственно-властных полномочий, что позволяет ему применять административно-правовой метод, и организатором деятельности подчиненных ему аппаратов и сотрудников. Административно-правовые методы выражаются в издании правовых актов, обязательных для исполнения теми, кому они адресованы. Их исполнение обеспечивается принудительной силой государства. Административно-организационные методы, в свою очередь, подразделяются: на согласование, взаимодействие, координацию, контроль и проверку исполнения, инспектирование, инструктирование и др.

Нормативные методы административного воздействия адресованы неопределенному числу объектов управления. Как правило, такие нормативные акты закрепляют организационную структуру органов и служб, определяют статус различных должностных лиц, их задачи, функции, права и обязанности, порядок деятельности и т. д. Индивидуальные административные методы управления реализуются в виде прямых руководящих предписаний, адресатом которых являются конкретные исполнители. Это основные способы разрешения конкретных ситуаций как предусмотренных нормативными актами, так и в случаях, когда ситуация выходит за пределы, очерченные этими нормами.

В соответствии с формой предписания А.П. Коренев рассматривает: категорические (императивные), поручительные, рекомендательные и диспозитивные методы. По способу воздействия на поведение объек-

тов управления административные методы подразделяются: на обязывающие – предписывают объекту управления совершение тех или иных действий; уполномочивающие – позволяют совершение тех или иных действий; поощрительные – воздействуют на объект посредством мер поощрения, стимулов к добросовестному выполнению служебного долга; запретительные – содержат прямой запрет на совершение тех или иных действий.

Классификация методов управления, предложенная А.П. Кореневым, по нашему мнению, наиболее органично впитала в себя все предыдущие попытки разделения административного метода управления на различные подвиды.

Рассматривая требования к любой классификации методов управления, мы говорили о необходимости наличия классификационного признака. Так, некоторые авторы считают, что существенным признаком, через который раскрывается сущность категории метода управления, является содержание деятельности. Вышеназванные замечания фактически легли в основу классификации А.П. Ипакяна [7, с. 15], в соответствии с которой выделяются:

1. Методы исследования систем и процессов управления: а) методы выработки и принятия управленческих решений; б) методы воздействия на управляемую систему.

2. В свою очередь методы воздействия делятся на организационные методы и методы регулирования.

3. Кроме того, методы регулирования включают в себя: а) экономические методы, обладающие объективной ориентацией; б) административные методы, предполагающие каждый раз для оказания воздействия либо издание соответствующей команды, либо проведение непосредственных организационных мероприятий.

Данная классификация основана на функциональном содержании управления. В социальном аспекте функция выработки и принятия управленческого решения может быть определена как деятельность субъекта управления, связанная с выдвижением цели действия, выбором путей, способов и средств достижения. Следовательно, планирование и прогнозирование фактически входят в эту функцию, так как она включает в себя известное предвидение будущего, выработку программы действия.

Управление в целом характеризуется организационным содержанием, охватывающим структурный и функциональный аспекты организации. В этом смысле можно говорить об организации систем процессов управления. Объектами воздействия в социальных системах являются и процессы управления, и сами системы, в которых эти процессы про-

текают. Таким образом, в данной классификации функция организации ограничена лишь структурным аспектом, а содержание функционального аспекта организации рассматривается как функция регулирования. Отсюда деление на методы воздействия на структуру системы (организационные) и методы воздействия на процесс управления (т. е. воздействие на людей, включенных в процесс ее функционирования). Отчасти эту мысль поддерживает и В.Г. Афанасьев, который связывает функцию организации с формированием управляющей и управляемой систем: «Существо организации, как специфической функции управления, состоит в том, чтобы выполнить решение организационно, создать сеть организационных отношений, обеспечивающих прежде всего целостность управляемой системы» [8, с. 32].

При этом под методами организации понимаются способы, ведущие к созданию стройной системы, совершенствованию ее структуры: разработка и четкое определение функций – задач и полномочий аппарата в целом, его структурных подразделений и отдельных должностных категорий; выработка научно обоснованной структурно-штатной формы аппарата и т. д. Это так называемая технологическая сторона организационных методов. Здесь решаются вопросы выбора и обоснования целей системы управления исходя из объективных свойств, особенностей и закономерностей развития управляемых объектов, их детализации применительно к деятельности конкретных субъектов данной системы и определения путей и средств оптимального достижения этих целей. Иными словами, исследовательская функция входит в процесс управления как его важнейшая составная часть. Из этого следует, что существуют методы управления, с помощью которых решаются эти задачи – *познавательно-программирующие* методы. Соответственно, другая часть методов будет *организационно-регулирующими*. Этот вид деятельности субъекта управления связан с реализацией управленческих решений, организацией их исполнения с соответствующим регулированием системы управления. Иными словами, в рамках каждой функции реализуются свои методы.

В этом случае правомерно говорить о двух группах методов: методах познавательно-программирующей деятельности субъекта управления (методы познания) и методах организационно-регулирующей деятельности (методы воздействия). Обоснование данного функционального подхода было подробно рассмотрено в классификации А.П. Ипакяна. Их единство и взаимосвязь предстает перед нами в виде целостной функции управления.

Проблема создания единой системы методов осложняется в настоящее время тем, что повышающийся уровень индустриального развития

общества и науки способствует разработке новых методов управления или использованию уже известных методов в новом качестве.

Классификация методов управления в зависимости от характера воздействия на объект управления имеет один существенный недостаток: она не включает в себя познавательные методы, которые являются определяющими на стадии подготовки и принятия управленческих решений. В этой связи следует заметить, что, если в практике современного управления вырабатываются все новые и новые эффективные методы, то их систематизация менее подвижна. Как правило, эти методы находят свое место в рамках разработанных наукой классификационных группировок.

Таким образом, научно-теоретический анализ видовой разнообразия методов управленческой деятельности, их назначения в управлении ОВД и выделения критериев классификации позволяет сделать следующие выводы:

1. Методы управления – определенные способы или приемы практического осуществления целей, задач и функций управления, которые используются субъектами управления и их должностными лицами в установленных законами пределах при осуществлении управленческих действий, административного воздействия в отношении соответствующих объектов и лиц.

2. Наиболее обоснованным с функционально-содержательной точки зрения является выбор в качестве классификационного признака непосредственно *содержания управления*. Тогда система методов управленческой деятельности как *элемента организационной подсистемы механизма управления ОВД* будет включать в себя не только методы непосредственного воздействия субъекта управления на управляемый объект, но и познавательно-программирующие методы, используемые преимущественно на стадии подготовки и принятия управленческих решений. С таких позиций система методов управления в ОВД будет выглядеть следующим образом.

Познавательные методы – методы выработки научно обоснованных решений и оптимизации процесса управления, которые преимущественно используются на стадии подготовки и принятия управленческих решений и являются необходимым средством правильной постановки целей, задач управления, выбора оптимальных путей решения проблемы.

Организационные методы управления – способы воздействия на структуру системы, ее внутреннюю организацию с целью обеспечения наиболее эффективного функционирования системы. Включают в себя методы регламентирования и нормирования деятельности.

Организационно-регулирующие методы – способы непосредственно воздействия на поведение управляемых. Они включают в себя прежде

всего всеобщие методы управления: убеждение и принуждение, а кроме них следующие группы: 1) административные методы – методы прямого воздействия на подчиненных; 2) экономические методы – методы воздействия на управляемую систему, основанные на учете объективных экономических законов; 3) социально-психологические методы – методы воздействия на объект управления с учетом объективных законов развития психологии и социологии, которые включают в себя две большие группы: социологические методы и психологические методы.

1. Основин, В.С. Основы науки социального управления / В.С. Основин; науч. ред. Г.Ф. Горский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. – 260 с.
2. Попов, В.В. Методы управления, их содержание и взаимосвязь / В.В. Попов. – М. : Экономика, 1974. – 63 с.
3. Основы управления в органах внутренних дел : учебник / Н.И. Буденко [и др.] ; под ред. А.П. Коренева. – М. : Моск. ун-т МВД России : Щит-М, 2002. – 396 с.
4. Козлов, Ю.М. Научная организация управления и право / Ю.М. Козлов, Е.С. Фролов. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 247 с.
5. Диалектика и методы управления / отв. ред. Г.В. Телятников // Межвуз. темат. сб. – Калинин : КГУ, 1981. – 168 с.
6. Основы управления в органах внутренних дел : учеб. для образоват. учреждений ВПО МВД России / Н.И. Буденко [и др.] ; под ред. А.П. Коренева ; Моск. ун-т МВД России. – М. : Щит-М, 2003. – 395 с.
7. Ипакян, А.П. Методы научной организации управления в органах внутренних дел : лекция / А.П. Ипакян. – М. : МВШ МВД СССР, 1972. – 43 с.
8. Афанасьев, В.Г. Общество: системность, познание и управление / В.Г. Афанасьев. – М. : Политиздат, 1981. – 260 с.

УДК 343.985.7

А.В. Фурманов, выпускник следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Р.В. Скачек*

СУБЪЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

В криминалистической и уголовно-процессуальной литературе, посвященной вопросам использования специальных знаний на различных стадиях уголовного процесса, до настоящего времени происходит полемика относительно терминов «субъект использования специальных зна-

ний», «сведущее лицо», «эксперт», «специалист», о их соотношении и правовой регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве.

Проанализировав имеющиеся рассуждения и доводы в пользу той или иной позиции, предложим свою авторскую аргументацию по указанному проблемному полю.

Одним из распространенных является суждение о том, что всех носителей специальных знаний, за исключением органов уголовного преследования и суда, следует отнести к сведущим лицам [1, с. 54–56]. По мнению сторонников рассматриваемой позиции, необходимость использования термина «сведущие лица» в науке и закрепления его в уголовно-процессуальном законе аргументирована исторической обусловленностью, существованием противоречивых взглядов.

Другие ученые вводят более широкий термин сведущих лиц как субъектов доказывания, относя к их органам уголовного преследования и суду [2, с. 54].

Для обоснования включения (невключения) в научный обиход термина «сведущее лицо» исследуем этимологию слова «сведущий».

Некоторые авторы выводят термин «сведущее лицо» через категорию специалист и понимают под ним квалифицированного, опытного, умелого специалиста в какой-либо отрасли человеческого знания, профессии, ремесла [3, с. 15].

Большой толковый словарь содержит следующее определение термина «сведущий» – имеющий большие сведения в чем-нибудь, хорошо осведомленный о чем-либо. Иными словами, исходя из буквального толкования, под сведущим лицом необходимо понимать человека, обладающего достаточным объемом познаний в определенной сфере жизнедеятельности.

На наш взгляд, термин носит обобщенный ненаучный характер и может быть использован в филологическом контексте для упрощения построения предложений в качестве синонима, но не в юридической терминологии. Справедливо в этом контексте отмечает С.И. Земцова о том, что подменять данным термином понятия «специалист» и «эксперт» недопустимо [4, с. 50].

Подтверждением этому является действующая редакция Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, в содержании которой термин «сведущее лицо» используется лишь два раза, в качестве синонима слову эксперт. Так, ч. 2 ст. 227 УПК Республики Беларусь определяет, что экспертиза проводится специалистами экспертных учреждений, иных государственных или негосударственных организаций либо другими сведущими лицами, назначенными следователем, лицом, производящим дознание.

Пункт 2 ч. 1 ст. 229 УПК Республики Беларусь предусматривает, что при назначении и проведении экспертизы подозреваемый, обвиняемый, их законные представители и защитник имеют право заявлять отвод эксперту или ходатайствовать об отстранении экспертного учреждения от проведения экспертизы в случае установления обстоятельств, ставящих под сомнение незаинтересованность в исходе уголовного дела руководителя экспертного учреждения, в котором работает сведущее лицо.

В содержании УПК Российской Федерации термин «сведущее лицо» не употребляется вообще.

Исходя из проведенного анализа с целью дальнейшего использования в диссертационном исследовании предлагаем употреблять терминологию «субъекты использования специальных знаний», что позволит, на наш взгляд, систематизировать излагаемый материал, обеспечить соблюдение правил юридической техники, устранить существующие противоречия в теории и практике использования схожей терминологии.

Прежде чем определиться с субъектами использования специальных знаний при расследовании преступлений против жизни и здоровья необходимо отметить, что в научной литературе и на практике оперируют такими понятиями, как «использование специальных знаний» и «применение специальных знаний». Возникают вопросы: в каком контексте можно употребить то или иное понятие, равнозначны ли эти определения, можно ли поставить знак равенства между ними?

Для этого следует обратиться к толкованию данных понятий. «Использовать» – употребить что-либо для какого-либо дела; применяться где-либо, в чем-либо. «Применить» – употребить, использовать, осуществить что-либо на деле, на практике [5, с. 613].

Исследуя признаки специальных знаний, можно сказать, что они требуют наличия специального субъекта в обязательном порядке. Исходя из такого «субъектного» критерия, ученые разделяют этих лиц на тех, кто использует специальные знания, и на тех, кто применяет их. Обосновывая это тем, что часто субъектами применения специальных знаний выступают только эксперты, специалисты и иные лица, обладающие специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла. Тем самым они определяют перечень лиц, которые способны применить специальные знания в целях раскрытия и расследования преступления. С другой стороны, существуют мнения, согласно которым субъектами использования специальных знаний выступают лица, производящие расследование; прокурор-криминалист; прокурор в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования и т. п.

На наш взгляд, такие мнения являются не совсем обоснованными и надуманными, так как согласно толкованию слов русского языка данные

понятия являются тождественными с точки зрения «субъектного» критерия. Субъектами использования специальных знаний могут выступать не только лица, производящие расследование; прокурор-криминалист; прокурор в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, но и специалисты; эксперты; лица, обладающие знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не наделенные процессуальными правами эксперта или специалиста; оперативные работники. И субъектами применения специальных знаний являются не только специалисты, эксперты, но и лица, производящие расследование, непосредственно сам следователь, прокурор и т. д. Ведь целью применения собственных знаний следователя, лица, производящего дознание, являются и непосредственное обнаружение, фиксация, предварительное изучение, оценка и использование доказательств; решение вопроса об их относимости и допустимости; организация взаимодействия со сведущими лицами в процессе расследования преступлений, что, безусловно, требует от этих лиц применения специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла.

Субъекты использования специальных знаний при расследовании преступлений против жизни и здоровья могут быть подразделены на следующие группы:

а) лица (органы), ведущие уголовный процесс (лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд);

б) субъекты, имеющие процессуальное положение, определяемое наличием у них специальных познаний (эксперт, руководитель экспертного учреждения, специалист, переводчик, врач);

в) субъекты, процессуальное положение которых не определяется их специальными познаниями (ревизор, технический инспектор и др.); по делу они выступают в качестве свидетелей.

Первая группа характеризуется непосредственно применением своих специальных (криминалистических и т. д.) знаний при производстве по материалам и уголовным делам. Однако такая деятельность несовместима с тем, чтобы указанные лица подменяли при этом сведущих лиц, участвующих в уголовном процессе (эксперта, специалиста и др.). Речь идет о непосредственном применении специальных знаний лицом, производящим дознание, следователем и судом при привлечении к делу надлежащих сведущих лиц (специалистов, экспертов и др.), осуществлении процессуального контроля над их деятельностью, оценке результатов этой деятельности при установлении фактических обстоятельств дела [6, с. 54–55].

Овладение профессиональными и специальными знаниями позволяет следователю, лицу, производящему дознание, лучше воспринимать поступающую к нему информацию. Знание криминалистической техники, например, классификации папиллярных узоров, дает возможность уже на стадии организации и проведения следственных действий по типу узора оперативно провести сверку причастных к событию лиц и сузить круг подозреваемых, подобрать дактилоскопические карты для экспертного исследования, по общим признакам решить вопрос о целесообразности дальнейшего исследования. Общими для следователя, лица, производящего дознание, являются знания в области уголовного процесса, уголовного права и других наук; специальные знания, позволяющие решать частные задачи уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 5].

Непосредственное использование специальных познаний органами (лицами), ответственными за ведение процесса («функционерами процессуальной деятельности»), В.И. Шиканов рассматривает и как «форму», и как «процессуальный уровень» такого использования, включая в данный «уровень» также и деятельность специалиста [8, с. 6]. С его трактовкой использования специальных знаний следователем, судом и др. согласиться нельзя. Непосредственное использование лицами (органами), ответственными за ведение процесса, своих специальных познаний образует не форму, а только высший процессуальный уровень использования этих познаний, причем в указанный уровень не входит деятельность каких-либо иных сведущих лиц, в том числе специалистов. Последние действуют на более низком процессуальном уровне, поскольку их деятельность проводится не иначе как по поручению субъектов, ответственных за ведение процесса, и ими же оцениваются результаты этой деятельности, и в зависимости от их оценки они признаются или не признаются доказательствами по делу. Деятельность лиц, ответственных за ведение процесса, как сведущих лиц, отнюдь не ограничивается только привлечением к следственным и иным процессуальным действиям иных сведущих лиц. Она выражается в планировании расследования, применении ими различных тактических приемов и научно-технических средств, использовании в необходимых случаях различных специальных правил (техники безопасности, дорожного движения и др.) для анализа правомерности действий тех или иных лиц [7, с. 56].

Вторая группа, как уже отмечалось, это сведущие лица, которые могут быть субъектами (участниками) как следственных (экспертиза, освидетельствование и др.), так и иных процессуальных действий (требование проведения ревизии, представление следователю или суду справки или консультации специалистов). К числу их относятся: экс-

перт; руководитель экспертного учреждения (при проведении экспертизы в нем); вспомогательный состав сведущих лиц при производстве отдельных экспертиз (например, экспертизы на ЭВМ – перфораторщик, инженер ЭВМ и т. п.), врач-специалист, переводчик и т. д.

Третья группа не имеет процессуального статуса, но тем не менее использует специальные знания при расследовании преступлений против жизни и здоровья. Ими могут быть ревизоры, технические инспекторы, руководители и сотрудники экспертных (несудебных) учреждений (например, Бюро товарных экспертиз) и др. Они вправе представлять субъектам доказывания первой группы имеющиеся в их распоряжении документы (акты ревизий, экспертиз и т. д.) и обязаны это сделать по требованию указанных субъектов. Отсюда лишь с известной натяжкой можно говорить о «процессуальном положении» этих лиц [9, с. 5]. Никаких иных «полномочий», кроме названных выше, у этих лиц в уголовном процессе нет и не может быть.

Таким образом, можно сделать вывод, что субъектами использования специальных знаний при расследовании преступлений против жизни и здоровья являются не только эксперт и специалист, целями и задачами функционирования которых является непосредственное использование собственных специальных знаний при расследовании преступлений, но и сам орган, ведущий расследование, а также иные лица, обладающие специальными познаниями в области науки, техники, искусства, ремесла. Наличие такой процессуальной формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, как использование собственных специальных знаний таким субъектом, как следователь, является уникальной и важной разновидностью ее проявления, что способствует своевременному, быстрому и качественному расследованию преступлений.

1. Махов, В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : монография / В.Н. Махов. – М. : Изд-во РУДН, 2000. – 296 с.

2. Арсеньев, В.Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В.Д. Арсеньев, В.Г. Заблоцкий. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 152 с.

3. Латыпов, В.С. Отдельные аспекты применения специальных знаний на различных стадиях уголовного процесса [Электронное издание] : учеб. пособие / В.С. Латыпов ; под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. – Уфа : Уфим. ЮИ МВД России, 2016. – 159 с.

4. Земцова, С.И. Использование понятий «сведущее лицо» и «сведущий свидетель» в уголовном судопроизводстве: за и против / С.И. Земцова // Вестн. криминалистики. – 2013. – № 2 (46). – С. 49–53.

5. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2004. – 960 с.

6. Арсеньев, В.Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В.Д. Арсеньев, В.Г. Заблоцкий. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 152 с.

7. Использование специальных знаний в процессе расследования преступлений : практ. рук. / И.А. Анищенко [и др.]; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2009. – 92 с.

8. Арсеньев, В.Д. Основания назначения судебной экспертизы / В.Д. Арсеньев // Актуальные теоретические и общеметодологические проблемы судебной экспертизы. – М. : ВНИИСЭ, 1975. – Вып. 16. – С. 12–16.

9. Михайловская, И. Процессуальное положение технического инспектора совета профсоюзов / И. Михайловская // Сов. юстиция. – 1965. – № 19 – С. 4–8.

УДК 343.9

В.В. Храменков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,

доцент *Д.В. Ермолович*

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ПРОФАЙЛИНГА В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Правоохранительный профайлинг при проведении массовых мероприятий – технология выявления лиц, представляющих оперативный интерес, и прогнозирования противоправного поведения иных лиц, в ходе охраны общественного порядка и обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий сотрудниками правоохранительных органов и специальных служб.

Рассматривая массовые мероприятия как социальное явление, следует отметить, что их проведение порождает особую обстановку на определенной территории, которой присущи следующие специфические особенности:

нарушается в определенной мере обычный ритм жизни района, города или республики в целом;

устанавливается ряд ограничений в связи с характером проводимого массового мероприятия и особенностями места его проведения (полное или частичное прекращение движения транспорта, пешеходов и т. п.);

вводятся предписания о правилах поведения во время массовых мероприятий;

проводятся массовые мероприятия, как правило, на ограниченной территории с участием большого количества людей;

существует возможность стихийного формирования определенных неформальных группировок, оказывающих отрицательное влияние на состояние общественного порядка и безопасности и способных совершать различные правонарушения;

существует возможность возникновения групповых беспорядков, пожаров, разрушений конструкций, сооружений, других непредвиденных обстоятельств, создающих угрозу общественному порядку и безопасности, причинения ущерба предприятиям, организациям, личным интересам граждан.

Кроме того, проведение массового мероприятия связано со структурной перестройкой работы служб и подразделений ОВД (создание специальных органов управления – оперативно-ситуационных штабов, пунктов управления, различных групп; возникновение дополнительных задач, которые приходится решать сотрудникам органов внутренних дел, участвующим в охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий). Дополнительно привлекаются силы и средства, изменяется режим работы личного состава и т. п.

Основными задачами, которые решают ОВД при проведении массовых мероприятий, являются:

обеспечение общественного порядка, строгого соблюдения участниками и зрителями установленных правил поведения;

предупреждение и пресечение возможных преступлений, нарушений общественного порядка, террористических актов;

оказание содействия другим государственным органам в обеспечении общественной безопасности.

В планах охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий предусматривается создание следующих видов подразделений милиции:

Группа управления силами и средствами обеспечивает руководство нарядами и контроль за несением ими службы в зонах (секторах) и на участках; организует и проводит занятия, инструктажи личного состава ОВД, контролирует выполнение нарядами функциональных обязанностей; решает вопросы допуска в зону оцепления граждан, не имеющих пропусков; вносит предложения об изменении расстановки нарядов; устанавливает и снимает ограничения движения транспорта и пешеходов.

Группа оцепления формируется из личного состава подразделений патрульно-постовой службы, участков инспекторов милиции, учеб-

ных заведений МВД Республики Беларусь, а также внутренних войск. Группа осуществляет оцепление (блокирование) соответствующего района местности с целью ограничения допуска граждан, направления на фильтрационный пункт лиц, пытающихся проникнуть в район оцепления, задержания правонарушителей, выявления организаторов и активных участников противоправных действий.

Группа патрулирования создается из личного состава ОВД, а также внутренних войск и учебных заведений МВД Республики Беларусь для осуществления охраны общественного порядка на прилегающей к району проведения массовых мероприятий территории.

Группа ограничения дорожного движения формируется из работников дорожно-патрульной службы и организует движение транспорта, пешеходов в обход зоны оцепления, а также обеспечивает беспрепятственный проезд к месту проведения мероприятий автотранспорта ОВД, внутренних войск, аварийно-спасательных служб.

Группа сопровождения обеспечивает общественный порядок при построении колонны, ее сопровождение и размещение в отведенных для этого местах.

Группа применения специальных средств формируется из специально подготовленных сотрудников и состоит из отдельных расчетов по 2–3 человека, оснащенных специальными средствами различного назначения и индивидуальными средствами химической защиты (противогазами).

Группа разъяснения законов создается из числа наиболее подготовленных сотрудников органов внутренних дел, учебных заведений МВД Республики Беларусь. Основной задачей ее является проведение разъяснительной работы среди участников массовых мероприятий.

Оперативно-следственная группа осуществляет оперативно-розыскную и следственную работу по предупреждению готовящихся и раскрытию совершенных преступлений, разбирательство с лицами, совершившими в зоне оцепления правонарушение; производит фотографирование, видеосъемку; осуществляет документирование.

Группа обеспечения связи призвана обеспечить надежное управление оперативными силами и средствами.

Резерв предназначается для решения задач охраны общественного порядка в случаях осложнения обстановки во время проведения массовых мероприятий. Резерв должен располагаться в местах, откуда он может быстро вводиться в действие.

Группа тылового обеспечения осуществляет обеспечение нарядов, несущих службу, техникой, вооружением, специальными средствами, оказания медицинской помощи.

Контрольно-пропускной пункт (КПП) состоит из двух или более сотрудников милиции, выполняющих задачу по обеспечению пропускного режима или ограничению движения транспортных средств и пешеходов [1, с. 56–59].

На наш взгляд, целесообразным будет внести в штат подразделений, обеспечивающих правопорядок при проведении массовых мероприятий, группу разведки.

Группа разведки должна формироваться из специально подготовленных сотрудников-профайлеров. Основной задачей данной группы является выявление в зоне оцепления и на прилегающей территории лиц, склонных к совершению преступлений и административных правонарушений, проносу в места проведения мероприятий запрещенных предметов. Сотрудники милиции в целях выполнения данной задачи должны владеть основными навыками наблюдения (сенсорной чувствительности) и собеседования (умением проводить краткую опросную беседу). Данные навыки являются базовыми и обязательными для любого специалиста-профайлера. Прежде всего следует отметить, что в системе обеспечения общественной безопасности действует так называемая «оперативная триада»: предупреждение – предотвращение – пресечение. Сотрудники милиции особое внимание должны уделять именно первому компоненту «триады» – предупреждению (профилактике) актов незаконного вмешательства (АНВ), так как предупреждение всегда является значительно менее затратным (и в буквальном, и в переносном смысле) по сравнению с предотвращением, а тем более с пресечением правонарушений. При обеспечении безопасности в местах проведения массовых мероприятий, применяя технологию профайлинга, сотрудник милиции должен действовать по определенному алгоритму. Прежде всего при наблюдении за гражданином ему следует постоянно задавать себе так называемые «вопросы профилирования»: «Тот ли это человек, за которого он себя выдает? Не скрывает ли он негативные намерения? Почему на лице страх, беспокойство, вина, печаль, отсутствие эмоций? Как соотносится его внешность и контекст (проявление неконгруэнтности)?» Далее обращается внимание на такие подозрительные признаки, как: любое несоответствие (например, несоответствие одежды погодным условиям); «мешковатый» внешний вид. И здесь следует отметить, что подозрительные признаки проверяются исходя из личных убеждений сотрудника-профайлера. К критическим признакам следует отнести: перекося одежды на теле; выпуклость одежды в местах ношения оружия; распахнутость (застегнутость) одежды; наличие одежды, скрывающей

контуры фигуры; произвольный контроль оружия (пояса шахида) на теле; хождение по помещению; невразумительные ответы на вопросы по деталям одежды, документов; нервозность и т. д.

Необходимо также обращать внимание на неестественно бледный цвет лица; «одеревенение» походки. В то же время нельзя игнорировать и полную нейтрализацию, так называемую «суицидальную маску» – отсутствие эмоций, транс.

Одним из наиболее сложных методов профайлинга является опросная беседа, так как для ее правильного проведения требуется специальная подготовка. При применении метода опросной беседы анализируется целый комплекс критериев истинности-ложности ответов опрашиваемого. Здесь сотрудник-профайлер обращает внимание и на обобщенные ответы, и на искажение информации, и на уход от ответа. Значимыми также являются признаки проявления вегетативной нервной системы, «зависания» при ответе на вопрос, отклонение от базовой линии поведения проверяемого лица и др.

Форма одежды для несения службы специалистов-профайлеров – гражданская (штатская). Сотрудников данной группы целесообразно экипировать скрытоносимой радиостанцией в целях обеспечения постоянного взаимодействия и непрерывной передачи значимой информации иным нарядам и постам, средствами фото- и видеofиксации для детализации передаваемых сведений, а также скрытоносимыми средствами индивидуальной защиты (например, щитки на ноги) в целях обеспечения защиты жизни и здоровья самого профайлера в случае его расшифровки и нападения.

Наиболее удачным нам видится размещение профайлеров в специализированных мониторинговых центрах, на КПП и непосредственно на территории проведения массового мероприятия. Приоритетную роль играют навыки наблюдения сотрудников правоохранительных органов за мониторами, на которые передаются изображения с видеокamer, транслирующих мероприятие. При проведении массовых мероприятий особое внимание следует уделять изменению динамики поведения людей. Поскольку нередко поведение зрителей хаотично, оно, как правило, подчиняется закономерностям действий толпы, а именно: люди находятся под воздействием одних и тех же возбудителей, вследствие чего их поведение характеризуется снижением волевых процессов, развитием бессознательного подражания и повышенным состоянием внушаемости. В этой связи правильный выбор позиций наблюдателей-профайлеров позволит мобильно и своевременно реагировать на любые

изменения в поведении лиц, находящихся на массовом мероприятии. Как правило, ритм, темп, последовательность и направление движений людей, присутствующих на крупном мероприятии, проявляются одинаково. Таким образом, сотрудники, наблюдающие за происходящим событием (либо через мониторы, либо непосредственно располагаясь в точке максимального обзора), должны обращать особое внимание на любые изменения в движениях людей, которые выбиваются из общих характеристик, указанных выше. Это может проявляться в привлечении к себе внимания, замедлении либо ускорении темпа и ритма движений, немотивированной агрессии по отношению к окружающим.

Применение технологии профайлинга в данном случае позволит сотрудникам правоохранительных органов отследить любые изменения, своевременно выяснить, каковы их настоящие причины, предупреждая, предотвращая либо пресекая их дальнейшее проявление в соответствии с действующим законодательством.

На КПП функция профайлера должна заключаться в психологической оценке лиц еще до начала прохождения досмотровых мероприятий и отнесение этих лиц к одной из следующих категорий:

- 1) безопасное лицо (лицо без видимых признаков готовности к совершению противоправных деяний);
- 2) подозрительное лицо (лицо, которое может представлять потенциальную угрозу жизни и здоровью иных участников массового мероприятия и сотрудникам правоохранительных органов);
- 3) критическое лицо (лицо, представляющее явную угрозу безопасности и намеревающееся совершить АНВ).

При этом сотрудник группы разведки при обнаружении на подходе к месту проведения массового мероприятия лиц второй категории должен информировать работников, производящих досмотровые мероприятия, о необходимости применения мер усиленного досмотра к посетителю с указанием подозрительных (явно опасных) признаков.

К тому же профайлеру целесообразно производить фотосъемку указанных лиц для последующего информирования группы патрулирования, группы применения специальных средств, оперативно-следственной группы и группы разведки, находящейся непосредственно в месте проведения массового мероприятия.

На практике это может выглядеть следующим образом: оценивая вероятностные намерения лица, подходящего к КПП, сотрудник-профайлер замечает выпирающие части одежды на левой руке у объекта оценки и принимает решение об отнесении его к категории «подозрительное лицо».

Происходит незамедлительная подача команды работникам, осуществляющим досмотровые мероприятия, «Внимание! Контроль! Левый рукав». Далее информация передается вышеуказанным группам (при необходимости с отправкой фотоснимка подозрительного лица).

Если профайлер принимает решение об отнесении объекта к категории «Критическое лицо», подается команда «Угроза!», являющаяся поводом для применения мер экстренного реагирования и задержания данного лица еще до начала прохождения досмотровых мероприятий.

Группа разведки непосредственно на территории проведения массового мероприятия осуществляет наблюдение, оценку и выявление из толпы лиц, чье поведение может создать угрозу безопасности. Особому контролю подвергаются лица, отнесенные на КПП к категории «подозрительное лицо», и лица, поведение которых может свидетельствовать о намерении совершения противоправных деяний. В случае необходимости принятия мер реагирования сотрудник-профайлер информирует об этом группу патрулирования, группу применения специальных средств или оперативно-следственную группу (в зависимости от ситуации).

Таким образом, грамотное применение навыка наблюдательности и алгоритма проведения опросной беседы позволит сотрудникам милиции реализовать на практике технологию профайлинга, снизив до минимума возможность совершения АНВ на охраняемом объекте или территории. К тому же внедрение в практику четко отработанной системы охраны общественного порядка при массовых мероприятиях даст возможность на более высоком организационном уровне обеспечивать общественную безопасность при организации и выполнении соответствующих задач оперативно-служебной деятельности.

1. Организация и тактика деятельности органов внутренних дел в особых условиях : лекции / В.А. Круглов [и др.] ; под ред. В.А. Круглова. – Минск : Акад. МВД, 2001. – 115 с.

УДК 343.64

А.С. Часнок, курсант факультета милиции
Научный руководитель – *Ю.Ф. Машиалер*

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ УБИЙСТВА ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Приоритетное направление идеологии и современной уголовно-правовой политики Республики Беларусь – обеспечение безопасности личности, ее жизни и здоровья от преступных посягательств, основанной

на конституционных требованиях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому лишение жизни другого человека вызывает большой общественный резонанс и активную дискуссию в средствах массовой информации и научных изданиях.

Так, одним из преступлений против жизни человека является убийство. Согласно ч. 1 ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) под убийством понимается умышленное противоправное лишение жизни другого человека. Наибольшую общественную опасность представляют убийства с отягчающими обстоятельствами, которые предусмотрены п. 1–16 ч. 2 ст. 139 УК [1].

Несомненно, рассматривая убийства с отягчающими обстоятельствами, необходимо учитывать его объективные и субъективные признаки.

В первую очередь обратимся к объективным признакам, которые включают в себя два составных элемента: объект и объективную сторону преступления. Возникает закономерный вопрос: что является объектом убийства при отягчающих обстоятельствах? В юридической литературе данный вопрос не имеет однозначной позиции.

С.В. Бородин высказывал точку зрения, согласно которой признавал объектом убийства не только жизнь другого человека, но и общественные отношения, возникающие в связи с охраной жизни. Он считал, что было бы неправильно сводить понятие жизни лишь к биологическому процессу, так как человек прежде всего член общества и его жизнь неотделима от общественных отношений [2, с. 19].

Н.И. Загородников также рассматривал соответствующие общественные отношения по охране жизни объектом убийства.

Ряд авторов рассматривают жизнь человека в качестве объекта посягательства наряду с общественными отношениями [3, с. 119]. По мнению Ю.А. Демидова, «Ценность жизни неизмеримо выше, чем совокупность подвергающихся посягательству общественных отношений. Признание охраняемым объектом только общественных отношений противоречит этическим положениям о ценности человека и прямым указаниям уголовного закона» [4, с. 9]. Аналогичной точки зрения придерживаются и белорусские правоведы Н.Ф. Ахраменка, Н.А. Бабий, В.В. Борода, А.В. Барков, И.О. Грунтов и др.

По нашему мнению, непосредственным объектом будут являться общественные отношения, складывающиеся в результате охраны жизни человека. Уголовно-правовой охране подлежит жизнь любого человека независимо от его возраста, физических и моральных качеств от начала рождения и до момента смерти. Жизнь человека – не только личная ценность, но и общественная, и причинение смерти по просьбе или с согласия потерпевшего по закону рассматривается как убийство.

Рассмотрим следующий элемент – объективную сторону. Под объективной стороной состава преступления следует понимать совокупность предусмотренных законом признаков, характеризующих внешнюю сторону общественно опасного деяния. Объективная сторона состава преступления включает в себя обязательные и факультативные признаки: общественно опасное деяние; общественно опасные последствия; причинную связь между деянием и последствиями (обязательные); а также время, место, обстановку, орудия, способ и средства совершения преступления (факультативные).

Объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 139 УК, образует умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство) при наличииотячающих обстоятельств, прямо указанных в данной части вышеупомянутой статьи. Состав убийства является материальным. Преступление считается оконченным с момента наступления биологической смерти потерпевшего лица. Общественно опасное деяние совершается как действием, так и бездействием. Чаще всего убийство совершается путем действия, в результате чего нарушаются функции или анатомическая целостность жизненно важных органов человека.

Однако убийство может быть совершено и путем психического воздействия. Например, человеку, страдающему тяжелой формой кардиологического заболевания, посылают ложную телеграмму о смерти его близких в расчете на то, что он скончается от сердечного приступа.

Убийство путем бездействия может иметь место лишь в тех случаях, когда виновное лицо обязано было заботиться о потерпевшем и когда оно должно было и могло совершить определенные действия, чтобы предотвратить смерть.

Общественно опасные последствия заключаются в наступлении биологической смерти человека. Обязательным элементом объективной стороны является и причинно-следственная связь между действием или бездействием виновного лица и наступившими последствиями в результате совершения данного деяния – смертью потерпевшего. Отсутствие причинно-следственной связи исключает уголовную ответственность за лишение жизни, либо влечет иную квалификацию деяния. Убийство исключается, если наступление смерти явилось результатом случайного стечения обстоятельств. Это может быть следствием неосторожных действий самого потерпевшего либо воздействия сил природы, различных механизмов и т. д.

При установлении причинно-следственной связи по делам об убийстве необходимо иметь в виду следующее:

1. Действия (бездействие) субъекта, предшествующие наступлению смерти, могут быть признаны ее причиной только в том случае, если в

момент их совершения они явились необходимым условием ее наступления, т. е. таким условием, не будь которого, смерть не наступила бы.

2. Эти действия (бездействие) в момент их совершения должны создавать реальную возможность наступления смерти.

Наравне с обязательными признаками необходимо указать, что факультативные признаки могут выступать в качестве квалифицирующих. Например, убийство, совершенное общеопасным способом (п. 5 ч. 2 ст. 139 УК).

Анализируя субъективные признаки убийства при отягчающих обстоятельствах, необходимо раскрыть субъект и субъективную сторону.

Субъект преступления – общий. В ч. 2 ст. 27 УК содержится перечень преступлений, ответственность за совершение которых наступает с 14-летнего возраста. К числу таких преступлений относится и убийство. Связано это с тем, что физическое лицо уже в 14 лет понимает общественную опасность лишения жизни другого человека. Существуют особенности убийства при отягчающих обстоятельствах, которые относятся к субъекту преступления. Это такие отягчающие обстоятельства, как совершение убийства группой лиц (п. 15 ч. 2 ст. 139 УК) и совершение убийства лицом, ранее совершившим убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст. 140–143 УК (п. 16 ч. 2 ст. 139 УК).

Заключительным элементом выступает субъективная сторона преступления. Под субъективной стороной следует понимать совокупность признаков, характеризующих внутреннее, психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям. Субъективная сторона – внутренняя характеристика, не поддающаяся восприятию другими лицами. Оценить субъективную сторону преступления можно лишь по внешним (объективным) признакам, а также по иным обстоятельствам совершения преступного деяния [5, с. 175].

Содержание субъективной стороны раскрывают три признака: вина, мотив и цель совершения преступления. Субъективная сторона убийства при отягчающих обстоятельствах характеризуется только умышленной формой вины в виде прямого или косвенного умысла. Лицо осознает, что совершает деяние (действие или бездействие), опасное для жизни другого человека, предвидит возможность наступления смерти потерпевшего и желает (при прямом умысле) либо не желает, но сознательно допускает наступление смерти или безразлично относится к ней (при косвенном умысле). Покушение на убийство возможно только с прямым умыслом, когда виновный предполагал наступление смерти, желал этого, но смертельный исход не наступил в силу причин, не зависящих от воли преступника [6, с. 315].

Мотив и цель отражаются непосредственно в конкретных отягчающих обстоятельствах, указанных в ч. 2 ст. 139 УК. Например, убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. 8 ч. 2 ст. 139 УК); убийство по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы (п. 14 ч. 2 ст. 139 УК).

При решении вопроса о содержании умысла виновного суды должны исходить из оценки всех обстоятельств преступления и учитывать способ и орудие преступления, количество, характер, локализацию ранений и иных телесных повреждений (например, жизненно важных органов: головы, шеи, левой стороны груди, печени и др.), а также предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения, характер действий виновного после совершения преступления.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что объективные и субъективные признаки убийства при отягчающих обстоятельствах являются неотъемлемой частью состава преступления. Указанные признаки позволяют разграничить сходные по объективной стороне преступные деяния, устанавливают наличие или отсутствие преступного деяния, определяют степень общественной опасности преступления, оказывают значительное влияние на квалификацию содеянного, дифференциацию и индивидуализацию наказания и способствуют всесторонней, полной и объективной оценке обстоятельств происшедшего.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 131-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Бородин, С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству / С.В. Бородин. – М. : Юрид. лит., 1966. – 251 с.

3. Пионтковский, А.А. Объект преступления. Советское уголовное право. Часть общая / А.А. Пионтковский. – М. : Юрид. лит., 1959. – 174 с.

4. Демидов, Ю.А. Человек – объект уголовно-правовой охраны / Ю.А. Демидов // Совет. государство и право. – 1972. – № 2. – С. 9–12.

5. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э.А. Саркисова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 559 с.

6. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

УДК 342.9

Е.А. Шастайло, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.В. Козелецкий*

ВОЕНИЗИРОВАННАЯ СЛУЖБА: НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Согласно определению С.И. Ожегова термин «служба» имеет несколько значений: работа, занятия служащего, а также место его работы; исполнение воинских обязанностей; отрасль производства, какая-нибудь специальная область работы; богослужение (у верующих) [1].

При этом предпоследний вид может рассматриваться как вид общепользуемой публичной деятельности с соблюдением частных интересов (работа по найму в какой-либо организации); социально-правовой институт (например, исполнение гражданами воинской обязанности); система специально созданных государственных органов (правоохранительных, предназначенных для выполнения важной внутренней функции государства – обеспечения законности и правопорядка); сфера духовной деятельности человека, направленная на его внутренний мир и определяющая его сознание.

В рамках настоящего исследования термин «служба» используется в значении особого вида человеческой деятельности в организованных коллективах – военизированных организациях, деятельность которых направлена на достижение общественно полезного результата, не связанного с производством материальных благ или оказанием услуг материального характера. В данном случае положения термина «служба» в полной мере относятся и к военизированной службе.

Как публичное явление служба имеет глубокие исторические корни. Основы государственного управления и государственной службы были заложены еще во времена Древней Руси; первоначально были нераздельны с военной организацией и строились на принципах вассалитета [2, с. 535]. В советский период специфику службы в отраслях административно-политической деятельности обуславливали задачи обеспечения обороны страны, государственной безопасности. В.А. Воробьев, например, утверждал, что государственная служба в Советской Армии, пограничных войсках, а отчасти – и в ОВД, выступает не как гражданская, а как воинская служба [3, с. 41]. Однако в указанный пе-

риод проблемы определения легального соотношения военной службы как вида государственной, равно как и государственной и иных военизированных видов, не существовало из-за отсутствия единого закона о государственной службе [5, л. 67].

И тем не менее термин «служба» получил научное осмысление в юридической литературе. Так, по мнению Г.В. Атаманчука, «...издавна в России под словом (термином, понятием) «служба» понималось отношение, связь, обязанность долга, верности, преданности, готовности исполнить дело, оказать услугу, защитить интересы» [4, с. 105]. О.И. Чуприс, например, считает, что «возникновение и развитие государства повлекло возникновение и развитие государственной службы как необходимого условия его существования... Реализация задач, функций государства, осуществление государственной власти происходит через механизм государства, который включает в качестве первичного структурного элемента систему иерархически построенных государственных органов и учреждений с работающими в них государственными служащими» [5, л. 34]. И обе представленные позиции, с нашей точки зрения, достаточно логичны.

Таким образом, можно сказать, что назначение и цель государственной службы – реализация государственной власти в интересах общества, которое не может существовать без правопорядка и обеспечения законности. «Фактически государственная служба не может существовать вне государственного управления, правосудия, законотворчества, прокурорского надзора, а осуществляется в процессе данных видов деятельности» [5, л. 40] с тем лишь дополнением, что обеспечение правопорядка и безопасности также относится к сфере государственной службы и является направлением деятельности специально созданных государственных правоохранительных органов.

В науке административного права выработаны различные подходы к классификации государственной службы. Общепризнанная классификация видовой структуры государственной службы по органам, в которых она осуществляется, представлена следующим образом: гражданская служба – профессиональная деятельность должностных лиц в аппаратах государственных органов (парламент, правительство и др.); правоохранительная служба – осуществление судебной власти, деятельность прокурорских работников, служащих таможенных органов; милитаризованная служба – военизированная (служба в органах внутренних дел (ОВД), финансовых расследований, подразделений по чрезвычайным ситуациям и др.) и войсковая (служба в Вооруженных Силах, внутренних войсках МВД, других войсках и воинских формированиях) [2, с. 572–573; 6, с. 194; 7, с. 158; 8, с. 194].

Анализ законодательства Республики Беларусь и изучение мнений позволяет классифицировать службу на гражданскую, военную и службу в военизированных организациях. Таким образом, в основу классификации учеными заложен подход выделения вида службы в зависимости от специфики функций и задач, выполняемых государственным органом. Обоснованным видится подход российского законодателя к выделению в системе государственной службы следующих ее видов: 1) государственной гражданской службы; 2) военной службы; 3) государственной службы иных видов (ст. 1) [11].

В ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «О системе государственной службы Российской Федерации» раскрывается содержание военной службы, к которой следует относить профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства. Таким гражданам присваиваются воинские звания.

Но при этом нормативного закрепления понятие «государственная военизированная организация» в российском законодательстве не получило. В систему российской государственной службы также была включена правоохранительная служба в качестве ее отдельного вида.

Продолжающаяся, например, в российском научном сообществе дискуссия о месте правоохранительной службы в системе государственной службы, на наш взгляд, послужила причиной невыделения законодателем ее в отдельный вид государственной службы. Так, А.А. Гришковец отмечает, что «введение термина «правоохранительная служба» и попытку обособления де-юре соответствующего вида государственной службы в системе отечественной государственной службы следует признать ошибкой начального этапа системного реформирования государственной службы» [9, с. 59–63]. Данный вывод подтверждается существованием в Российской Федерации правоохранительной службы как вида государственной службы (с 2003 г. по 1 января 2016 г.) и отсутствием профильного федерального закона, регулирующего прохождение данного вида государственной службы.

В научной доктрине проблемы правового регулирования военизированных организаций фрагментарно затронуты в трудах О.И. Чуприс [5], А.Н. Крамника [6], Ю.Н. Старилова [7], Б.Н. Габричидзе и А.Г. Чернявского [2] и др., но административно-правовое регулирование деятельности военизированных организаций и их научное осмысление долж-

ного развития не получили. Сегодня в белорусском законодательстве отсутствует определение понятия «военизированная служба», а также нормативно не определены критерии и признаки, которым она должна соответствовать. При этом законодатель определяет перечень государственных органов – военизированных организаций. В соответствии с подстрочным примечанием к абз. 1 подп. 1.1 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 1 июня 2007 г. № 251 к военизированным организациям отнесены ОВД, органы финансовых расследований, органы по чрезвычайным ситуациям, а также Следственный комитет и Государственный комитет судебных экспертиз [12].

Анализируя отсутствие понятий военизированной службы и государственных органов, в которых она осуществляется, О.И. Чуприс отмечает, что термин «военизированная служба» является обобщающим и применяется для целей унифицированного правового регулирования разновидностей государственной службы: службы в ОВД, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля. Представляется, что рассматриваемый термин, по мнению исследователя, должен получить законодательное закрепление как термин, обозначающий самостоятельный вид единой государственной службы Республики Беларусь [5, л. 64]. Разделяя приведенную позицию о целесообразности признания военизированной службы самостоятельным видом государственной службы, к военизированной службе, в соответствии с действующим законодательством, следует отнести также службу в Следственном комитете Республики Беларусь и Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь.

Для уяснения сути понятия «военизированная служба» обратимся к этимологии термина «военизированный». Так, согласно определению С.И. Ожегова «военизировать» означает: во-первых, «приспособить к военным условиям, перевести на обслуживание военных нужд»; во-вторых, «вооружить, организовать на военный лад» [1]. В СССР термин «военизированный» начал применяться с середины 1920-х гг. в связи с начавшейся военизацией страны. А.М. Селищев здесь указывает, что «условия, благоприятствующие употреблению военных терминов, действуют до сих пор... с 1925 г. стали приниматься меры для общей военизации страны...» [10, с. 96].

Отсутствие единого понятия «военизированная организация» и понимания содержания военизированной службы, на наш взгляд, приводит к неоднозначности его закрепления в нормативных правовых актах. Отсутствие унифицированного подхода к правовому регулированию обще-

ственных отношений, складывающихся при прохождении военизированной службы, а также большое количество нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность военизированных организаций, поясняют отсутствие единообразия правоприменительной практики. По нашему мнению, рассредоточение положений, регулирующих сходные отношения, в ряде нормативных правовых актов о службе в отдельных военизированных организациях в отсутствие базового закона о военизированной службе не обеспечивает единства и дифференциации правового регулирования военизированной службы Республики Беларусь.

Решению проблемных вопросов, как логично видится, будет способствовать единое правовое регулирование военизированной службы с принятием закона о военизированной службе. В данном законе представляется целесообразным определить, в каких государственных органах, исходя из стоящих перед ними задач, специфики, форм, методов их деятельности, прохождения военизированной службы должно быть предусмотрено. Анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность военизированных организаций, перечисленных в Указе Президента Республики Беларусь от 1 июня 2007 г. № 251, показывает, что в основе документы имеют много общего, что выражается в сходных (идентичных) нормах, регулирующих отдельные аспекты прохождения службы, организацию деятельности военизированных организаций, служебно-правовое положение сотрудников (особый порядок поступления на службу, ее прохождения и прекращения); наличии специальных званий; специальной дисциплинарной ответственности и строгой служебной иерархии; милитаризованности службы, выражающейся в наличии форменной одежды, в праве ношения и применения служебного огнестрельного оружия.

Таким образом, проведенное на основе системно-комплексного анализа действующего законодательства исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Отсутствие единого понятия «военизированная организация» и понимания содержания военизированной службы, на наш взгляд, приводит к неоднозначности его закрепления в нормативных правовых актах.

Разработка комплексного нормативного правового акта в виде закона о военизированной службе позволит сформулировать и нормативно закрепить определение понятия «военизированная служба» как вида государственной службы и выделить ее признаки; унифицировать подход к правовому регулированию общественных отношений, складывающихся при прохождении военизированной службы; уменьшить число актов, регламентирующих деятельность военизированных организаций; выра-

ботать единообразную правоприменительную практику в данной сфере общественных отношений.

2. Принятие закона о военизированной службе повлечет издание акта, определяющего служебно-правовое положение сотрудников военизированных организаций, – Положения о прохождении службы в военизированных организациях, ориентированного на выработку единообразной правоприменительной практики, эффективное решение задач, стоящих перед военизированными организациями. Принятие данного акта позволит определить служебно-правовое положение сотрудников военизированных организаций без выделения их ведомственной принадлежности, унифицировать порядок начала и прекращения службы, условия материального и пенсионного обеспечения, государственного социального страхования и др.

3. В законодательном акте, закрепляющем систему военизированной службы в Республике Беларусь, также целесообразно определить критерии данного вида службы, признаки, организационные и правовые основы ее построения и особенности реализации.

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс : Мир и Образование, 2007. – 1200 с.

2. Габричидзе, Б.Н. Служебное право : учеб. для юрид. вузов / Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявский. – М. : Дашков и К^о, 2003. – 620 с.

3. Воробьев, В.А. Советская государственная служба (административно-правовые аспекты) / В.А. Воробьев. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 128 с.

4. Атаманчук, Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика : монография / Г.В. Атаманчук. – Изд-е 2-е, доп. – М. : РАГС, 2008. – 312 с.

5. Чуприс, О.И. Теоретические проблемы правового регулирования государственной службы Республики Беларусь : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / О.И. Чуприс ; БГУ. – Минск, 2010. – 368 л.

6. Административное право : учебник : в 2 ч. / А.Н. Крамник, О.И. Чуприс. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – Ч. 1. – 566 с.

7. Стариков, Ю.Н. Служебное право : учебник / Ю.Н. Стариков. – М. : БЕК, 1996. – 698 с.

8. Административное право : учебник / под ред. Л.Л. Попова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 703 с.

9. Гришковец, А.А. К вопросу о правоохранительной службе / А.А. Гришковец // Рос. юстиция. – 2017. – № 7. – С. 59–63.

10. Селищев, А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926) / А.М. Селищев. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.

11. О системе государственной службы Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 мая 2003 г., № 58-ФЗ : в ред. Федер. закона от 23.05.2016 г., № 143-ФЗ // СПС «Консультант». Законодательство Рос. Федерации. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413. – Дата доступа: 10.06.2019.

12. О некоторых вопросах деятельности воинских формирований и военизированных организаций Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 июня 2007 г., № 251 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 16.05.2014 г. № 230 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 342.9

В.В. Шугов, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.С. Кривонощенко*

О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАН

Гражданин вовлечен в устойчивую политико-правовую связь с государством, состоящую из взаимных прав и обязанностей. Конституция Республики Беларусь провозгласила высшей ценностью государства права и свободы человека и гражданина. Органы государственного управления обязаны соблюдать, защищать и охранять правовой статус граждан. Однако следует отметить, что не все права и обязанности человека и гражданина закреплены в Конституции, многие из них находятся за пределами конституционного статуса и устанавливаются иными нормативными правовыми актами. Таким образом, в реальной жизни административная правоспособность для различных людей не всегда одинакова. Объем и содержание административной правоспособности могут изменяться с помощью норм административного права. Существует немало групп людей, административное положение которых отличается от положения основной массы граждан Республики Беларусь. Эти люди обладают специальным административно-правовым статусом [1, с. 186]. В связи с этим возникает необходимость научного осмысления понятия и содержания административно-правового статуса как одной из определяющих юридических категорий.

По мнению Т.В. Телятицкой, особенности правового статуса для каждого субъекта раскрываются применительно к отрасли права, определяющей сферу правоотношений, участником которых становится

субъект, реализуя при этом ту или иную группу субъективных прав и обязанностей [2].

Особенность субъектного состава административных правоотношений в том, что они складываются между органом государственного управления (исполнительной власти) и физическим или юридическим лицом. Необходимыми условиями административных правоотношений является то, что гражданин или юридическое лицо не должны быть подчинены органу государственного управления организационно, а также то, что данный орган должен обладать государственно-властными полномочиями по отношению к иной стороне данного правоотношения [3, с. 69].

Юридический энциклопедический словарь определяет статус как совокупность общих прав, определяющих правоспособность, и основных прав и обязанностей, неотделимых от лиц, органов, организаций, юридических лиц [4, с. 483].

Более узким будет понятие «правовой статус». Согласно определению, размещенному в Белорусской юридической энциклопедии, правовой статус личности (человека) – это термин, описывающий признаки личности (человека) как субъекта права (правоотношения), совокупность прав и обязанностей, которыми обладает конкретный индивид по отношению к государству, обществу и иным людям [5, с. 566].

В основе указанного статуса лежит признание уникальности личности, абсолютного достоинства и свободы воли, включающей возможность автономного выбора внешнего поведения, в том числе в социальной сфере. В правовой сфере личность характеризуется способностью и возможностью вступать в правоотношения, быть носителем юридических прав и обязанностей, т. е. имеет определенный статус, позволяющий ей быть субъектом права и субъектом правоотношений.

Современный правовой статус личности (человека) основывается на концепции прав человека как разновидности концепции естественных прав человека, признающей его высшей ценностью по отношению к иным субъектам.

Еще более узким по отношению к понятию «правовой статус» будет понятие «административно-правовой статус гражданина».

Юридический словарь определяет административно-правовой статус гражданина как комплекс прав и обязанностей граждан, закрепленных нормами административного права, также гарантии реализации прав и обязанностей (охрана законом и механизм защиты органами государственного и местного самоуправления) [6, с. 980]. Таким образом, он обозначается как часть общего правового статуса, установленного Кон-

ституцией и другими актами законодательства, а правовое положение граждан определяется объемом и характером административной правосубъектности.

Н.М. Конин понимает административно-правовой статус как совокупность прав, свобод и обязанностей гражданина, а также компетенцию организации или юридического лица [7, с. 68–73].

Л.М. Рябцев определяет его как комплекс прав и обязанностей граждан, закрепленных нормами административного права, а также гарантии реализации этих прав и обязанностей [8, с. 32–33].

Ю.А. Тихомиров утверждает, что административно-правовой статус гражданина есть установленные законом и иными правовыми актами права, обязанности и ответственность гражданина, обеспечивающие его участие в управлении государством и удовлетворении публичных и частных интересов благодаря деятельности государственных органов [9, с. 281].

Аналогичной позиции придерживается и Н.Ю. Хаманева, утверждающая, что административно-правовой статус гражданина – это комплекс прав и обязанностей граждан, закрепленных нормами права, а также гарантий реализации прав и обязанностей [10, с. 8].

Н.В. Мучкина в своей диссертации определила административно-правовой статус гражданина, как установленную Конституцией, законами и другими нормативно-правовыми актами, регулирующими общественные отношения в сфере государственного управления, совокупность прав, обязанностей и ответственности граждан, основанная на приоритете признания, соблюдения и защиты прав и свобод граждан, гарантирующая их реализацию в деятельности государственных органов [11, с. 7].

В соответствии с позицией В.А. Круглова и И.И. Маха определение административно-правового статуса гражданина звучит как совокупность прав, свобод и обязанностей гражданина, а также их гарантий, которые в определенной мере удовлетворяют потребности человека, создают условия для его всестороннего и гармоничного развития [12, с. 58].

Коллектив белорусских авторов пришел к выводу, что административно-правовой статус гражданина есть комплекс прав и обязанностей граждан, закрепленных нормами административного права, юридическая ответственность, правоспособность, дееспособность, а также гарантии реализации прав и обязанностей [13, с. 79].

Несмотря на множество мнений, через все вышеуказанные определения прослеживается определенная закономерность. В каждом из них ключевой составляющей административно-правового статуса являются

права и обязанности гражданина. Таким образом, если говорить о содержании указанного статуса, наиболее подходящим видится мнение Т.В. Телятицкой, которая относит к нему:

комплекс прав и обязанностей, закрепленных нормами административного права;

гарантии реализации этих прав и обязанностей, включая их охрану законом и механизм защиты органами государственной власти [14, с. 30].

С точки зрения первичной правовой основы можно различать конституционные права граждан, а также права, первично урегулированные законами и подзаконными актами. Соответственно, права граждан, закрепленные административными нормами, можно поделить на две группы:

конкретизирующие, развивающие, обеспечивающие реализацию конституционных прав. Они являются вторичными по отношению к конституционным правам, производными от них, условно их можно называть конституционно-административными;

права, регулируемые только нормами административного права, получившие первичное закрепление в источниках административного права (чисто административные).

К основным правам и свободам, составляющим правовой статус личности и гражданина, находящимся в сфере административно-правового регулирования, относятся: право на жизнь, свободу, неприкосновенность и достоинство личности; право на частную жизнь, тайну корреспонденции, телефонных переговоров и иных сообщений; право на неприкосновенность жилища; право на свободу передвижения; право на информацию; право на свободное участие в массовых мероприятиях; право на свободу объединений и др.

В свою очередь обязанности граждан в указанной сфере сводятся к следующим: соблюдать законность и дисциплину в государственном управлении; соблюдать социальные и административные запреты; получать разрешение от органов государственного управления на совершение ряда действий; выполнять законные требования органов государственного управления или должностных лиц и др.

При этом само по себе наличие прав и свобод не обеспечивает автоматического соблюдения административно-правового статуса личности. Необходимо наличие механизма реализации прав и свобод. К гарантиям реализации прав и свобод относятся:

1) юридические (правовые) гарантии – недопущение ограничения или ущемления прав и свобод граждан, закрепленных в Конституции и законах через издание подзаконных нормативных актов;

2) организационные гарантии – подразумевается наличие соответствующей системы исполнительных, правоохранительных, судебных органов, обеспечивающих защиту конституционных и административных прав;

3) экономические гарантии – определяют состояние материально-финансовой системы государства, производительных сил и средств (стабильность в экономике, нормальное состояние социального обеспечения и т. д.);

4) политические гарантии – источник – конституция, гарант – президент, принцип разделения властей.

Ученые выделяют и ряд признаков, определяющих сущность административно-правового статуса гражданина:

он складывается в рамках правоотношений «государство-гражданин», которые выражают взаимную связь государства, как правило, в лице административных органов, и гражданина;

указанные правоотношения имеют место в сфере государственного управления;

их содержание определяется совокупностью факторов, таких как состояние экономики государства, его политико-правовой системы, правовой культуры граждан.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует сделать вывод, что административно-правовой статус личности представляет собой сложное юридическое образование, структурно состоящее из четырех элементов:

правовой статус личности, человека как субъекта административного права;

статус гражданина Республики Беларусь, устанавливающий его права и обязанности в государственной и общественной деятельности;

социальный статус, предоставляющий возможность заниматься конкретной трудовой профессиональной деятельностью, учиться, служить в Вооруженных Силах, и т. д.;

особый статус, включающий в себя права и обязанности, которые граждане приобретают по своему желанию, личному интересу, для удовлетворения своих индивидуальных потребностей.

В содержании административно-правового статуса личности следует выделять:

гражданство, характеризующее политико-правовую связь личности и государства (основной элемент, на основании которого гражданин наделяется правами и обязанностями по отношению к государству и иным субъектам);

права, свободы и обязанности в сфере государственного управления, выражаемые в субъективных правах и юридических обязанностях;

административную правоспособность, характеризующую наличие закреплённого законодательством комплекса прав и обязанностей (как правило, возникает с момента рождения и прекращается моментом смерти);

административную дееспособность, характеризующую юридическую и фактическую способность лица осознанно приобретать своими действиями права и обязанности (характеризует интеллектуальную и волевую способность человека адекватно оценивать явления объективной реальности и стремиться к достижению правовых результатов, обычно связывается с достижением определённого возраста, вменяемостью и компетенцией);

административную деликтоспособность, характеризующую способность нести негативные последствия за нарушение правовых норм;

комплекс административно-правовых гарантий, обеспечивающий реализацию принадлежащих личности (человеку) прав и свобод (характеризуют мировоззренческо-духовные устои отношений человека и общества, а также обязанности государства по созданию условий индивидуам по непосредственной реализации их прав, свобод и обязанностей).

1. Россинский, Б.В. Административное право : учеб. для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 4-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 926 с.

2. Телятицкая, Т.В. Субъекты административного права и административной ответственности / Т.В. Телятицкая // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Административное право : учеб. пособие для обучающихся в учреждениях высш. образования М-ва внутр. дел Респ. Беларусь : в 2 ч. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. – Минск : Акад. МВД, 2013. – Ч. 1 : Административно-регулятивное право / И.В. Козелецкий [и др.]. – 438 с.

4. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. О.Е. Кутафин. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 559 с.

5. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. Т. 3. П-С / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 623 с.

6. Юридический словарь / под ред. А.Н. Азриляна. – 2-е изд. – М. : Ин-т новой экономики, 2009. – 1152 с.

7. Административное право России. Общая и Особенная части : учеб. пособие для вузов по направлению «Юриспруденция» и по специальности «Юриспруденция» / Н.М. Конин. – М. : Юрист, 2004. – 559 с.

8. Административное право : учебник / под общ. ред. Л.М. Рябцева. – Минск : Амалфея, 2011. – 320 с.

9. Административное право и процесс: полный курс / Ю.А. Тихомиров. – М. : БЕК, 2001. – 518 с.

10. Хаманева, Н.Ю. Административно-правовой статус человека и гражданина (Седьмые «Лазаревские чтения») / Н.Ю. Хаманева // Государство и право. – 2003. – № 11. – С. 3–9.

11. Мучкина, Н.В. Административно-правовой статус граждан Российской Федерации, обеспечение его реализации органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Н.В. Мучкина. – М., 2002. – 23 с.

12. Круглов, В.А. Административное право Республики Беларусь. Общая часть / В.А. Круглов, И.И. Мах. – Минск : Амалфея, 2017. – 279 с.

13. Административное право: научно-методологические основы / [С.В. Добрян и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 170 с.

14. Телятицкая, Т.В. Административное право : ответы на экзаменац. вопр. / Т.В. Телятицкая. – 2-е изд., перераб. – Минск : Тетралит, 2017. – 96 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андреева И.И.</i> Роль криминалистики в формировании оперативно-розыскных знаний	3
<i>Богданкевич А.Ю.</i> Полномочия должностных лиц как субъектов административного права	9
<i>Бурак А.С.</i> Органы внутренних дел в системе обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь	15
<i>Бычковская Н.И.</i> О связи наук оперативно-розыскная деятельность и криминология	20
<i>Вашумирский С.О.</i> «Мягкое право» в системе источников права Республики Беларусь	26
<i>Волчкова Н.А.</i> Особенности применения основных средств исправления осужденных к лишению свободы	33
<i>Дементей О.А.</i> Правовые гарантии права неприкосновенности собственности	39
<i>Жмаев Г.В.</i> Информационно-технологическая компетентность государственных служащих как необходимое условие реализации технологии «электронное правительство»	44
<i>Жмайлик А.С.</i> Проблемы административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних	51
<i>Жук М.А.</i> Микробиологическое исследование следов спермы в ходе расследования преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности	56
<i>Карабанов А.А.</i> Сравнительно-правовой анализ доказательственного права Республики Беларусь с доказательственным правом англосаксонской правовой системы	62
<i>Каралёк В.И.</i> Правовой статус защитника в уголовном процессе: отдельные вопросы реализации	67
<i>Ковчик В.Н.</i> Англосаксонская модель доказывания	72
<i>Король С.В.</i> Актуальность знания психологических основ привлечения граждан к сотрудничеству на конфиденциальной основе с правоохранительными органами. Усовершенствование образовательного процесса	77
<i>Костюков Е.А.</i> Правовое регулирование социально-экономических прав лиц, ищущих защиту в Республике Беларусь	83
<i>Костючок Е.В.</i> Роль и место органов внутренних дел в системе правоохранительных органов Республики Беларусь	88
<i>Кулаковский В.П.</i> Оперативно-розыскное противодействие грабёжам и разбоям	95
<i>Левчук А.Н.</i> Общая характеристика административных правонарушений против правосудия, деятельности органов уголовной и административной юрисдикции	100
<i>Лемешонок В.В.</i> Правовой статус субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности и его совершенствование	106

<i>Майсинович И.А.</i> Сущность и значение принципов осуществления оперативно-розыскной деятельности	112
<i>Марченко К.С.</i> Основные направления противодействия коррупции в Республике Беларусь	118
<i>Мискевич В.А.</i> Криминалистическое исследование холодного оружия	123
<i>Молчан Н.Д.</i> Виды и формы взаимодействия оперативных подразделений с другими службами органов внутренних дел	128
<i>Нечаев И.Л.</i> Понятие оценочных признаков уголовного закона и причины их использования	133
<i>Новаш Д.А.</i> Государственный суверенитет: история и современные подходы	138
<i>Пинчук К.О.</i> Опыт зарубежных стран в борьбе с коррупцией	143
<i>Поливода Н.В.</i> Гражданство в государствах – участниках Договора о создании Союзного государства	149
<i>Попков Н.Д.</i> Возможности электронного наблюдения в Республике Беларусь	153
<i>Рудый М.А.</i> Виды управленческих решений, принимаемых в органах внутренних дел, и критерии их классификации	158
<i>Рустаки Р.П., Скоробогатый А.В.</i> Способ совершения преступления как элемент оперативно-розыскной характеристики транснациональной торговли людьми	164
<i>Серебряков Д.А.</i> Профайлинг как основной метод совершенствования проведения оперативного опроса в оперативно-розыскной деятельности	170
<i>Скоробогатый А.В.</i> Отдельные аспекты совершенствования правовой регламентации контролируемой поставки в законодательстве Республики Беларусь	176
<i>Солонович А.Д.</i> Альтернативные способы противодействия торговле людьми	182
<i>Тарасов Н.М.</i> Особенности оперативно-розыскного обеспечения предупреждения наркопреступности	188
<i>Ткачёв А.А.</i> Некоторые аспекты правового регулирования религиозных прав и свобод в Республике Беларусь	193
<i>Трусковский А.А.</i> Классификация методов управления, применяемых в органах внутренних дел	198
<i>Фурманов А.В.</i> Субъекты использования специальных знаний при расследовании преступлений против жизни и здоровья	204
<i>Храменков В.В.</i> Применение правоохранительного профайлинга в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий	210
<i>Часнок А.С.</i> Объективные и субъективные признаки убийства при отягчающих обстоятельствах	216
<i>Шастайло Е.А.</i> Военизированная служба: научно-теоретическое осмысление и нормативное правовое закрепление в Республике Беларусь	221
<i>Шугов В.В.</i> О структуре и содержании административно-правового статуса граждан	227

Научное издание

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ,
ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ
АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В 2019 ГОДУ**

Подписано в печать 10.09.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 13,89.
Тираж 30 экз. Заказ 252.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.